

LEFT АВАДДОН BEHIND[®]

ДЕМОН-ГУБИТЕЛЬ

СБРОСИЛ

ОКОВЫ

64 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ГАЗЕТА
ТАЙНАЯ
ВЛАСТЬ

СОЮЗ
КНИГА

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВИЕ

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

АВАДДОН

ДЕМОН-ГУБИТЕЛЬ

СБРОСИЛ

ОКОВЫ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.
Л29 Аваддон: Роман / Пер. с англ. Т. Жебыневой. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. — 496 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0331-8

В пятом романе серии «Left Behind®» — «Аваддон» — весь мир, затаив дыхание, следит за встречей ста сорока четырех тысяч свидетелей, которые собрались в Иерусалиме. Тем временем события Апокалипсиса выходят на новый уровень. Сначала происходит затемнение небесных светил, лишившее человечество трети света и тепла, а после трубы пятого ангела из бездны выходит демон-губитель Аваддон, который ведет за собой полчища саранчи с человеческими лицами и жалами скорпионов. Такого испытания человечество еще не знало. По свидетельству *New York Times* этот роман стал самой шокирующей книгой серии.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind # 5: Аваддон, Russian
Copyright © 1999 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2011 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

Left Behind® is a registered trademark of Tyndale House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0331-8

© Книжный Клуб Книговек, 2011

Норману Б. Рореру
Другу и наставнику

ПРОЛОГ

Итоги «Жатвы человеков»

Кем же на самом деле была Аманда? Этот вопрос не давал Рэйфорду покоя. Он считал, что не было иного способа узнать наверняка, кроме как взлезть в ее компьютер. А это означало, что ему придется столкнуться лицом к лицу с правдой, какой бы неприглядной она ни была. Так ли важно было ему получить ответ? Чем больше он молился об этом, тем крепче становилась его уверенность, что бояться не стоит.

Что бы он ни выяснил, это неизбежно отразится на всей его оставшейся жизни. Если его обманула та, которая была его второй половиной, сможет ли он вообще еще кому-нибудь доверять? Если он настолько плохо разбирается в людях, какая от него польза для общего дела? Сомнения сводили Рэйфорда с ума, но в то же время он стал одержим желанием узнать правду настолько, что

ему было не важно, окажется Аманда любящей женой или лживой ведьмой.

Утром, перед началом самой грандиозной встречи в мировой истории, Рэйфорд вошел в кабинет Карпати.

— Ваше святейшество, — начал он, пряча любые намеки на гордость, — как я полагаю, мы с Маком должны доставить вас этим утром в Израиль?

— Вы это мне говорите, капитан Стил? Эти люди собираются против моей воли, потому я не желаю санкционировать эту встречу своим присутствием.

— Но вы обещали защиту...

— А, вот что вас интересует, не так ли?

— Вы знаете мое мнение.

— А вы осознаете, что это я указываю вам, куда и когда лететь, а не наоборот? Вы думаете, если бы я хотел быть завтра в Израиле, я бы не сказал вам заранее?

— Значит, те, кто говорит, что вы боитесь ученого, который...

— Боюсь?

— ...который выставил вас в Интернете обманщиком...

— Вы пытаетесь взять меня на «слабо», капитан Стил, — улыбнулся в ответ Карпати.

— Честно говоря, я уверен, что вы понимаете, что эти два Свидетеля и Цион Бен-Иегуда переиграют вас в Израиле.

— Два Свидетеля? Если они не перестанут шаманить со своей засухой, потопом и кровью, они ответят передо мной.

— Они говорят, что до положенного срока никто не сможет причинить им вреда.

— Этот срок определяю я.

— И все же Израиль не затронули ни землетрясение, ни метеоры...

— Вы считаете, что это дело рук Свидетелей?

— Бога.

— Скажите мне, капитан Стил. Вы до сих пор считаете, что человек, способный поднимать людей из мертвых, может быть Антихристом?

Рэйфорд заколебался, жалея, что рядом нет Циона.

— Враг рода человеческого искусен в создании иллюзий, — ответил он. — Только представьте, как отреагирует публика там в Израиле, если вы совершите нечто подобное. Ведь туда придут верующие как раз за вдохновением и божественными чудесами. Конечно, они наслышаны о вас и ваших деяниях и в чем-то страшатся встречи с вами.

Карпати взглянул Рэйфорду прямо в глаза. Капитан Стил верил в Бога. И он верил, что, несмотря на свои сверхъестественные силы, Николае окажется бессилен перед лицом ста сорока четырех тысяч свидетелей, отмеченных печатью Господа.

— Если вы считаете, — тщательно выговаривая каждое слово, произнес Карпати, — что потентату Мирового Сообщества следует почтить этих людей своим присутствием, то, возможно, вы и правы.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б ДЖЕНКИНС

Рэйфорд ничего подобного не сказал, но Карпати всегда слышал только то, что хотел услышать.

— Благодарю вас, — ответил Рэйфорд.

— Капитан Стил, готовьтесь к отлету.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

За все время полета из Нового Вавилона в Тель-Авив второй пилот МакКаллам не произнес ни слова. Это насторожило Рэйфорда.

— Что-то случилось? — прошептал он.

Мак поднес палец к губам и кивнул.

Рэйфорд закончил переговоры с диспетчерской Нового Вавилона и потянулся к спрятанной под сиденьем кнопке внутренней связи, которая позволяла им подслушивать то, что говорили находившиеся на борту потентат Мирового Сообщества Николае Карпати, верховный главнокомандующий Леон Фортунато и великий понтифик и глава религии Сокровенного Вавилона Питер Мэтьюз. Но прежде, чем он успел дотронуться до нее, Мак перехватил его руку и протестующее замотал головой.

Капитан невольно вздрогнул.

— Они в курсе? — одними губами спросил он.

Мак прошептал:

— Это очень рискованно. Нам надо поговорить.

Стил терпеливо ждал, пока предпримут меры безопасности, чтобы они могли приземлиться в Тель-Авиве. Центр управления полетами в аэропорту Бен Гурион очистил пространство от всех других самолетов, даже тех, что находились в очереди на посадку. Рэйфорд слышал, как ругались пилоты, когда им приказывали переходить в режим ожидания в милях от аэропорта, где садился «кондор». Согласно протоколу, ни одно воздушное судно не имело права находиться поблизости от самолета потентата. В преддверии собрания свидетелей воздушное сообщение в аэропорту Бен Гурион было чрезвычайно насыщенным, но это не должно было помешать приземлению самолета главы Мирового Сообщества в точном соответствии с регламентом.

— Мак, возьми на себя посадку, — просил капитан.

Тот удивленно посмотрел на него, но подчинился. Рэйфорд не уставал поражаться тому, что Святая земля совсем не пострадала от землетрясения, вызванного гневом Агнца. Конечно, ее постигли другие бедствия, но, несмотря на землетрясение и последующие кары, с воздуха Израиль казался местом, не затронутым гневом Творца.

В аэропорту Тель-Авива было необыкновенно оживленно, хотя там принимали толь-

ко крупные самолеты, отправляя остальные на посадку в Иерусалим. Несмотря на дурные предчувствия по поводу предстоящего разговора с Маком, мысль о том, что его братья по вере собираются воссоединиться, наполняла сердце Рэйфорда радостью. Карпати был вынужден не просто разрешить встречу верующих в Христа, но и торжественно пообещать им свою личную защиту. Конечно, он не был человеком слова, но публичное заявление ограничивало его свободу действий. В сложившейся ситуации он вынужден будет защищать даже рабби Циона Бен-Иегуду, духовного лидера Отряда Скорби.

Не так давно доктору Бен-Иегуде пришлось бежать из своей родной страны под покровом ночи, а за его голову повсеместно была объявлена награда. Сейчас он возвращался в Израиль как заклятый враг Карпати и лидер ста сорока четырех тысяч проповедников и обращенных ими людей. Карпати воспользовался последствиями последних катастроф, чтобы несколько раз отменить собрание верующих, но предотвратить его ему не удалось.

Перед самым приземлением, когда все должны оставаться на своих местах, пристегнув ремни, к удивлению Рэйфорда, в дверь каюты постучали.

— Леон? — обернувшись, произнес он. — Мы почти сели.

— Соблюдайте протокол, капитан! — рывкнул Фортунато.

— Что вам надо?

— Кроме того, чтобы вы называли меня «господин главнокомандующий», его святейшество требует, чтобы после посадки вы не покидали кабину и ожидали приказов.

— Мы не едем в Иерусалим? — поинтересовался Рэйфорд.

Мак сидел, уставившись на приборы перед собой.

— Именно, — заявил Фортунато. — Нам известно, как сильно вы стремитесь туда попасть.

Рэйфорд всегда подозревал, что люди Карпати рано или поздно попытаются использовать его, чтобы выследить остальных членов Отряда Скорби. Как только Фортунато вышел и закрыл за собой дверь, Рэйфорд обратился к другу:

— Дай-ка я сам.

Мак передал ему управление, и капитан резко увеличил угол снижения, попутно нажав на кнопку подслушивающего устройства. До них донесся возмущенный вопль Фортунато, а затем возгласы Карпати и Мэтьюза:

— Кто это сделал?!

Как только самолет прибыл на место стоянки, в кабину ворвался разъяренный главнокомандующий:

— Что вы такое творите, офицер МакКаллам?

— Прошу прощения, главнокомандующий, — ответил Мак. — Я ничего не мог с этим поделать. При всем моем уважении, сэр, вам не следовало покидать свое кресло во время посадки.

— Значит, так, господа, — сказал Фортунато, наклоняясь к ним. — Его святейшество требует, чтобы вы не покидали Тель-Авив, потому что неизвестно, когда ему потребуется вернуться в штаб-квартиру. Мы сняли для вас комнаты в гостинице при аэропорте. Сотрудники Мирового Сообщества вас проведут.

* * *

Бизон Уильямс со своей женой, беременной их первенцем, в этот момент находились на стадионе Тедди Колек в Иерусалиме. Хлоя еще не полностью оправилась после травм, полученных во время великого землетрясения, но отговорить ее от поездки было совершенно невозможно. Выглядела она усталой. Синяки и шрамы постепенно заживали, но она все еще сильно хромала. Ее уже нельзя было назвать красавицей, но благодаря чудесам пластической хирургии ее скула и глазница были восстановлены, так что она сохранила значительную долю своей привлекательности.

— Иди помоги остальным, дорогой, — уговаривала мужа Хлоя. — Со мной все будет хорошо.

— Тебе бы лучше вернуться к Хаиму, — предложил Бизон.

— Я в полном порядке, — настаивала она. — Мне просто надо немного посидеть. Я гораздо больше беспокоюсь за Хэтти. Ведь

я ей обещала, что буду с ней, пока ей не станет лучше либо она не обретет веру, но ничего из этого не произошло.

В то время как все члены Отряда Скорби, включая недавно обретенного — Кена Ритца, отправились в паломничество в Израиль, беременную Хэтти оставили в убежище, потому что ее состояние было крайне тяжелым. С ней остался только доктор Флойд.

— Док о ней позаботится.

— Я знаю. А теперь оставь меня ненадолго одну, пожалуйста.

* * *

Во время торжественной встречи Карпати и его свиты Рэйфорду и Маку было приказано оставаться на борту. Как обычно, Фортунато покорно стоял позади, пока Мэтьюз, отказавшись от предложения сделать заявление, представил лидера Мирового Сообщества.

— Не могу передать, как я счастлив опять быть в Израиле, — начал потентат, широко улыбаясь. — С нетерпением жду возможности лично приветствовать последователей доктора Бен-Иегуды, чтобы личным примером продемонстрировать открытость Мирового Сообщества альтернативным мнениям и верованиям. Я подтверждаю, что лично гарантирую безопасность как самому раввину, так и тысячам приезжих со всех концов света. От дальнейших комментариев я воздержусь в надежде, что в ближайшие дни

еще смогу обратиться к этому благородному собранию.

Почетных гостей проводили до вертолета, который должен был доставить их в Иерусалим, в то время как остальная свита погрузилась в автокортеж.

Когда Рэйфорд и Мак закончили послеполетную проверку и наконец покинули самолет, их погрузили в джип Мирового Сообщества, который доставил их в отель. Мак дал знак Стиллу не говорить ни слова ни в машине, ни в гостинице. Заселившись, они отправились в ближайшее кафе выпить кофе, и там Рэйфорд немедленно потребовал объяснений.

* * *

Бизон переживал, что Хлоя практически глаз не сомкнула с самого их отъезда. Они воспользовались личным самолетом Кена Ритца, так что, по мнению Бизона, это был самый комфортабельный на его памяти перелет через Атлантику, а опыт у него был богатый. Но все они — пилот, он сам, Хлоя и раввин — были слишком взволнованы, чтобы отдыхать. Цион вообще большую часть времени провел за своим ноутбуком, общаясь при помощи спутниковой связи со своими последователями.

Обширная сеть домашних церквей стремительно возникла по всему миру как бы из ниоткуда, во главе их стали крещеные евреи

из тех самых ста сорока четырех тысяч запечатленных свидетелей. Они обращались к своей пастве ежедневно, используя тексты проповедей и наставлений Бен-Иегуды. И каждый день в десятках тысяч подобных церквей, само существование которых бросало вызов Единой общемировой религии, люди обретали истинную веру.

Цион Бен-Иегуда призывал лидеров местных общин отправиться на собрание свидетелей, несмотря на предостережения Мирового Сообщества. Николае Карпати в последний момент опять попытался отменить мероприятие, сославшись на тысячи смертей по всему миру из-за отравления водой. Цион открыто назвал заявление Карпати «блефом», что вызвало сильнейший резонанс среди верующих.

«Господин Карпати, — писал он, — мы прибудем в Иерусалим согласно заявленному плану, будут на то ваше одобрение, разрешение и обещанная защита или нет. Ибо слава Господа сохранит нас».

Бизон внезапно осознал, что теперь нуждался в защите не меньше Циона. Появившись на публике вместе с ним, он автоматически лишался своей должности и источников дохода. Увидев Уильямса в опасной близости от раввина, Карпати сразу поймет, что тот переметнулся в стан его врагов.

Сам Бен-Иегуда вверил свою судьбу в руки Господа и призывал своего друга к тому же.

— Будь рядом со мной, когда мы сойдем с самолета, — сказал он Бизону. — Не надо

прятаться и притворяться. Если Господь защитит меня, то защитит и тебя. Прекрати играть с Антихристом.

Бизон уже некоторое время публиковал в Сети электронный журнал «Истина», который, как он понимал, после этой поездки станет единственным приложением его журналистских талантов. Ирония заключалась в том, что это издание пользовалось гораздо большей популярностью среди читателей, чем все его предыдущие статьи. Но гораздо больше, чем о собственной безопасности, он беспокоился за Хлою.

Похоже, Циона действительно защищали высшие силы. Значение его заявления сложно было переоценить. По сути, оно было равноценно тому, что Отряд Скорби, равно как и все сто сорок четыре тысячи проповедников со своей паствой, открыто объявили себя врагами Антихриста и тем самым добровольно обрекли себя на то, что выживание должно стать столь же неотъемлемой частью их жизни, как и проповедническая деятельность. Несмотря на все, через что они уже прошли, можно было сказать, что для них период Скорби только начался. А до второго пришествия и тысячелетнего царствования Христа на Земле оставалось еще почти пять лет.

Призыв Циона и публикации в подпольном онлайн-журнале Бизона произвели серьезный резонанс среди израильтян. Десятки тысяч евреев, обращенных в христианство, из всех колен израильских со всего

мира потянулись на родину, чтобы принять участие в собрании.

Вместо того чтобы незаметно проникнуть в страну, Цион во всеуслышание объявил путь их следования так, что он стал известен не только всем верующим, но и Карпати со-товарищи.

Кен приземлился в крохотном аэропорту Иерусалима, к северу от города. Самолет немедленно окружили верующие, так что представителям Мирового Сообщества пришлось несколько раз пальнуть в воздух, чтобы добраться до них. Верующие со всего мира радовались их прибытию, пели псалмы и пытались прикоснуться к членам Отряда Скорби, пока те шли к своему автомобилю. Водитель-израильтянин осторожно проехал через толпу и направился прямо к гостинице «Царь Давид» в Священном городе.

Там они обнаружили, что, по приказу верховного главнокомандующего Фортуна-то, весь верхний этаж занял Николае Карпати и его приближенные, отменив тем самым их резервирование.

— Полагаю, вы должны предложить нам какие-то альтернативы, — обратился к служащему Цион, простоявший полчаса в очереди.

— Простите, пожалуйста, — сказал тот, незаметно протягивая ему конверт. Раввин дал знак Бизону, и они, отойдя в сторону, вскрыли письмо. Журналист оглянулся на Кена, чтобы убедиться, что тот внимательно присматривает за Хлоей.

Записка была на иврите.

— Это от Хаима, — прошептал Цион. — Он пишет: «Простите моего дорогого друга Николае за подобную бестактность. У меня дома достаточно места, чтобы принять вас и ваших друзей, и я настаиваю, чтобы вы воспользовались моим гостеприимством. Свяжитесь с Иаковом, он о вас позаботится».

Иаковом звали водителя Розенцвейга. Он невозмутимо погрузил их вещи в багажник «мерседеса», и уже скоро члены Отряда Скорби разместились в комфортабельном и надежно охраняемом особняке, в нескольких минутах ходьбы от Старого города. Бизон предпринял робкую попытку убедить Хлою вместо собрания остаться отдохнуть, но она отреагировала весьма бурно.

— Я не для того приехала, чтобы сидеть в четырех стенах, — возмутилась она. — Понимаю, что вы обо мне беспокоитесь, но предоставьте мне самой решать, на что я способна, а на что — нет.

И все четверо отправились на стадион. Качество организации их буквально поразило. Цион был прав. Не иначе как сам Господь воспользовался его призывом, чтобы собрать всех еврейских проповедников на это удивительное мероприятие.

Несмотря на царящий в мире хаос, нашлись люди, которые продумали программу, организовали транспорт, питание, звук и синхронный перевод. Цион был поражен происходящим.

— Вам, доктор Бен-Иегуда, — сказал ему один из организаторов, — стоит беспокоить-

ся только о том, чтобы открывать нам истину и вдохновлять, как только вы подойдете к микрофону.

Цион грустно улыбнулся:

— Помимо молитвы о том, чтобы Господь не оставил нас. Только это нам и остается.

* * *

— Они тебя вычислили, Рэйфорд, — сообщил Мак, поглощая питу с соусом.

Рэйфорд недоумевающе потряс головой:

— Я вроде никогда не скрывал своих убеждений от Карпати. О чем речь?

— Мне приказали за тобой следить.

— Ну надо же...

— Меня, конечно, не удостоили встречи с самим. Зато вчера меня вызвал к себе Леон. Хорошая новость состоит в том, что меня они пока не подозревают.

— Это действительно хорошо. Они знают о подслушивающем устройстве?

— Он не упоминал о нем. Хотя однозначно дал мне понять, что тебе уже подписали приговор. Но если устройство все еще работает...

— Конечно, работает.

— Значит, я буду держать тебя в курсе дел.

— А где в это время буду я?

— Где угодно, но не здесь. Я уверен, что водитель подслушивал нас. В машине тоже наверняка были жучки, не говоря уже о кабине самолета и наших комнатах.

— Похоже, люди Карпати надеются, что я выведу их на остальных. Но ведь наши и так будут постоянно на виду во время собрания...

— Наоборот, они как раз не хотят, чтобы ты присоединился к остальным. Как думаешь, почему нам приказали остаться здесь?

— А если я уеду?

— Я должен буду немедленно сообщить им об этом. И на этом твоя карьера закончится, Рэй.

— Но я должен увидеться со своей семьей и остальными членами Отряда!

— Не сейчас. Карпати обещал защищать Циона и участников собрания, но не тебя.

— Они действительно считают, что я испугаюсь и не поеду в Иерусалим?

— О нет, они как раз надеются на обратное. Но ты не должен туда ехать.

Рэйфорд откинулся назад, недовольно скривив губы. Не то чтобы он станет скучать по этой работе... Хотя благодаря ей он много знал о творящемся в стане противника. То, что рано или поздно этот странный период в его жизни закончится, было для него очевидно достаточно давно.

— Меня заменишь ты? — поинтересовался он.

Мак кивнул:

— У меня такой приказ. Есть еще хорошая новость: им нравится Давид, и ему доверяют.

— Хассиду? Отлично!

— Он теперь заведует снабжением. Помимо обычных компьютерных дел, его оза-

ботили вообще всеми закупками, включая авиационную электронику.

Рэйфорд не верил собственным ушам. Мак вытащил из кармана какую-то бумагу и протянул ее ему.

— Только не говори мне, что Давид купил мне самолет, — произнес он.

Мак фыркнул:

— Кстати, неплохая идея. Слышал об электронных коммуникаторах? Давид заказал нам поддюжины, по специальному дизайну. Кстати, он не в курсе, что вряд ли увидит тебя в ближайшее время.

— Не могу же красть, пусть даже у Карпати!

— Красть не придется. Здесь инструкция и описание, где забрать. Стоят они ого-го, но ты сам увидишь, на что они способны. Забудь о ноутбуках. Хотя раввину может и понадобится клавиатура, но эти штуки работают на солнечной энергии, подключены к спутнику и имеют встроенный GPRS. Через них можно выходить в Интернет, отправлять и получать почту, звонить и все такое прочее.

Рэйфорд с сомнением покачал головой.

— Я надеюсь, он позаботился, чтобы их нельзя было проследить?

— Конечно.

Стил запихнул бумагу в карман.

— Что же я творю, Мак?

— Как я понимаю, ты пытаешься выбраться к чертовой матери из этой страны.

— Но я должен узнать правду об Аманде. А она известна только Бизону, а он в Иерусалиме.

Мак опустил глаза.

— Ты же знаешь, как это будет. Я бы ни за что не хотел бы рассказывать кому-либо правду о его жене. Мы с тобой оба прекрасно знаем, что все указывает на то, что тебе лучше этого не знать.

— Я все еще не смирился с этим, поэтому мне важно знать.

— А Бизон все знает?

— Похоже на то.

— Почему ты так уверен?

— Я рассказывал тебе о Хэтти?

— Ага.

— Она в курсе всех подробностей.

— Ну так поговори с ней сам, Рэй. Отправляйся домой.

— Как будто никто не заметит, как я завтра утром буду отсюда сматываться.

— За всем они уследить не смогут. Попроси помочь вашего пилота — Ритца или как его там? Чем он занят в ближайшие дни?

Рэйфорд восхищенно смотрел на Мака.

— А ты гораздо умнее, чем кажешься, парень.

Мак вытащил из кармана телефон.

— Какой у него номер?

— Твой номер скрыт? Если они засекут, что я разговаривал с Кеном Ритцем по одному из наших телефонов...

— Ты глупее, чем кажешься, если считаешь, что я стал бы так рисковать. Я дружу с парнем, который ведает снабжением, помнишь?

Мак протянул Рэйфорду свой коммуникатор, модифицированный лично Хассидом.

Рэйфорд набрал номер дочери.

— Папа! — воскликнула она. — Ты уже здесь?

* * *

Бизон очень гордился тем, что его пригласили участвовать в общей молитве организаторов собрания. Когда они с Ционом и Кеном пошли искать Хлою, он приобнял раввина за плечи.

— Ты ведь устал не меньше, чем я? — спросил он.

— Абсолютно вымотан. Надеюсь, Господь дарует мне сегодня сон. Я готов донести Его послание до наших братьев и сестер, осталось только переговорить с Эли и Моше. Ты ведь составишь мне компанию?

— Как ты мог сомневаться?!

— Я с вами, — вставил Кен.

Но то, что рассказала Хлоя, изменило их планы.

— Отец звонил, — прошептала она. — Ему необходимо завтра утром отправиться домой.

И подробно объяснила, что произошло. Кен решил, что уже сегодня вылетит в аэропорт Бен Гурион. Бизона все это скорее расстроило, потому что ему не терпелось поговорить с Рэйфордом лично. Но он утешал себя тем, что теперь тот сможет узнать правду об Аманде из первых уст.

Иаков отвез Кена и остальных в аэропорт.

— Увидимся в пятницу, — обняв его, сказал Цион.

Пока они по темноте ехали на Храмовую гору, Хлоя задремала на плече у мужа. Когда они вышли из машины, первое, что им бросилось в глаза, была светящаяся громада восстановленного Храма.

— Даже смотреть на него не хочу, — бросил Цион. — Это омерзительно.

— А я не могу дождаться встречи со Свидетелями, — произнесла Хлоя.

— Не факт, что мы их действительно увидим, — предупредил раввин. — Они небесные посланники, у них есть свой план. Иногда они говорят с нами, иногда нет. Мы приблизимся к ним, но очень осторожно.

У Бизона при воспоминании об Эли и Моше привычно пошли по спине мурашки.

— Ты же знаешь, что рассказывают, дорогая.

Хлоя кивнула.

— Я же не говорила, что не боюсь.

Все трое замедлили шаг по мере приближения к толпе, которая постоянно находилась около кованого ограждения, из-за которого вещали Свидетели. Обычно они проповедовали. Никому еще не удавалось застать их спящими, равно как и никто не осмеливался приближаться к ним. Обычно все угрозы их жизням заканчивались смертями неудачливых убийц.

Бизон пытался скрыть за видимым энтузиазмом собственную усталость. Он переживал за Хлою, но не мог лишить ее этой

возможности. Пройдя через толпу человек в сорок, они, наконец, увидели Эли, сидевшего, прислонясь к каменной стене, подобно индийскому факиру. Легкий ветерок трепал его волосы и бороду, в то время как сам он был абсолютно неподвижен, даже не моргал, так что издалека казался похожим на статую.

Моше стоял в паре футов от ограждения, глядя на толпу, тоже молча и неподвижно. Время от времени из толпы кричали:

— Скажите что-нибудь!

После чего люди отступали, очевидно, опасаясь одной из тех безумных реакций, о которых так много слышали. Моше стоял, широко расставив ноги и опустив руки. Днем Бизон видел по Интернету трансляцию сегодняшней проповеди Моше. Обычно они говорили по очереди, но сегодня явно был день Моше.

— Внимательно следи за ними, — прошептал Бизон жене. — Они способны общаться, ничего не произнося вслух. Не устаю поражаться тому, что каждый слышит их слова на своем родном языке.

В дальней части толпы возникло какое-то волнение, затем люди расступились, так что ровно посередине образовался проход.

— Карпати! — воскликнул кто-то. — Здесь сам потентат!

Цион помахал рукой, привлекая их внимание.

— Давайте останемся, — прошептал он.

Бизон, как зачарованный, следил за тем, как Леон Фортунато отдавал распоря-

жения гвардейцам Мирового Сообщества, чтобы оттеснить зевак от Карпати. Тот, не разбирая дороги, шел прямо к ограждению, как будто полностью поглощенный своими мыслями.

— Да здравствует потентат! — крикнул кто-то.

Карпати чуть обернулся, приложив палец к губам, Фортунато дал знак одному из охранников, и тот направился к толпе. Люди отступили.

— Я на минутку, — прошептал Бизон и исчез.

— Постой! — позвала Хлоя, но Бизон уже обогнул толпу и скрылся в темноте.

Он понимал, что охранники не обратят внимания на уходящего человека. Отойдя на достаточное расстояние, он вернулся через заросли кустарников и расположился так, чтобы видеть выражение лица Карпати, в упор смотрящего на Моше. Внезапно пророк заговорил, так что Карпати даже слегка отшатнулся.

— Горе тебе, враг Всевышнего!

Николае на удивление быстро пришел в себя.

— Разве я враг Господа? — мягко улыбувшись, заговорил он. — Многие считают, что я и есть сам Бог.

Моше скрестил руки на груди — это было первым его движением за весь вечер. Карпати, казалось, изучал его, приподняв голову и поглаживая подбородок. Затем Свидетель опять заговорил, но так тихо, что слышать

его мог только собеседник и затаившийся в кустах Бизон.

— И отсечет твою голову меч, — злоеющим речитативом произнес он. — И ты погибнешь.

Бизона проняла дрожь, но, насколько он мог видеть, Карпати остался абсолютно неподвижен.

— Позволь мне кое-что сказать тебе и твоему дружку, — сквозь зубы процедил он. — Вы уже достаточно досадили Израилю своими фокусами с засухой и превращением воды в кровь. Либо вы это прекратите, либо очень сильно об этом пожалеете.

Эли встал и сменил Моше, жестом предлагая Карпати приблизиться. Потентат в сомнении оглянулся на своих охранников, которые немедленно взяли оружие на изготовку. Эли заговорил так громко, что толпа буквально отпрянула. Даже Хлоя с Ционом сделали шаг назад.

— До срока у тебя нет власти над светильниками Всемогущего Бога!

Охранники опустили оружие, Фортуна-то прятался за их спинами. Карпати продолжал улыбаться, но Бизон был уверен, что на самом деле тот в ярости.

— Мы посмотрим, — произнес он, — кто в итоге победит.

Эли смотрел словно сквозь него.

— Кто победит в итоге, было известно до начала времен. Весь яд, которым ты отравлял эту землю, будет вечно разрушать тебя изнутри.

Карпати отступил, скалясь.

— Держитесь подальше от сборища так называемых свидетелей. Я гарантировал безопасность им, но не вам.

Эли и Моше заговорили хором:

— Мужчины и женщины, имеющие уши, да услышьте. Мы не связаны ни пространством, ни временем, и покуда есть те, кому могут помочь наши проповеди и свидетельства, они будут их слышать.

Это заявление поразило Бизона. Он посмотрел через площадь туда, где должны были находиться раввин и Хлоя. Цион сделал подтверждающий знак, что он понял смысл послания, и повел Хлою к машине. Бизон выскользнул из кустов и, обойдя кругом, через пару секунд оказался на автостоянке.

— Ты слышал? — спросил Цион.

Бизон кивнул.

— Потрясающе!

— Я не понимаю, — произнесла Хлоя. — О чем они говорили?

— Ты слышала их речь на иврите? — поинтересовался раввин. — Они говорили на иврите.

— Я все слышала по-английски, — ответила она.

— И я, — подтвердил Бизон. — Они сказали: «Мужчины и женщины, имеющие уши, да услышьте...»

— Я слышала, — перебила его жена. — Но что это значит?

— Они впервые обратились к женщинам, — пояснил Цион. — Это из-за того, что

ты была там, Хлоя. Они знали, что мы там. Нам не было нужды подходить к ним и представляться, рискуя попасться на глаза Карпати до того, как мы будем готовы к встрече с ним. Как не надо договариваться с ними о том, чтобы они появились на стадионе. Они ведь сказали, что, покуда есть те, кому могут помочь наши проповеди и свидетельства, они будут их слышать.

— Это значит, что они придут? — уточнила Хлоя.

— Полагаю, да.

— Но когда?

— Тогда, когда будет нужно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

У Рэйфорда с Ритцем оказалось на удивление много общего. Общение с Кеном отвлекало Стила от переживаний по поводу собственного будущего, поиска средств к существованию и страхов перед тем, что он может узнать о собственной жене. Кен, бывший военный, был старше его на десять с лишним лет. Человек по натуре грубоватый, он как раз переживал то, что Цион Бен-Иегуда назвал «радостью обретения веры».

По дороге домой у них было достаточно времени, чтобы поговорить о жизни. Стил про себя благодарил Господа за то, что тот послал ему настоящего друга. Потому что ему отчетливо не хватало именно такого человека, как Кен: Цион для него был духовным наставником, Бизон — практически сыном. И Рэйфорд ужасно скучал по Брюсу

Барнсу. Ведь тот был, по сути, не только его учителем, но и другом, обретенным и затем утраченным. Поэтому Кен казался ему просто даром свыше!

Ритц заверил Рэйфорда, что тот быстро научится управлять «гольфстримом».

— После пассажирских аэробусов он будет для тебя все равно что трехколесный велосипед для профессионального велосипедиста.

— Хочется верить, что так и будет, — ответил Рэйфорд. — Но ты ведь все же дашь мне пару уроков?

— Нет проблем. Кстати, напомни, как зовут того парня, который теперь вместо тебя работает на Карпати?

— Мак. Мак МакКаллам.

— Ага. Итого у нас в отряде три пилота. Самое время убедить нашего костоправа сматываться из больницы при Мировом Сообществе, пока не поздно. Так у нас появится собственный доктор. Итак, три пилота, доктор и раввин — звучит почти как начало анекдота. Знаешь, что забавно: твоя дочь — единственный член Отряда, у которого нет определенной профессии, но именно она являет собой то, что я называю гласом разума. Конечно, Цион самый умный среди нас, но такие парни, как я, гораздо лучше понимают твою дочь, чем его мудреные речи.

Рэйфорд рассказал ему о Давиде Хассиде.

— Не знаю, как долго он продержится, но пока это дополнительные глаза и уши в

стане врага. Рано или поздно и ему, и Маку придется бежать. А тогда уже посмотрим, кто кого.

— Чертовски верно! — воскликнул Ритц. — Терпеть не могу отсиживаться в обороне. Давно уже пора наподдать этому мерзавцу!

До этого Рэйфорд никогда не слышал, чтобы так называли Карпати, но стиль Кена ему определенно нравился. Работа у Карпати изрядно утомила его и сделала подозрительным, так что он был только рад прекратить играть в игры и приступить к активным действиям.

Когда он рассказал Кену об Аманде, было похоже, что тому слегка не по себе.

— Я сочувствую твоей потере, — произнес Ритц, когда Рэйфорд дошел до описания авиакатастрофы, в результате которой погибла его жена.

— Полагаю, ты в курсе остального? — подытожил Рэйфорд, не упоминая о подозрениях относительно Аманды.

— Да. Ни к каким особым выводам я не пришел, но могу себе представить, как ты из-за всего этого себя чувствуешь.

— Бизон не говорил, что такого ему рассказала Хэтти?

— Я вообще не знал, что она способна разговаривать. Честно говоря, не удивлюсь, если она не доживет до нашего возвращения.

— Это не совсем то, что я рассчитывал услышать.

* * *

Бизон надеялся, что если лечь попозже, то он сможет быстро уснуть, несмотря на смену часовых поясов. Однако его организм продолжал жить по чикагскому времени, поэтому ему не спалось, так что он лежал, тупо глядя в потолок. Радовало, что хотя бы Хлоя крепко спала.

На рассвете он почувствовал, как она зашевелилась, проснувшись, но у него не было сил даже открыть глаза. Она коснулась губами его щеки, но он не мог издать ни звука.

— Отдыхай, любимый, — прошептала она. — Впереди долгий день.

Она встала, через некоторое время Бизон почувствовал запах готовящегося завтрака, но вместо того, чтобы встать, он отключился и проспал до полудня.

* * *

Они достигли пригородов Чикаго на рассвете, и Рэйфорда поразило, с какой легкостью Кен связался с аэропортом Палуоки и получил разрешение на посадку.

— Ты здесь так спокойно распоряжаешься, как будто это твоя собственность.

— А ведь Отряду Скорби не помешал бы служебный самолет, правда?

За полуразрушенным ангаром стояла машина Бизона. Она блестела как новенькая.

Как только Рэйфорд и Кен подошли, им навстречу выскочил какой-то парень.

— Машина вымыта, сами посмотрите, — отчитался он, мотнув копной рыжих волос в сторону «ровера».

— Видим, — ответил Ритц. — Похоже, ты и под капотом покопался?

— И вам повезло, что я это сделал. Зажигание полетело.

— Я говорил тебе об этом.

— А еще вы говорили, что вернетесь не раньше чем через неделю. Я успел покопаться в вашем моторе только потому, что мне больше нечем было заняться.

Ритц представил Эрни Рэйфорду, но тот держался настороже, пока Кен не притянул его к ним поближе.

— Ничего не замечаешь?

Эрни неуверенно сделал шаг вперед и уставился на лоб Рэйфорда, после чего улыбнулся и убрал руками волосы со своего лба. Рэйфорд обнял его.

— Здравствуй, брат.

— Здесь еще есть наши, включая хозяина этого места, — пояснил Ритц. — Нас немного, поэтому мы стараемся быть осторожными. Эрни у нас большой поклонник рабби Бен-Иегуды.

— О да, — подтвердил парень. — Не могу дождаться начала великого собрания. Его будут транслировать по Сети сегодня в полдень.

— Мы обязательно будем смотреть, — сказал Рэйфорд.

Ему не терпелось скорей поехать. Через полчаса они затормозили позади одного из домов в Маунт-Проспект. Машина шла на удивление плавно.

— Хорошо бы этот Эрни всегда был под рукой, — заметил Стил. — Важно, чтобы эта машинка, как и наш самолет, всегда была на ходу.

— Заметил, как шевельнулась занавеска, когда мы подъехали? Флойд должен был убедиться, что это мы, в противном случае он бы сразу перенес Хэтти в подземное убежище.

— За вами следят?

— Скорее всего, нет. Этот квартал заброшен, по дорогам, ты сам видел, почти не проехать. Пока это место было идеальным. Хочешь взглянуть на могилу жены Донни?

Рэйфорд уже слышал историю о том, как Цион с Кэмероном нашли это место, поэтому кивнул в ответ, и в этот момент к ним навстречу вышел доктор Флойд Чарльз. На лице его было написано удивление.

— Мы пытались тебе дозвониться, — начал Ритц.

— Я общался по телефону со своим человеком в больнице.

— Это Рэйфорд Стил. Я собирался показать ему могилу.

— Той женщины, которую никто из нас, за исключением вас, капитан, в глаза не видел?

Рэйфорд кивнул, подтверждая его слова.

— Я просто знал, кем она была, не больше. Доктор, мы же братья по вере, зовите меня Рэй.

— С удовольствием. Называйте меня, как вам будет угодно, только не Флойдом.

— Как Хэтти?

— Не слишком хорошо. Она спит.

— Она поправится?

Доктор Чарльз с сомнением покачал головой.

— Я далек от оптимистических прогнозов. Возвращаться в Центр по контролю и профилактике заболеваний в Атланте глупо. Мы можем только догадываться, что ей ввели те, из Мирового Сообщества. Даже если отправленные мной образцы когда-нибудь получат, в медицинском центре либо будут это отрицать, либо что-нибудь сокрут.

Они подошли к простой могиле и остановились в молчании.

— Надо бы как-то обозначить это место, — произнес Рэйфорд. — Чтобы было понятно только своим. Не привлекая ненужного внимания к этому месту, но чтобы мы помнили, кем она была и где похоронена.

Рэйфорд был признателен этой женщине за то, что сейчас Отряд Скорби устроил свой штаб в ее бывшем доме. Про себя он невольно вел учет смертей близких ему людей. Список этот постоянно увеличивался и неизбежно напоминал ему об Аманде.

На его долю уже выпало достаточно горя, и он боялся, что прежде, чем настанет его черед, ему придется пережить еще немало потерь.

Пока Флойд Чарльз показывал Рэйфорду их пристанище, они обменялись последними новостями. Дом и в особенности подземное убежище, которое устроил Донни до своей кончины, поразили Стила. Рано или поздно им придется жить уже не в доме, а под ним. Но они могли только гадать, как скоро это случится. В этом мире не осталось ничего предсказуемого, за исключением судов небесных, скрупулезно описанных в исследованиях Циона. Кто выживет и как долго — все было в руках Божьих.

Рэйфорду и раньше приходилось сталкиваться с людьми, находившимися на грани жизни и смерти, но вид Хэтти, его бывшей коллеги, друга и даже объекта романтического увлечения произвел на него очень сильное впечатление. Он стоял у ее кровати со смешанным чувством сострадания и надежды, неслышно молясь за нее. Конечно, он очень хотел знать, что именно ей было известно про Аманду, но он не был настолько эгоистичен, чтобы желать ей здоровья только для того, чтобы она смогла ему об этом рассказать. Он с нежностью убрал волосы с ее лба. Было слишком темно, и он не мог разглядеть, есть ли у нее печать Господа. Доктор Чарльз, как бы отвечая на его вопрос, покачал головой:

— Мы с ней много говорили об этом последнее время, но она еще не приняла решение. Вернее, не вняла нашим убеждениям.

— Хлоя считает, что она близка к тому, чтобы обрести веру, — заметил Рэйфорд. — Видит Бог, ей многое известно. Но кто знает, что ей на самом деле нужно?

— Я постоянно пытаюсь ее убедить, — признался доктор. — Но она слишком упряма. Как будто ждет чего-то. Не знаю чего. Я в растерянности.

— Молись, чтобы она пережила этот день, — сказал капитан. — И разбудите меня, если она проснется.

— Хотите снотворного?

Рэйфорд с удивлением посмотрел на доктора:

— Я не знал, что вы подрабатываете фармацевтом.

— Напротив, я предельно осторожен с лекарствами. Сам их не употребляю, но я понимаю, что у тех, кто путешествует из одного конца света в другой, могут возникнуть проблемы.

— У меня никогда не было проблем со сном.

— Я вам завидую.

Рэйфорд остановился на полпути вверх.

— А вы, доктор? Вы хорошо спите?

— Я же говорил, что не пользуюсь снотворным.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Доктор Чарльз опустил глаза и покачал головой.

— Как вы догадались?

— Вы скверно выглядите, простите, что я так прямо.

Флойд равнодушно кивнул.

— Хотите поговорить? — спросил Рэйфорд.

— Вы ведь устали.

— Эй, док, насколько я понимаю, уйдя из больницы, вы присоединитесь к нам. А мы здесь как семья. Для членов семьи у меня всегда есть время.

— Просто я не хотел об этом никому говорить, пока все не вернется.

Стил подтянул к себе стул.

— О чем?

— Со мной произошло то же, что и с вами.

— Хочешь сказать, что больше не работаешь на Мировое Сообщество? Тебя уволили?

— У меня есть друг в больнице. Он тоже верующий. Я как раз разговаривал с ним, когда Кен, видимо, пытался со мной связаться. Он сообщил мне, что ничего не знает о месте моего нахождения и знать не желает и по-дружески советует мне исчезнуть.

Рэйфорд пожал ему руку.

— Ну что ж, добро пожаловать в наши ряды. Как думаешь, кто-нибудь мог проследить тебя досюда?

— Нет, я принял для этого меры. Но я слишком долго отсутствовал на работе, так что у них возникли подозрения.

— Если они не знают, где ты, значит, мы все в безопасности.

Доктор оперся на холодильник.

— Дело в том, что я не хочу быть вам обузой. В Мировом Сообществе мне неплохо платили, но я никогда не поступался своими принципами. Я работал, чтобы спасать жизни и помогать людям.

— Другими словами, у вас было меньше проблем с совестью, чем у меня, когда вам приходилось работать на врага?

— Я не имел в виду ничего подобного.

— Знаю. Вы переживаете, что станете обузой для нас.

— Именно.

— Взгляните на меня, док. Я один из членов Отряда, и у меня, как и у вас, нет источника дохода.

— Мне едва ли от этого легче.

— Я думаю, медицинская помощь является достаточной компенсацией жилья и пропитания. Вы гораздо ценнее меня: я всего лишь дополнительный пилот, да к тому же без самолета.

Рэйфорду показалось, что Чарльз как будто улыбнулся. Внезапно он покачнулся, едва сохранив равновесие.

— Вы в порядке?

— Просто устал.

— Когда вы в последний раз спали?

— Давно, но не беспокойтесь...

— Насколько давно?

— Очень. Но я в полном порядке.

— Кен? — Позвал Рэйфорд. Ритц поднялся к ним. — Ты не мог бы посидеть немного с Хэтти?

— Конечно. Во мне столько кофе, что я еще сутки не усну.

Доктор посмотрел на него с искренней благодарностью.

— Ловлю вас на слове, господа. И спасибо.

Проинструктивровав Кена, он побрел наверх, а Ритц устроился рядом с кроватью Хэтти, с Библией на одном колене и ноутбуком — на другом.

Рэйфорду вид Кена, время от времени поглядывающего поверх очков, как там Хэтти, показался забавным. В роли сиделки он смотрелся весьма комично.

Пару минут спустя, растянувшись на кровати, Рэйфорд услышал, как в соседней комнате уже вовсю храпит Флойд.

* * *

За сутки до открытия мероприятия Бизон, Цион и Хлоя встретились с организаторами на стадионе, где должно было пройти собрание свидетелей, чтобы уточнить последние детали. Когда они вернулись к машине, Иаков передал им записку от Хаима. На клочке бумаги было написано: «Доктора Розенцвейга срочно вызвали в резиденцию потентата. У него к вам личная просьба от верховного главнокомандующего».

— Не может быть! — прокомментировал Бизон.

— Простите, сэр?

— Не обращайтесь внимания. Так что там за просьба?..

— Не знаю, сэр. Мне просто сказали как можно скорее доставить вас к доктору Розенцвейгу.

Бизон наклонился к Циону:

— Как думаешь, что все это значит? Что может быть нужно Фортунато?

— Я должен был предвидеть, что Карпати захочет со мной встретиться. Для пиара или из политических соображений.

— Почему Карпати не переговорил с Розенцвейгом лично?

— Это против протокола. Ты же знаешь.

— Но ведь они давние друзья, — возразила Хлоя. — К чему все эти формальности? Разве не Розенцвейг в свое время представил тебя Карпати, дорогой?

Бизон кивнул.

— Полагаю, Николае получает особое удовольствие, указывая Хаиму, где его место.

Буквально в дверях особняка их перехватил хозяин, которого прямо-таки распирало от энтузиазма.

— Цион, теперь мне все известно, — заявил он. — Ты решил помериться силами с моим другом Николае и публично выступил против него в Интернете. Но уверяю тебя, ты несправедлив к нему! Он прекрасный, можно сказать, святой человек! То, что он смиренно просит разрешения выступить во время собрания, как ничто другое доказывает, что намерения его чисты...

— Выступить?! — возмутилась Хлоя, — Это невозможно! Там будет толпа обращенных в христианство иудеев, убежденных в том, что Николае — Антихрист!

— Что ты такое говоришь, милая? — улыбнулся ей Хаим. — Николае Карпати? Он же делает все для мира, разоружения и всеобщего объединения!

— О да, я именно об этих его деяниях:

Розенцвейг обратился к своему протеже.

— Цион, ты же понимаешь, что пригласить его на сцену будет единственно верным выходом.

— Хаим, ты общался с Карпати лично?

Старик насупился и передернул плечами, как бы отмахиваясь от высказанного предположения.

— Конечно, нет. Он чрезвычайно занятой человек. Главнокомандующий Фортуна-то его самый доверенный...

— Неужели он слишком занят даже для тебя? — возразил Цион. — Ты национальный герой, живая икона, человек, благодаря которому Израиль стал страной мирового значения! Именно твоя формула стала ключом к успеху Карпати. Как он может забыть об этом и отказывать во встрече тебе, своему старому другу?..

— Николае не отказывал мне во встрече! Если бы я только попросил, он бы наверняка удостоил бы меня аудиенции.

— И все же, — продолжил Бен-Иегуда, — Хлоя права. Как бы ни хотел я унижить Карпати, то, о чем ты просишь, не лезет ни в ка-

кие ворота. Как, по-твоему, отреагируют на его появление двадцать пять тысяч собравшихся на стадионе и сотни тысяч по всему городу?

— Несомненно, из христианского милосердия они радушно поприветствуют мирового лидера.

Цион коснулся колена Хаима.

— Доктор Розенцвейг, вы мне как отец. Я вас люблю и с распростертыми объятиями встречу на стадионе. Но Ник...

— Я же не один из вас, верующих, Цион. Почему ты отказываешь в этой чести другому, такому же, как я?

— Потому что не просто не верит. Он враг Господа и всего того, во что мы верим. Хоть ты пока еще не веришь, но ты нам не вра...

— Пока еще?! — Хаим с хохотом откинулся на спинку стула. — Ты говоришь об этом так уверенно.

— Я каждый день молюсь о тебе.

— Я, конечно, признателен, но это самое большее, что я могу сказать, друг мой. Я еврей по рождению и воспитанию. И хотя я далек от религии, я действительно верю, что Мессии еще только предстоит явиться. Не стоит внушать себе ложную надежду, что я стану одним из твоих свидетелей. Я...

— Ох, Хаим! Ты же слушал мое выступление, в котором я на весь мир озвучил результаты своих изысканий?

— О да! Это было потрясающе и, без сомнения, убедительно. И смотри, что из этого

получилось. Но очевидно, что не все с тобой согласились.

Бизон чувствовал, что Цион не верит в искренность его слов.

— Доктор Розенцвейг, — продолжал раввин, — я был бы очень признателен, если бы вы позволили мне изложить вам мои аргументы. Если бы я только мог показать вам свои записи и выводы, я уверен, что смог бы доказать вам, что Иисус Христос — Мессия, а Николае Карпати — его злейший враг. Я был бы рад просто...

— Когда-нибудь у тебя будет такая возможность, друг мой, — ответил Розенцвейг. — Но не накануне одного из важнейших событий в твоей жизни. Должен сказать, что я скорее поверю, что Иисус действительно Мессия, чем в то, что Николае — его враг. Это совсем не похоже на того человека, которого я знаю.

— Доктор, у меня сегодня есть на это и силы, и желание. Дайте мне шанс.

— И все же, — улыбаясь, произнес Хаим, — не сегодня. Однако я готов заключить с тобой сделку. Ты предоставишь Николае возможность выступить на открытии вашего собрания, а я обещаю, что потом внимательно выслушаю все твои аргументы.

Очевидно, что самому ему очень нравилось предложенное решение. Цион был явно расстроен подобным поворотом разговора. Как бы ища поддержки, он посмотрел на Бизона, затем на Хлою и, пожав плечами, сказал:

— Не знаю, что вам ответить. Действительно, не знаю. Если честно, доктор, я надеялся, что такой друг, как вы, не откажется прислушаться к словам своего почитателя без всяких условий.

Розенцвейг встал, подошел к окну и выглянул в щелку между занавесками.

— Николае предоставил вооруженную охрану, чтобы ты не пострадал, как в свое время твоя семья, и чтобы тебя не посмели снова изгнать с родины. Я всего лишь прошу тебя оказать самому могущественному человеку в мире подобающее почтение. Я буду искренне разочарован твоим отказом. Но это не является необходимым условием того, чтобы ты со временем изложил мне свои взгляды.

Цион встал, засунув руки в карманы. Обернувшись к Бизону и остальным, он едва слышно произнес:

— Спасибо и на этом. Мне надо помолиться, чтобы понять, как ответить на требование Карпати.

Бизон с трудом мог себе представить, как Карпати осмелится появиться на подобном собрании и как его воспримут присутствующие. С чего бы ему подвергать себя подобному?

— Цион, мне надо дать ответ сегодня, — попросил Розенцвейг. — Я обещал.

— Я не могу ничего тебе сказать, Хаим, пока не помолюсь. Если господин Фортуна то настаивает...

— Дело вовсе не в этом, Цион. Я дал свое слово.

— Я не знаю.

— Но могу я хотя бы ему сообщить, что ты молишься об этом, так?

— Конечно.

— Цион, как ты думаешь, благодаря кому это собрание стало возможным?

— Понятия не имею.

— Это все Николае! Неужели ты думаешь, что мои соотечественники предложили бы подобное? Ты ведь открыто поддержал тех двоих у Стены Плача, тех, которые буквально проклинали нашу страну, твою страну! Они открыто хвастались, что наслали эту засуху, которая принесла нам столько бед. Они обращают воду в кровь, поражают нас чумой. Ходят слухи, что они даже появятся на вашем собрании!

— Я на это очень надеюсь, — сказал Цион.

Сейчас они стояли, глядя друг другу в глаза и протянув друг другу руки.

— Мой дорогой Цион, — говорил Хаим, — посмотри, к чему мы пришли. Если Николае не страшится обратиться к аудитории, которая целиком состоит из его недоброжелателей, разве он не достоин восхищения?

— Я буду молиться, — ответил Цион. — Пока это все, что я могу сказать.

Возвращаясь в свою комнату, Бизон услышал, как Хаим по телефону оправдывался:

— Леон, мне очень жаль...

* * *

Тем же днем в Иллинойсе Рэйфорда разбудили шаги на лестнице. Дверь открылась.

— Рэй, ты спишь?

Он сел на кровати, щурясь от света.

— Хэтти приходит в себя. Не пора ли будить доктора?

— Ей что-нибудь нужно?

— Не думаю.

— Тогда не надо его беспокоить. С ней все в порядке?

— Она пытается разговаривать.

— Скажи ей, что я сейчас приду.

Рэйфорд дополз до ванной и плеснул себе в лицо холодной воды. Его сердце бешено билось. На негнущихся ногах он спустился в подвал, где Кен как раз помогал Хэтти напиться.

— Капитан Стил! — Ее голос дрожал, зрачки были расширены. Она поманила его к себе. — Вы не могли бы нас оставить? — попросила она Кена. Как только тот вышел, она обратилась к Рэйфорду: — Николае хочет, чтобы я умерла. Он отравил меня. Мне от него не спрятаться.

— Откуда ты знаешь, Хэтти? С чего ты решила, что он тебя отравил?

— Я знала, что он это сделает, — едва слышно сказала она. Каждый раз перед тем, как произнести очередную фразу, она судорожно вздыхала. — Он и вашего друга Брюса Барнса отравил.

Рэйфорд даже сел от неожиданности.

— Ты что-то об этом знаешь?

— Он открыто хвастался этим. Говорил, что это был яд замедленного действия. Брюс постепенно должен был чувствовать себя все хуже и хуже, и если все прошло по плану, то вскоре после возвращения в Штаты он умер.

— У тебя достаточно сил, чтобы рассказать мне кое-что еще?

Хэтти кивнула.

— Не хочу, чтобы тебе стало хуже.

— Я вполне могу говорить.

— Что тебе известно об Аманде?

Хэтти скривилась, как будто беззвучно рыдая, и отвернулась.

— Значит, ты что-то знаешь? — настаивал он.

Хэтти кивнула, выглядела она жалко.

— Расскажи мне.

— Мне очень жаль, Рэйфорд. Я с самого начала все знала и могла рассказать тебе.

Он сжал зубы, чувствуя, как кровь пульсирует в висках.

— Рассказать о чем?

— Я участвовала в этом, — произнесла она. — Не по своей воле, и я могла это остановить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В голове у Рэйфорда все смешалось. Самое страшное, что он мог предположить, что Аманда с самого начала была засланным агентом. Наверняка Хэтти достаточно рассказала Карпати о его первой жене, чтобы Аманда могла состряпать вполне правдоподобную историю о встрече с Ирэн. Но даже если так, ее вера была истинной. Его разум отказывался понимать происходящее.

— Карпати приказал убить ее, потому что она обрела веру?

Хэтти не понимающе уставилась:

— Что?

— Хэтти, пожалуйста, мне надо знать.

— Но ты же меня возненавидишь.

— Нет, я очень хорошо к тебе отношусь. И я вижу, что ты переживаешь из-за того, что принимала во всем этом участие. Пожалуйста, расскажи!

Хэтти тяжело дышала.

— Это был обман, Рэйфорд. С начала и до конца.

— Аманда?

Она кивнула и попыталась сесть, но без помощи Рэйфорда ей это не удалось.

— Все те электронные письма были подложными. Меня научили их писать. Я все их видела.

— Письма?

— Анонимки Брюсу. Мы знали, что кто-нибудь в итоге их обязательно найдет. Как и якобы переписку Николае и Аманды. Она понятия не имела, что эти письма есть у нее в компьютере. Они были так хорошо спрятаны и зашифрованы, что, даже будь она экспертом, ей бы пришлось попотеть, чтобы их найти.

Рэйфорд не знал, что сказать.

— Но ведь они были написаны именно так, как она выражалась. Я до смерти перепугался.

— У Николае есть специалисты по подобным вещам. Они перехватывали всю вашу переписку и использовали полученную информацию против вас.

Рэйфорда душили слезы, и ему казалось, что еще немного и легкие вместе с сердцем взорвутся от переполнявших его эмоций.

— Правда ведь она была той, кем я ее считал?

Хэтти кивнула.

— Даже больше. Она искренне любила тебя и была тебе предана всем сердцем. Мне

было так стыдно, когда мы с ней виделись в последний раз, только это и удержало меня от того, чтобы во всем признаться. Я знала, что так и надо было сделать. Я хотела. Но я поступила так ужасно, так отвратительно. А она с самого начала относилась ко мне с любовью. Она ведь знала о нас с тобой. И хотя мы с ней были совсем не похожи, она любила меня. Я не могла допустить, чтобы она узнала, что я помогла выставить ее предательницей.

Рэйфорд был в смятении, не в силах осознать свалившуюся на него правду.

— Спасибо, Хэтти, — только и смог он выдать.

Он вспомнил, что не увидел печати Господней на искаженном и лишенном жизни лице Аманды, потому что самолет упал до того, как этот знак появился на лбах у истинных верующих.

Хэтти вернула ему веру в Аманду и уверенность в том, что та спаслась. И хотя обстоятельства их первой встречи вызывали в нем ненужные подозрения, он ни секунды не сомневался в искренности ее веры в Бога.

Он помог Хэтти лечь.

— Я принесу тебе что-нибудь поесть, а потом поговорим о тебе, — предложил он.

— Избавь меня от этого, пожалуйста. Ты и твои друзья последние два года только и делали, что говорили со мной обо мне. Ничего нового ты мне не скажешь. Я только что рассказала тебе о том, что совершила, и поверь мне, это не самое худшее.

— Господь простит тебя, я уверен.

Она фыркнула.

— С чего бы? Я в это ничуть не верю.

— Он, конечно, не должен, потому что никто из нас не заслужил прощения.

— Ты с этим смирился, — возразила она. — А я не могу. Мне не хуже Его известно, что я недостойна этого.

— Значит, ты все решила за Него?

— Если бы решала я...

— А кто, как не ты?

— А если так, то да, я решила, что недостойна и не хочу жить благодаря этой, как вы ее называете?..

— Милости Господней?

— Да, наверное. Пойми, разница между теми, кто достоин спасения, и теми, кто должен спастись, огромна.

— И ты видишь несправедливость в том, что Он дает всем равные шансы?

— Именно. Несправедливо будет, если Господь спасет меня, в то время как мы с Ним знаем, что я совершила.

* * *

Перед отъездом на стадион Бен-Иегуда попросил Бизона и Хлою зайти к нему в комнату. Вид ноутбука, заменившего привычную тетрадь с записями, невольно вызвал у Кэмерона улыбку. Все трое преклонили колени.

— Конечно, прибыв на место, мы еще обязательно помолимся вместе с организа-

торами, — начал Цион. — Но обстоятельства могут нарушить наши планы, а я бы не хотел начинать это собрание, не обратившись к Господу.

— Можно вопрос? — поинтересовалась Хлоя. — Что ты ответил Фортунато?

— Я объяснил Хаиму, что не стану оказывать Николае никаких почестей. Представлять его я тоже не буду, равно как и просить кого-то сделать это. Если он явится и потребует микрофон, я не буду ему мешать, — устало улыбнулся Цион. — Конечно, Хаим со мной спорил, пытался убедить не наносить такое оскорбление потентату. А что я еще могу сделать?! Я не скажу ему в лицо все, что хотел бы, я не буду призывать верующих выражать свои чувства по отношению к нему и обличать его. Это все, что в моих силах.

Хлоя кивнула.

— Когда должны прибыть Свидетели?

— Думаю, они уже в пути.

— Я имела в виду Эли и Моше.

— А! На то воля Божья. Они обещали быть, мероприятие продлится еще два дня и две ночи. И без сомнения, их я с удовольствием приглашу к микрофону, когда бы они ни появились.

Молитвы Бен-Иегуды всегда производили на Бизона очень сильное впечатление. Он видел его в момент отчаяния, сразу после убийства его жены и детей. Слышал, как он просил Бога о помощи, покидая Израиль, до смерти боясь, что его арестуют. Сейчас Цион

смирненно преклонил колени в ожидании момента, когда ему предстоит объединить десятки тысяч вновь обретенных братьев и сестер по вере из всех двенадцати колен Израилевых.

— Господь, отец наш, — начал Цион, — благодарю Тебя за ту радость, что Ты даровал нам. Мы в первых рядах Твоих воинов, и храбрость нам внушают Твое могущество и защита. Все собравшиеся там люди будут алкать слова Твоего. Вложи его в мои уста и уста других проповедников. Да скажем мы то, что должны по воле Твоей, и да услышат они то, что дано им услышать.

Бизон был погружен в собственную молитву, когда их прервал вежливый стук в дверь.

— Прошу прощения, — сказал Розенцвейг. — Но прибыл эскорт Мирового Сообщества.

— Я думал, нас отвезет Иаков...

— Так и будет. Они просто сообщают, что, если вы хотите попасть на стадион вовремя, надо отправляться прямо сейчас.

— Но он ведь совсем рядом!

— И тем не менее. Там такие пробки, что только с вооруженным эскортом вы сможете попасть туда вовремя.

— Вы поедете с нами, Хаим?

— Я посмотрю все по телевизору. Я попросил Иакова захватить для вас упаковку питьевой воды. Те псевдопророки у Стены опять превращают воду в кровь. И хотя с начала прибытия участников собрания она

вроде как очистилась, мы не можем знать наверняка. В любом случае приезжие не рискуют пить воду из-под крана.

Как оказалось, эскорт представлял собой два джипа с мигалками, в каждом из которых было по четыре вооруженных охранника, равнодушно наблюдавших за тем, как члены Отряда Скорби усаживались в «мерседес» Хайма.

— Карпати не отказал себе в удовольствии продемонстрировать собственное превосходство, — прокомментировала Хлоя.

— Будь он умнее, — заметил Цион, — то предоставил бы нам возможность добираться своими силами, так чтобы мы с гарантией опоздали.

— Ви би не опосда-али, — произнес Иаков. — Я би доставил вас туда вовгемя.

Нигде и никогда до этого, даже в Нью-Йорке, Бизон не видел таких пробок. Все дороги к стадиону были заполнены машинами и людьми. Последний раз такое количество счастливых лиц он видел до Восхищения. Люди спешили к месту собрания, захватив с собой ноутбуки и бутылки с водой. И на всех лицах были написаны решимость и искреннее рвение. Как ни удивительно, те, кто отправился пешком, обогнали машины и автобусы.

Благодаря почетному эскорту люди осознали, что в этом «мерседесе» едет сам Цион Бен-Иегуда. Они махали, приветствовали его криками и даже стучали в окна машины. Сопровождающие отгоня-

ли их с помощью мегафонов и демонстрации оружия.

— Мне претит сама идея появляться здесь под эгидой Мирового Сообщества, — неприязненно произнес Бен-Иегуда.

— Ну, они всяко не знают коротких путей, — вставил Иаков. — Хотя они на внедорожниках и могут последовать за нами.

— Ты знаешь короткий путь? — спросил Цион. — Так поехали скорее!

— А можно?

— Вряд ли они откроют по нам огонь, но чтобы не отстать, им придется потрудиться.

Иаков резко вывернул руль влево, буквально перелетев через разделительную насыпь, и, ловко маневрируя между едва ползущими машинами, понесся вперед. Джипы Мирового Сообщества немедленно включили сирены и рванули за ними. Первая из машин вскоре сумела их обогнать и возглавить процессию. Когда они поравнялись, водитель высунулся из окна и что-то яростно крикнул Иакову на иврите.

— Он говорит, чтобы тот никогда так больше не делал, — перевел Цион. — А мне так даже понравилось.

В этот момент Иаков нажал на тормоза и резко остановил машину, так что следовавший за ними джип буквально взрыл передними колесами землю, чтобы в них не врезаться. Затем Иаков вылез из «мерседеса», встав так, чтобы водители обоих джипов могли его видеть. Наконец ехавшие впереди сообразили, что происходит, и чуть погодя подали назад.

— Если не хотите, чтобы у вас были неприятности из-за того, что мы опоздаем по вашей вине, следуйте за мной! — крикнул им Иаков.

Цион улыбнулся Хлое:

— Как там любит повторять твой отец?

— Веди, следуй за мной или уйди с дороги!

Пока их процессия, возглавляемая Иаковом, ехала к стадиону, они осознали, что туда желают попасть гораздо больше заявленных двадцати пяти тысяч.

— Ведь снаружи будет вестись трансляция? — уточнил Цион.

Бизон кивнул.

— Предполагается, что тех, кто не сможет попасть на стадион, направят на специально подготовленные площадки, оборудованные мониторами, но, похоже, все хотят остаться здесь.

По приезде солдаты Мирового Сообщества выскочили из джипов и, желая реабилитироваться после того, как Иаков выставил их идиотами, настояли на том, чтобы сопровождать Циона и остальных на стадион. На самого водителя Розенцвейга они смотрели с плохо скрываемой неприязнью, хотя тот предупредил Бизона, что останется в машине на том же месте, где их высадил.

— Разве вам отсюда будет что-то видно? — оглядываясь, спросил Бизон.

Иаков указал ему на экран в двадцати футах от них и добавил:

— Если что, я послушаю радиотрансляцию.

— Тебе правда интересно?

— Очень. Это может показаться странным, но мне никогда особо не нравился наш потентат, хотя доктор Розенцвейг так им восхищается. А рабби Бен-Иегуда кажется таким мудрым и добрым человеком...

— Вы смотрели его выступление, когда он...

— Конечно, как и все, сэр.

— Значит, вряд ли ты узнаешь что-то принципиально новое. Поговорим позже.

Организаторы пребывали в состоянии, близком к религиозному экстазу. Бизона до глубины души трогало, когда он слышал, как они сообща молятся на английском, иврите и еще нескольких неизвестных ему языках. То там, то здесь раздавалось понятное без перевода «Мессия Иисус», «Есу Кристо», «Иешуа Хамашиах».

Встав на колени рядом с женой, он почувствовал, как она оперлась на него, склонив голову ему на плечо.

— Дорогой, — произнесла она, — мы в Раю.

— Но ведь еще ничего не началось, — прошептал он.

По мере того как люди собирались, воздух наполнялся радостными возгласами и песнопениями.

— Что они там говорят? — спросил Бизон.

— «Аллилуйя» и «слава Господу», — ответили ему. — А еще они произносят имя Иисуса.

Когда часы почти пробили семь, распорядитель собрания Дэниэл обратился ко всем участвующим в организации:

— Как вы знаете, программа у нас очень простая. Я коротко поприветствую всех и начну с общей молитвы. Мы споем «О благодать», а затем я представлю доктора Бен-Иегуду. Он будет проповедовать и наставлять, покуда у него хватит сил и вдохновения. У присутствующих здесь переводчиков есть копии текста его выступления, и, надеюсь, они знают, кто у какого микрофона стоит.

— Помните, — тихо добавил Цион, — я могу не всегда следовать конспекту, но я буду делать паузы, чтобы вы успевали перевести.

Все находившиеся в комнате торжественно кивнули, многие взглянули на часы. Никогда в жизни Бизон не испытывал такого благоговейного возбуждения, как в этот миг перед началом собрания, слушая доносившиеся сверху песнопения.

— Только представь, все эти люди там, на трибунах, — наши братья и сестры по вере, — сказал он Хлое.

Без трех минут семь, когда Цион, отойдя от остальных, пытался сосредоточиться, в комнату вбежал какой-то парень.

— Остальные площадки пусты! — крикнул он. — Все собрались здесь! Это Божий промысел, не иначе!

— Сколько? — спросили его.

— Вокруг стадиона собралось более пятидесяти тысяч, — ответил он. — Их как мини-

мум в два раза больше, чем внутри. Многие из них не запечатленные свидетели. И даже не евреи. Людям просто любопытно.

Дэниэл дал знак рукой, и все в комнате умолкли.

— Следуйте за мной по коридору наверх, а затем по лестнице на сцену. Вы сможете все наблюдать из-за кулис, но сначала переводчики должны занять свои места у микрофонов. На сцене не должно быть никого, кроме меня и доктора Бен-Иегуды. Соблюдайте, пожалуйста, тишину. Отец наш Небесный, да будет воля Твоя.

По-прежнему призывая всех соблюдать тишину, они с Ционом повели всех за кулисы. Бизон выглянул украдкой и обнаружил, что весь стадион, включая проходы и даже поле, до отказа заполнен людьми. Многие держались за руки. Некоторые обнимали соседей за плечи и, раскачиваясь, пели религиозные гимны.

Переводчики вышли на сцену, заняв свои места перед микрофонами, и толпа притихла в ожидании. Как и было заявлено, ровно в семь к простой деревянной кафедре посреди сцены вышел Дэниэл.

— Добро пожаловать, дорогие братья и сестры, во имя Господа всемогущего... — поприветствовал он собравшихся.

Он сделал паузу, чтобы его слова успели перевести, но зрители немедленно разразились восторженными криками и аплодисментами. Дэниэл был несколько ошарашен и виновато улыбнулся переводчикам.

— Я подожду, пока вы переведете, — обращаясь к ним, едва слышно произнес он, однако восторженные крики зрителей не умолкали.

Когда аплодисменты наконец стихли, он кивнул переводчикам, и те повторили его фразу. Толпа зрителей единогласно запротестовала, но когда Дэниэл продолжил:

— Творца небес и земли... — снова раздались радостные возгласы.

Распорядитель ждал, пока его слова переведут, но голоса переводчиков потонули в гомоне зрителей.

— И сына его Иисуса Христа, Мессии.

Толпа как будто обезумела. Внезапно на сцену выбежал помощник распорядителя. Дэниэл начал было его отчитывать:

— Пожалуйста, на сцене не должно быть никого, кроме...

— Не нужно переводить! — прокричал тот. — Переводчики не нужны! Зрители понимают ваши слова, как если бы вы говорили на их родном языке, и просто хотят, чтобы вы продолжали.

Пока толпа продолжала неистовствовать от восторга, Дэниэл подошел к краю сцены и дал знак переводчикам подойти.

— Спасибо, но ваша помощь не понадобится, — улыбаясь, сообщил он. Когда они разошлись, удивленные, но довольные, он вернулся к микрофону. — Позвольте выразить нашу признательность тем, кто...

Трибуны ответили овацией.

Наконец Дэниэл поднял руку, призывая всех к тишине. Каждое его высказывание было встречено с восторгом.

— Не надо объяснять вам, зачем мы все здесь собрались! — объявил он. — Нас всех называют избранными Господа, так давайте помолимся все вместе!

Зрители мгновенно умолкли. Многие даже встали на колени.

— Отец наш, благодарим Тебя за Твою милость и любовь. За то, что Ты прощаешь нас и даруешь второй шанс. Мы с нетерпением ждем выступления доктора Бен-Иегуды и молим Тебя о том, чтобы Ты своей Божественной силой даровал нам способность не упустить ничего из того, что Ты вложил в его уста. Мы молимся об этом во имя Тебя, царь царей и владыка владык. Аминь.

Тысячегласное «Аминь» эхом пронеслось по толпе. Дэниэл начал петь «О благодать», дирижируя толпой:

— О благодать! Как сладок глас, дарящий нам любовь! Я погибал — Всевышний спас. Был слеп — и вижу вновь...

Бизон совсем не умел петь. Этот гимн был его самым любимым, потому что очень точно отражал его собственные взаимоотношения с Богом. И когда этот гимн вдохновенно пели двадцать пять тысяч верующих, это производило ошеломляющий эффект. Люди за пределами стадиона подпевали. А Бизон с Хлоей просто плакали от восхищения.

— Пусть солнце будет нам сиять, даря тепло и свет, и мы восславим Благодать все десять тысяч лет.

Когда мелодия затихла, Дэниэл попросил всех сесть.

— Тот, кто будет выступать перед нами сегодня, известен большинству из вас благодаря своим проповедям в Интернете, — начал он. — Для меня большая честь...

Он не смог закончить фразу, потому что все зрители встали. Они хлопали, кричали, свистели. Дэниэл безуспешно попытался их утихомирить, но затем смирился и ушел со сцены в таком же недоумении и замешательстве, как стоявший за кулисами Цион. Когда Бен-Иегуду наконец вытолкали к кафедре, реакция толпы буквально оглушила Бизона. Конечно, они с Хлоей тоже ему аплодировали, он же был их пастором и наставником. Но никогда прежде Уильямс не чувствовал принадлежность к Отряду Скорби и знакомство с человеком на сцене такой привилегией, как в тот момент.

Цион робко встал перед кафедрой, положив на нее свою Библию и конспекты. Приветственные аплодисменты продолжались до тех пор, пока он не оторвался от бумаг и, улыбнувшись и едва слышно поблагодарив всех, не поднял обе руки, призывая зрителей к тишине. И толпа, внемля ему, вернулась на свои места.

— Возлюбленные братья и сестры, благодарю вас за теплое приветствие, ибо оно адресовано тому, чье имя превышает всех других имен. Потому что все, что мы делаем, мы делаем во славу Господа триединого.

Толпа опять восторженно отреагировала, но Цион своевременно дал знак замолчать.

— Родные мои, сейчас мы, подобно Моисею, испытываем горнее откровение, которое славит все деяния Господни. Но мы гости в этой стране. У нас жесткие ограничения по времени. Так что я прошу вас воздержаться от шумного проявления ваших эмоций начиная с этого момента и до конца моей проповеди.

Толпа мгновенно умолкла, так что Цион даже удивился.

— Я ведь не обидел вас?

Легкие аплодисменты послужили знаком того, что зрители ждут продолжения.

— Позже, когда наш распорядитель подаст знак, вы сможете в полной мере выразить свою благодарность Господу нашему. В Библии сказано: «Да хвалят имя Господа, ибо имя Его единого превознесенно, слава Его на земле и на небесах».

Дамы и господа, — продолжил Цион, слегка ссутулившись, чтобы подсматривать в свои записи, — сегодня, как никогда, я жажду донести до вас Слово Господне. Мне предоставлена уникальная возможность обратиться ко многим из тех ста сорока четырех тысяч свидетелей, чье появление, как я верю, было предсказано в Писании. Я считаю себя одним из вас, и Господь возложил на меня миссию помочь вам научиться проповедовать Его учение. Конечно, большинство из вас уже владеют

этим искусством, потому что каждый день помогают другим обрести спасение. Благодаря вам миллионы людей по всему миру обрели веру.

Я бы хотел еще раз поговорить с вами о Его плане нашего спасения, чтобы, расставшись через три дня, мы могли заняться тем, к чему призывает нас Господь. Ближайшие два дня вы посвятите изучению Писания. Большую часть времени вы будете заниматься самостоятельно, но вечерами мы будем встречаться здесь, чтобы все смогли обрести уверенность в своих силах, пообщаться и послушать пастырское наставление.

Затем Цион повторил свои тезисы, доказывающие на основании текста Ветхого Завета, что Иисус был Мессией, те самые, что он озвучил во время своего легендарного телевыступления, после которого ему пришлось бежать из родной страны. Он перечислил все имена Господа, завершив свою речь цитатой из девятой главы Книги Исаии: «Ибо младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира».

На этих словах зрители, которые не могли больше сдерживать свои эмоции, вскочили на ноги. Цион улыбнулся, кивнул и, как бы соглашаясь с ними, указал на небо.

— Да-да, — произнес он. — Я не буду сдерживать ваше желание вознести хвалу Всевышнему. Сам Иисус сказал, что если

мы не будем славить Господа, то камни возопиют.

Бен-Иегуда продолжил, напоминая, что Господь с самого начала дал людям шанс на спасение, послав Иисуса, невинного агнца, как жертву, которая должна была искупить все грехи мира. Он повторил присутствующим все те истины, которые им недавно открылись: что человек рожден в грехе и ничто из того, что он делает для себя, не может примирить его с Господом. И только осознав и уверовав в то, что Христос сделал для него на кресте, может человек возродиться духом к жизни вечной.

— В шестом стихе четырнадцатой главы Евангелия от Иоанна написано, — Цион впервые за весь вечер повысил голос, — Иисус сказал ему: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Именно это послание мы должны донести до людей. До тех, кто отчаялся, болен или напуган. Сейчас всем, даже тем, кто предпочел отвернуться от Бога, очевидно, что Он существует, и человек должен выбирать: либо с Ним, либо против Него. И нам понадобится не меньше мужества, чем в свое время Христу, чтобы проповедовать людям, что Он — их единственная надежда.

Мы, братья и сестры, те, кого называют божественными свидетелями — сто сорок четыре тысячи, — помогли Ему собрать великую жатву душ. То, что Иоанн Богослов назвал «великим множеством людей, кото-

рого никто не мог перечесать». Перечитайте сегодня перед сном седьмую главу Книги Откровения и разделите со мной восторг от описания того, какая великая миссия на нас возложена. Иоанн говорит, что вновь обращенные будут «из всех племен и колен, и народов и языков. Наступит день, когда они будут стоять пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих!».

Люди на стадионе слушали проповедь как зачарованные. Бизон сжимал руку жены и едва сдерживался, чтобы не кричать в испуге: «Аминь».

— И они будут восклицать громкими голосами, говоря: «Спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу!» — продолжал Цион. — «И все Ангелы стояли вокруг престола и старцев и четырех животных, и пали перед престолом на лица свои, и поклонились Богу, говоря: «Аминь! Благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь и сила и крепость Богу нашему во веки веков! Аминь».

Толпа опять зашумела, но на этот раз Цион даже не пытался ее утихомирить. Он чуть отступил назад от кафедры и опустил глаза в пол. Бизону показалось, что его, как и всех присутствующих, переполняют эмоции, так что он только рад был возможности сделать паузу и взять себя в руки. Когда вернулся к микрофону, стоящая толпа мгновенно затихла, стараясь не упустить ни единого слова.

— Один из старцев спросил Иоанна: сии облаченные в белые одежды кто и откуда пришли? И тот сказал: «Ты знаешь, господин». И он сказал ему: «Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца».

Цион переждал очередную волну восторженных криков и продолжил:

— «За это они пребывают [ныне] перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их».

Затем раввин поднял руку, призывая зрителей к тишине, и произнес:

— Мы с вами пробудем в Израиле еще два дня и две ночи, готовясь к нашей миссии. Оставьте свои страхи! Будьте мужественны! Вас ведь не удивило, что никого из нас не коснулись последние кары, о которых я писал? Когда с небес на землю пали град, огонь и кровь, а метеор сжег треть растительности на земле и отравил треть всех рек и источников воды, как нам удалось спастись? Было ли это случайностью? Или удачей?

— Нет! — в один голос отозвалась толпа.

— Нет! — повторил Цион. — В Писании сказано, что Ангел, восходящий от востока солнца и имеющий печать Бога живого, об-

ратился громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю. Что же он им сказал? «Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего». Иоанн пишет: «И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых».

Я бы хотел завершить сегодняшний вечер, напомнив вам стих, который всегда был дорог сердцам наших братьев и сестер, не принадлежащих к народу Израилеву. В этих словах сама суть нашей веры. Стих шестнадцатый глава третья Евангелия от Иоанна. — Тут Цион заговорил так тихо и проникновенно, что ему пришлось наклониться совсем близко к микрофону, чтобы его было слышно, а люди невольно потянулись вперед: — «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего...»

Откуда-то сверху послышался отдаленный гул, который постепенно приближался. На поверку он оказался стрекотом винтов белого блестящего вертолета, перекрывшим голос раввина и привлекшим к себе всеобщее внимание. На глазах у зрителей вертолет с эмблемой Мирового Сообщества на боку медленно приземлился. Воздушная волна от его огромных лопастей буквально заставила Бен-Иегуду отступить от кафедры.

Затем пилот заглушил двигатель, и винт остановился. Под негромкое перешептывание зрителей из вертолета выскочил Леон

Фортуно и направился прямо к кафедре. Он кивнул Циону, который никак на это не отреагировал, и поднял микрофон на нужную ему высоту.

— Доктор Бен-Иегуда, члены оргкомитета и участники собрания... — с энтузиазмом начал он.

Реакция аудитории явно была совсем не такой, как он ожидал: люди, похоже, были чем-то озадачены, они пожимали плечами или обменивались недоуменными взглядами и репликами.

— Позовите переводчиков! — крикнул кто-то. — Ничего не понятно!

Фортуно вопросительно взглянул на стоящего рядом проповедника, но тот демонстративно смотрел прямо перед собой.

— Доктор Бен-Иегуда, — попросил главнокомандующий, — здесь есть кто-нибудь, способный переводить? Чьими услугами вы пользуетесь?

Цион упорно его игнорировал.

— Прошу прощения, — произнес Фортуно в микрофон. — Я знаю, что в зале должны присутствовать переводчики. Если вы немедленно подойдете к сцене, его святейшество, ваш потентат, будет крайне признателен вам за оказанные услуги.

Бизон выглянул посмотреть на реакцию переводчиков, которые сидели в первых рядах на поле. Они все как один в ожидании смотрели на Циона, в то время как Фортуно даже не знал, к кому он обращается.

— Пожалуйста. — В его голосе появились просительные интонации. — Будет несправедливо, если только те, кто понимают по-английски, смогут получить удовольствие от выступления двух следующих ведущих.

«Ах, значит, ведущих», — отметил про себя Бизон. Это заявление вывело из ступора даже Бен-Иегуду. Он резко повернул голову в сторону Леона.

— Прошу вас, — одними губами прошептал тот.

Толпа уже начинала недовольно шуметь. Цион посмотрел на переводчиков, которые ждали только его знака, и слегка кивнул, давая добро. Они немедленно поспешили к микрофонам.

— Премного благодарен, доктор Бен-Иегуда, — выдохнул Фортунато. — Вы нам очень помогли, его святейшество также вам крайне признателен.

Цион не обратил на эти слова никакого внимания.

Затем главнокомандующий повторно обратился к аудитории, говоря нарочито медленно и с паузами, чтобы переводчики могли за ним успеть.

— Мне не только как верховному главнокомандующему, но и как простому человеку чрезвычайно приятно сообщить вам, что через пару мгновений здесь появится некто, действительно способный творить чудеса, и, поверьте, я знаю это по собственному опыту. Конечно, я говорю о его святейшестве,

потентате Мирового Сообщества Николае Карпати!

Фортунато сделал эффектную паузу, ожидая радостных возгласов и аплодисментов. И хотя на лице его застыла улыбка, Бизону показалось, что главнокомандующий был смущен и обеспокоен тем, что никакой реакции не последовало. Никто из присутствовавших на стадионе даже не пошевелился, хотя все, за исключением Циона, смотрели на Фортунато.

Леон на удивление быстро сориентировался.

— Его святейшество лично поприветствует вас, но сначала я бы хотел представить уважаемого главу Всемирной религии Сокровенного Вавилона, верховного понтифика, Понтифекса Максимуса, Петра Второго.

Фортунато торжественно отступил назад, дав знак сидящим в вертолете, и оттуда появился комично разодетый человек, которого Бизон когда-то знал как Питера Мэтьюза, архиепископа Цинциннати. Он стал папой вскоре после исчезновения предыдущего понтифика и к настоящему моменту представлял собой первосвященника всех религий мира, за исключением иудаизма и христианства.

Как ни удивительно, Мэтьюзу удалось выбраться из вертолета, не утратив чувства собственного достоинства, хотя на нем было самое причудливое церковное одеяние из всех, что когда-либо приходилось видеть Бизону.

— Боже, что это? — ахнула Хлоя.

Бизон смотрел, буквально разинув рот, как Петр Второй хорошо поставленным жестом и сообразной пафосно-благочестивой миной приветствовал всех собравшихся. На нем была высокая остроконечная шапка с символом бесконечности и переливающаяся желтая хламида со шлейфом. Все облачение было богато изукрашено огромными драгоценными камнями, кисточками и витым шнуром, а на каждом рукаве красовалось по шесть ярко-синих бархатных полос, так что было больше похоже, что он вырядился на карнавал, чем на религиозное собрание. Бизон с трудом удержался от смеха. Когда Мэтьюз повернулся к нему спиной, стало заметно, что шлейф хламиды расшит астрологическими символами.

Мэтьюз махал руками, как бы благословляя присутствующих, и Бизон размышлял, как он воспринял враждебность и равнодушные аудитории. Интересно, осмелится ли Карпати сам выйти на сцену?

Понтифик поднес микрофон прямо ко рту и заговорил, пространно жестикулируя:

— Мои благословенные братья и сестры, ищущие высшего состояния сознания! Мое сердце ликует при виде всех вас, собравшихся здесь, чтобы внимать благонамеренным наставлениям моего коллеги и уважаемого писателя, доктора Циона Бен-Иегуды!

Очевидно, Мэтьюз предполагал, что упоминание почитаемого аудиторией человека,

подобно объявлению о выходе именитого боксера, должно вызвать у публики восторженный вопль, но аудитория по-прежнему оставалась молчаливой и неподвижной.

— Я благословляю это собрание от лица всех мужских, женских и зооморфных божеств, которые с любовью направляют нас на путь истинной духовности. Во имя гармонии и единения я обращаюсь к доктору Бен-Иегуде и остальным лидерам вашего учения с просьбой добавить богатое наследие и благоприобретенную мудрость вашей религии к нашей многоцветной палитре. Я призываю вас внести свою лепту в ту прекрасную мозаику, которая включает в себя, признавая и принимая, все основные догматы величайших религий мира. Надеюсь, наступит день, когда знамя вашей веры взойдется под крылом религии Сокровенного Вавилона, но вы можете быть уверены, что я до последнего буду защищать ваше право не соглашаться и самостоятельно искать своего Бога в нашем многоликом божестве.

Мэтьюз царственно обернулся и позволил Фортунато занять его место. Оба делали вид, что не заметили отсутствия реакции со стороны публики.

— А сейчас, — объявил главнокомандующий, — я с огромным удовольствием представляю вам человека, который объединил мир в единое сообщество. Его святейшество, ваш потентат Николае Карпати. Прошу всех встать, когда он появится, чтобы поприветствовать вас.

Зрители остались неподвижны.

И тут появился Карпати. На его лице застыла улыбка. Насколько Бизон помнил, ему всегда удавалось завоевать внимание толпы. Он был самым энергичным и обаятельным оратором из всех, кого Бизон когда-либо слышал. На него самого, конечно, Карпати уже не производил столь глубокого впечатления, но он не знал, являлась ли Божья печать на лбу свидетелей и обращенных достаточной защитой от манипуляций Антихриста.

— Сограждане Мирового Сообщества, — начал Николае, давая возможность переводчикам делать свою работу и, как показалось Бизону, всеми силами стараясь завоевать симпатию аудитории. — Как ваш потентат, я приветствую вас на израильской земле, на этом прекрасном стадионе, названном в честь великого государственного деятеля прошлого, сторонника мира и гармонии.

Бизон был поражен. С первых слов Карпати поставил себя в один ряд с бывшим мэром Иерусалима, человеком, о котором слышали большинство присутствовавших. Он даже забеспокоился, что Антихристу удастся повлиять на сомневающих, таких как Иаков. Бизон тронул Хлою за плечо.

— Я скоро вернусь, — прошептал он.

— Куда ты собрался? — удивилась она. — Я бы ни за что в жизни не пропустила такое шоу. Как думаешь, мне бы пошел такой

наряд, как у Мэтьюза? Может, на какую-нибудь вечеринку?

— Мне надо переговорить с Иаковом.

— Отличная идея.

Как только Уильямс сделал пару шагов, у него в кармане завибрировал мобильный.

— Слушаю, — ответил он.

— Куда ты направляешься?

— Кто это?

— Ты был на сцене рядом с блондинкой, так?

Бизон остановился.

— Я хочу знать, кто говорит.

— Мак МакКаллам. Рад познакомиться.

— Мак?! Что случилось? Где ты?

— На вертолете, конечно! Давно я такого шоу не видел. Сейчас они непринужденно болтают, как на вечеринке среди друзей. Но слышал бы ты, что эти парни говорили по дороге на стадион! Ругались последними словами, проклиная Бен-Иегуду и всех верующих. Карпати меня чуть слюной не забрызгал, так поносил тех двух Свидетелей.

— Я не удивлен. Кстати, ты уверен, что твой звонок не прослушивается?

— Я рискую своей собственной шеей.

— Полагаю, что так.

Бизон объяснил ему, куда и зачем идет.

— Карпати — тот еще перец, — заметил Мак.

— Да, Хлое больше понравилось чудо портновского искусства на Мэтьюзе.

— Мне тоже! Ладно, мне пора. Не хотелось бы объяснять им, с кем я говорил.

— Будь на связи, Мак.

— Не переживай. И не попадайся на глаза этим парням. Они на все способны.

— Погоди, — спросил Бизон с улыбкой.
— Ты хочешь сказать, мы не можем верить Карпати на слово? Он не заслуживает доверия?

— Именно. Берегите себя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Зная, что все руководство Мирового Сообщества покинуло Новый Вавилон, Рэйфорд послал электронное сообщение Хассиду: «Будь на связи в шесть по вашему времени».

В назначенное время, за час до начала прямой трансляции по Интернету собрания свидетелей, он набрал номер Давида. Тот сразу взял трубку.

— Ты где сейчас? — спросил Рэйфорд.

— Снаружи. Пока наши Эббот и Костелло¹ в отъезде, здесь очень тихо.

¹ Эбботт и Костелло (англ. Abbott and Costello) — знаменитый американский комедийный дуэт. Бад Эббот (1895—1974) и Лу Костелло (1908—1959) начали сниматься в кино в начале 1940-х годов, много выступали на радио и телевидении в 1940-е и 1950-е годы. Их программа «Эбботт и Костелло» — одна из самых популярных и долговечных программ, выпуски которой многие телекомпании показывают и в наши дни.

Рэйфорд хмыкнул:

— Я думал, ты слишком молод, чтобы слышать о них.

— Я их большой поклонник, — возразил Дэвид. — Особенно сейчас, когда они заправляют всем миром. Что-то случилось? Я собирался смотреть трансляцию с открытия собрания. У нас в бункере ее будут показывать на экране величиной во всю стену.

Рэйфорд сообщил ему последние новости.

— Как ни печально, но, скорее всего, в следующий раз я тебя увижу, если тебе придется скрываться вместе с нами.

— Не представляю, как отсюда можно сбежать, но Мак прав: хорошо, что тебе удалось ускользнуть. Твои дни были сочтены.

— Я крайне удивлен, что Николае не сделал со мной ничего раньше.

— Кстати, твоему зятю тоже лучше затаиться на время. Его здесь частенько вспоминают. Мне дали задание проследить, откуда он публикует информацию в своем интернет-журнале. Но знаешь, Рэйфорд, как бы усердно я ни работал и сколько бы времени ни тратил, похоже, мне так и не удалось расшифровать коды и найти его.

— Серьезно?

— Я делаю все, что могу. Честно. Ужасно, когда ты не можешь отчитаться боссу о выполненной работе, потому что это будет стоить жизни твоему брату. Понимаешь, о чем я?

— Продолжай в том же духе. Уверен, тебе удастся как минимум ввести их в за-

блуждение, и это отвлечет их на какое-то время.

— Неплохая идея.

— Послушай, ты можешь мне объяснить, как подключить мой ноутбук к телевизору, чтобы нам удобнее было смотреть трансляцию?

Давид рассмеялся.

— В следующий раз ты скажешь, что у тебя сломался тостер.

— Как ты догадался?

— Случайно.

— Знаешь, ты для нас полноправный член Отряда, — сменил тему Рэйфорд. — И не важно, что большинство никогда не встречались с тобой лично. Вы с Маком теперь единственные, кто остался там, и мы понимаем, насколько это опасно.

Давид мгновенно посерьезнел:

— Спасибо. Я бы очень хотел встретиться со всеми и быть с вами вместе, но как ты правильно заметил, если это случится, значит, мне придется спасаться бегством... от самого технологически продвинутого режима в истории человечества. Не исключено, что мы увидимся только на Небесах. Ну а пока не нужен ли вам самолет или еще что-нибудь?

— Мы как раз собирались это обсудить. В войне и любви все средства хороши. Так почему бы не присвоить себе кое-что из вражеской техники?

— Мировое Сообщество ничуть не страдает, лишившись пары миллионов. Для них это ничто.

— Как долго вы еще пробудете под землей?

— Недолго. Новый дворец — а иначе его никак не назовешь — почти закончен. Впечатляет. Хотел бы я гордиться тем, что работаю здесь. Тогда я бы мог им искренне восхищаться!

После того как Давид ему все объяснил, Рэйфорд установил телевизор там, где они все вместе с доктором, Кеном и Хэтти могли бы его смотреть. Хэтти корчилась в судорогах и стонала. От еды и лекарства она отказывалась, так что Рэйфорд просто накрыл ее одеялом. За несколько минут до начала трансляции он попросил Кена разбудить доктора.

Едва увидев Хэтти, Флloyd встревожился.

— Давно она в таком состоянии? — спросил он.

— Около часа, — ответил Кен. — Нам следовало разбудить вас раньше?

Доктор пожал плечами.

— Мои попытки облегчить ее страдания как стрельба вслепую. Я борюсь с ядом, который так и не смог распознать. Временами ей вроде становится лучше, и это меня обнадеживает, но затем болезнь снова возвращается.

Он терпеливо заставил Хэтти принять лекарство и поесть, после чего она спокойно уснула.

Выступление Бен-Иегуды тронуло Рэйфорда до слез, но они так громко хохотали над нелепым одеянием Мэтьюза, что разбу-

дили Хэтти. Она медленно, потому что это, очевидно, причиняло ей боль, приподнялась на локтях, чтобы тоже посмотреть.

— Николае страшно ненавидит Мэтьюза, — произнесла она. — Вот увидите, рано или поздно он его убьет.

Рэйфорд взглянул на нее. Несомненно, она была права, но откуда ей это было известно? Неужели Карпати планировал это настолько давно, что Хэтти еще тогда была с ним?

— Вот увидите, — повторила она.

Когда Карпати вылез из вертолета и присоединился к Мэтьюзу и Фортунато, у Рэйфорда зазвонил телефон.

— Наконец, у меня выдалась возможность позвонить тебе, Рэй, — услышал он голос Мака. — Самое главное — никто еще не знает, что ты сбежал. И это отлично! Потому что я не смогу долго изображать идиота. А теперь послушай, твой зять — такой крутой парень, лет тридцати, а дочь — премиленькая блондинка, так?

— Точно. Где они? Твой вертолет я вижу, а их нет.

— Они за кулисами, поэтому в камеру их не видно.

— Мак, я хочу рассказать тебе, что узнал от Хэтти...

— Рэй, у меня осталось всего пара секунд, и мне надо связаться с Бизоном. У него тот номер, который ты мне называл? Как думаешь, телефон у него с собой?

— Наверное, Мак, но что...

— Я еще позвоню, Рэй.

Как и опасался Бизон, за пределами стадиона красноречие Карпати по-прежнему имело свою магическую силу. Добравшись до машины, он обнаружил, что Иаков сидит, положив руки на руль и глядя прямо перед собой. Похоже, он пристально вглядывался в экран поверх толпы, одновременно слушающая радио. Бизон дернул дверную ручку, но обнаружил, что Иаков заперся. Стук Бизона в стекло машины до смерти напугал водителя.

— А, это вы, — выдохнул он, открывая дверь.

— А кого ты ожидал? — спросил Бизон, залезая внутрь.

— Я вас не заметил. Извините.

— И что ты по поводу всего этого думаешь?

Иаков вытянул руку вперед, ладонью вниз так, чтобы Бизон увидел, как она дрожит, и протянул водителю бутылку с водой.

— Чего ты так боишься?

— Бога, — смущенно улыбаясь и отказываясь, ответил Иаков.

— Тебе не надо Его бояться. Он любит тебя.

— Разве? Рабби Бен-Иегуда говорит, что все эти ужасы, которые нам пришлось испытать, — это кары Господни. Похоже, мне давно надо было начать Его бояться. Прошу прощения, я хочу послушать, что скажет потентат.

— Ты же знаешь, что доктор Бен-Иегуда считает его врагом.

— Это было видно. Его не то чтобы тепло приняли.

— Так, как было должно, Иаков. Он враг Господа.

— Но я хочу послушать, что он скажет.

Бизон понимал, что ему надо продолжать говорить, чтобы защитить Иакова от силы внушения Антихриста. Но в то же время он не хотел грубить и верил, что у Господа есть свои способы воздействия на ум и сердце человека. Поэтому он предпочел замолчать, не пытаясь разрушить магию голоса Карпати.

— Дорогие друзья, спешу заверить вас, что несмотря на то, что ваша секта отказывается стать частью общемировой религии, вы по-прежнему являетесь полноправными членами Мирового Сообщества. Мы готовы принимать альтернативные подходы и мнения, в разумных пределах, конечно. Но на секунду задумайтесь о тех преимуществах и возможностях, которые появились в результате объединения всего мира.

Николае последовательно перечислил все свои достижения. От перестраивания городов, дорог и аэропортов до чудесного восстановления Нового Вавилона, ставшего одним из величайших городов в истории человечества.

— Это действительно шедевр. Надеюсь, вы непременно посетите его в ближайшее время.

Он также упомянул систему спутниковой связи, работающей от солнечных батарей, благодаря которой в любой момент можно было связаться по телефону или Интернету с кем угодно, безотносительно времени и месторасположения. Бизон покачал головой. Все озвученное было не чем иным, как прелюдией к созданию системы, которая в итоге позволит Николае объявить себя Богом.

Наблюдая за Иаковом, Бизон понял, что Карпати удалось завладеть его сознанием.

— Как с ним поспоришь?! — воскликнул водитель. — Он творит чудеса!

— Но, Иаков, — возразил Бизон, — ты же слушал проповедь доктора Бен-Иегуды! Неужели он не убедил тебя, что в Писании сказана истина и Иисус был Мессией, а исчезновения были Восхищением церкви?

Иаков смотрел прямо перед собой, ухватившись за руль обеими руками, но они все равно дрожали. Он кивнул. Похоже, внутри его происходила суровая борьба.

Бизон не мог позволить врагу лживыми речами завоевать душу этого человека, поэтому, отбросив в сторону хорошие манеры, он продолжил говорить, заглушая голос Карпати.

— Так что ты думаешь по поводу услышанного сегодня?

— Слова рабби произвели на меня очень сильное впечатление, — признался Иаков. — Я плакал. Как будто все мое существо нуждалось в той истине, что была в его словах.

Нуждалось в Господе. Я люблю и уважаю доктора Розенцвейга, он бы не понял, если бы я обратился в христианство. Но если все это правда, разве могу я поступить иначе?

Бизон отчаянно молился про себя.

— Но, мистер Уильямс, я никогда прежде не слышал того стиха, который цитировал доктор Бен-Иегуда и который, по его словам, послужил причиной этого собрания. Его ведь прервали? Он так и не закончил фразу.

— Ты прав. Это цитата из Евангелия от Иоанна, и она гласит: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего...»

Но Бизон, как и Цион, не успел договорить, потому что Иаков знаком попросил его замолчать:

— Потентат заканчивает свою речь.

Выступление Карпати уже явно подходило к концу, но тут как будто что-то произошло с его голосом. На памяти Бизона такого не случалось никогда, но тут потентат внезапно охрип. Сперва он отвернулся от микрофона и, прикрыв рот рукой, попытался прочистить горло, но это не помогло.

— Прошу прощения, — по-прежнему хрипло произнес он. — Я желаю вам, собравшимся здесь, и рабби Бен-Иегуде всего наилучшего и рад приветствовать... кхм-кхм... еще раз прошу прощения...

Он умоляюще обратился к Циону, который продолжал его игнорировать.

— У кого-нибудь есть вода?

На сцену передали бутылку с водой, Николас благодарно кивнул. Звук открываю-

щейся бутылки был многократно усилен микрофоном. Он на мгновение приник к горлышку, и вдруг его словно стошнило от выпитой жидкости, и он выплюнул ее. На губах и подбородке у него была кровь, а сам он с ужасом смотрел на бутылку, держа ее в вытянутой руке. Иаков выскочил из машины и подбежал поближе к экрану. Бизон понимал почему. Даже на таком расстоянии было видно, что в бутылке кровь.

Бизон наблюдал, как Карпати начал поносить и проклинать Циона и его «свору врагов Мирового Сообщества».

— Вы унижаете меня ради собственной выгоды? Мне бы следовало взять назад свое обещание защищать вас и приказать своим людям пристрелить вас на месте!

И тут из толпы потрясенных зрителей появились Эли и Моше. Их раньше слышали, чем увидели. И им не нужны были микрофоны, их и так было прекрасно слышно. Люди вокруг них расступались. Они вышли на поле, плечом к плечу, босые, одетые в рубище, а освещение придавало им еще более жуткий вид.

— Горе тебе, угрожающему избранникам Всевышнего!

Карпати отбросил бутылку, и было видно, как кристально чистая вода расплескалась по сцене. Бизон был уверен, что это Эли и Моше превратили воду, которую пил Карпати, в кровь и они же вызвали у него жажду.

— Ваше время вышло! — закричал Николае, указывая на свидетелей. — Клянусь, что убью вас или прикажу вас убить до того, как...

Но перекричать их он не смог и вынужден был умолкнуть.

— Горе тебе! — промолвили они. — Горе самозванцу, который осмелился угрожать избранным, пока не настал их срок! Запечатленные последователи Мессии, не бойтесь, пейте и утолите свою жажду.

Бутылка в кармане Бизона внезапно стала холодной. Он даже невольно отдернул руку, когда попытался ее вытащить, — она была буквально ледяной. Открутив крышку, он сделал глубокий глоток. Вода была освежающе прохладной и невероятно вкусной. Бизон со стоном оторвал ее от своих губ, чтобы сделать вдох. Он слышал, как другие верующие также удовлетворенно вздыхают, утолив жажду и передавая бутылки с водой.

— Попробуй, Иаков! — предложил Бизон, вытирая горлышку и протягивая ему. — Она действительно холодная.

Иаков взял бутылку.

— Мне она такой вовсе не кажется, — заметил он.

— Да что ты такое говоришь! Потрогай мою руку. — Бизон прикоснулся к Иакову, и тот невольно вздрогнул.

— Рука у тебя холодная, — сказал он, — Но бутылка теплая.

Он поднес ее к свету.

— Боже мой! Кровь! — Иаков выронил бутылку, так что она отскочила прямо к ногам Бизона, который успел ее подхватить до того, как жидкость вылилась. В его руках содержимое бутылки снова стало прохладной водой, и он не смог удержаться от искушения сделать глоток.

— Что ты делаешь?! — закричал Иаков, но увидев, что Бизон пьет кристально чистую воду, бессильно упал на колени. — Господи, я ничем не лучше Карпати! — запричитал он. — Я так хочу быть одним из чад Господних! Я так хочу стать одним из запечатленных!

Бизон присел рядом с ним и обнял его плечи.

— Господь тоже хочет, чтобы ты стал частью нашей семьи, — утешал он.

Иаков безутешно рыдал. Но тут его внимание привлек стрекот винта вертолета. Вместе с Бизоном они увидели, что Цион опять остался на сцене один. От воздушной волны волосы и полы одежды Циона разметались, а листы с его записями разлетелись по всей сцене. Переводчики бросились их ловить, чтобы вернуть на кафедру, а Бен-Иегуда по-прежнему был неподвижен, глядя перед собой, как если бы ничего из предшествовавшего не происходило.

Камера переместилась на то место, где стояли Свидетели, но они исчезли так же внезапно, как появились. Зрители стояли в недоумении, многие до сих пор передавали

друг другу бутылки с водой. Как только Цион вернулся к кафедре, все замолкли и сели. Раввин продолжил цитировать Евангелие, будто ничего не произошло:

— Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную.

Иаков, по-прежнему стоя на коленях, не мог оторвать глаз от монитора.

— Почему? — кричал он. — Почему?!

И Цион, как будто услышав вопрос Иакова, повторил:

— Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную.

Иаков припал к земле, всхлипывая:

— Я верю! Верю! Боже, спаси меня! Не дай мне погибнуть! Даруй мне жизнь вечную!

— Он слышит тебя, — успокаивал его Бизон. — Он не отвернется от того, кто ищет Его.

Иаков продолжал сокрушаться. Среди зрителей многие тоже упали на колени.

— Я знаю, что меня слышат те, кто хотел бы принять Христа, — произнес Цион, — и не важно, находятся они здесь на стадионе или за его пределами. Я прошу вас помолиться вместе со мной. Господи, я знаю, что грешен. Прости меня за то, что я так долго ждал. Я принимаю Твою любовь и спасение и прошу, чтобы Ты вел меня по жизни. Ты мой спаситель, и я вверяю Тебе свою жизнь, пока Ты не явишься вновь.

Иаков со слезами на глазах повторял слова молитвы, а затем встал и обнял Бизона. Он так сильно прижал его к тебе, что Кэмерон едва мог дышать. Бизон отстранился и вложил ему в руку бутылку с водой.

— Действительно, холодная! — восторженно воскликнул Иаков.

— Попробуй! — предложил Бизон.

Иаков опять поднес бутылку к свету, на этот раз улыбаясь. Там была чистая вода.

— Она полная!

Бизон присмотрелся: бутылка, правда, была полной! Иаков поднес ее к губам и так сильно запрокинул голову, что потерял равновесие, и Уильямсу пришлось его поддерживать. Водитель Розенцвейга пил медленно, и вода текла по его лицу и подбородку. Закончив, он принялся то смеяться, то плакать, не прекращая славить Господа.

— Слава Тебе, Боже! Слава Тебе!

— Дай мне взглянуть на тебя, — с улыбкой попросил Бизон.

— Со мной что-то не так?

— Все отлично.

Бизон обхватил лицо Иакова руками и направил его к свету.

— У тебя на лбу печать, — сообщил он.

Иаков вырвался и побежал обратно к машине.

— Я хочу посмотреть на себя в зеркало!

— Не стоит, — заявил Бизон, следуя за ним. — Мы не можем видеть свои собственные печати. Но ты можешь увидеть мою.

Иаков обернулся и, остановив Бизона, пригляделся к нему:

— Я вижу! Это крест! Правда. У меня тоже такой есть?!

— Конечно.

— Ох, слава Богу!

Они вернулись в машину, Бизон набрал номер Хлои.

— Бизон, надеюсь, это ты, — слышалось в трубке.

— Так и есть.

— Я ужасно беспокоилась!

— Прости, но зато мы обрели брата.

— Ты имеешь в виду Иакова?

— Да. Хочешь с ним поговорить?

— Конечно! Дорогой, не пытайся сюда вернуться. Здесь творится какое-то безумие! Я выведу Циона как только смогу.

Бизон вручил телефон Иакову.

— Благодарю вас, миссис Уильямс! — восторженно сказал тот. — Я как будто родился заново! И это действительно так! Еще немного, и мы увидим печати на лбу друг у друга!

* * *

В Чикаго день уже клонился к вечеру.

— Просто не могу поверить! — снова и снова повторял Рэйфорд, глядя на экран. — Неужели Карпати так просто сдался?!

Кен стоял у окна, и заходящее солнце светило ему в спину.

— Я много слышал об этих двух Свидетелях, похоже, они и правда жуткие ребята. Хорошо, что они на нашей стороне. Это ведь так?

Доктор Чарльз рассмеялся:

— Если ты читал проповеди Циона в Сети так внимательно, как утверждаешь, тебе не хуже нас всех известно, кто они такие.

— Наверняка завтрашняя трансляция будет просто рекордной по количеству зрителей за всю историю существования телевидения, — произнес Рэйфорд и обернулся, чтобы посмотреть на реакцию Хэтти.

Она тоже смотрела на экран, но ее лицо было смертельно бледным, казалось, она пыталась что-то сказать. Ее рот был приоткрыт, губы дрожали, и выглядела она крайне напуганной.

— С тобой все в порядке?

Хэтти пронзительно вскрикнула, и все стремительно бросились к ней. Она упала на спину, обхватив руками свой живот, а затем свернувшись в позу эмбриона, тяжело дыша и постанывая.

Доктор Чарльз вдел в уши стетоскоп, попросив Кена и Рэйфорда придержать Хэтти. Она начала вырываться, но, осознав, что так Флойд не сможет услышать пульс ребенка, прекратила. Доктор был мрачен.

— Что ты почувствовала? — спросил он Хэтти.

— Долго не было никакого движения, — ответила она, тяжело дыша. — И вдруг резко стало очень больно. Он умер? Я потеряла ребенка?

— Дай мне еще раз послушать, — попросил он. Хэтти замерла. — Стетоскопа недостаточно, чтобы что-то понять, а фетального монитора у меня нет.

— Но вы же можете сказать, что он жив! — В ее голосе послышались истерические нотки.

— Я ни в чем не могу быть уверен, если ничего не слышу.

— О нет! Только не это, пожалуйста!

Флойд попросил ее замолчать и снова внимательно прислушался. Он прослушал весь ее живот и даже приложил к нему ухо. Затем резко выпрямился.

— Ты специально сейчас напрягаешь мышцы живота?

Хэтти отрицательно покачала головой.

— Чувствуешь начало схваток?

— Откуда мне знать?

— Спазмы? Тянущее ощущение?

Она кивнула.

— Телефон! Срочно! — рявкнул Флойд. Кен вручил ему трубку. Доктор судорожно набирал номер. — Джимми, это я. Мне нужны стерильные условия и фетальный монитор... Не спрашивай!.. Нет, я не могу тебе этого сказать! Полагаю, в пятидесяти—шестидесяти милях от тебя... Нет, туда я поехать не могу.

— Как насчет госпиталя Янга в Палатинне? — шепотом спросил Кен. — Там работает наша сестра.

Рэйфорд удивленно взглянул на него.

Флойд прикрыл трубку рукой:

— Это далеко?

— Не очень.

— Спасибо, Джимми. Нашли другое место. Я твой должник.

Доктор как будто мгновенно преобразился и начал четко и решительно раздавать распоряжения:

— Определитесь, кто будет вести машину. Другой пусть принесет пару одеял.

Рэйфорд вопросительно взглянул на Кена.

— Мне все равно, — пожал плечами тот. — Могу за руль, могу...

— Решайте быстрее!

— Ты знаешь, где это, так что тебе вести, — заявил Рэйфорд и помчался наверх.

Когда он вернулся с одеялами, машина уже стояла у двери, а доктор выносил из дома кричащую и плачущую Хэтти. Она корчилась и плакала от боли.

— Неужели необходимо ее куда-то везти в таком состоянии?

— Выбора нет, — категорично ответил Флойд. — Я боюсь, как бы у нее не случился выкидыш.

— Только не это! — вскрикнула Хэтти. — Я живу только ради моего ребенка.

— Не говори так, — мягко произнес Рэйфорд, протискиваясь вперед и открывая дверцу машины.

— О нет, лучше говори! — перебил его доктор. — Хэтти, чего бы это ни стоило, сражайся! Рэй, расстели одно одеяло на заднем сиденье, а вторым накрой ее, как только я ее туда положу.

Он с трудом устроил Хэтти в машине так, что ее голова почти касалась противоположной дверцы. Рэйфорд накрыл ее и запрыгнул на переднее сиденье, а Флойд сел к Хэтти, положив ее ноги себе на колени.

— Не тормози, Кен, — скомандовал доктор. — Доставь нас туда как можно скорее.

Похоже, только этого сигнала Кен и ждал. Он нажал на газ и задом выехал на дорогу. Там он резко затормозил и развернулся, взметнув облако пыли. Они ехали в Палатин, буквально не разбирая дороги, так что пару раз чуть не перевернулись.

— Я не слишком гоню? — поинтересовался Кен.

— Хуже ты никому из них не сделаешь. Скорость сейчас важнее комфорта, — отозвался Флойд. — Рэй, помоги мне.

Рэйфорд развернулся на сиденье и взял Хэтти за запястье, в то время как доктор обхватил обеими руками ее лодыжки. Они удерживали ее, пока Кен выжимал из машины все, что мог. Между домом и больницей сохранился всего лишь один небольшой участок заасфальтированной дороги. На протяжении всего этого отрезка Кен гнал на полной скорости, так что когда они в итоге выехали обратно на бездорожье, то почти взлетели. Когда впереди показалась больница, Флойд потребовал ехать прямо в реанимацию.

— Боюсь, тут не смогу помочь, — признался Кен. — Я даже не знаю, как ту женщину зовут. Я просто видел печать на ее лбу, похоже, она работает где-то на регистрации,

не факт, что не в реанимации. Давайте доберемся туда, а я пробежусь и найду ее. Если она поможет нам попасть в операционную, быстрее всего будет доставить туда Хэтти прямо через переднюю дверь.

Флойд согласно кивнул, и Кен въехал на тротуар перед входом.

— Кен, иди. Рэй, помоги мне.

Рэйфорд выпрыгнул из машины и открыл дверь, головой к которой лежала Хэтти. Она была без сознания.

— Не нравится мне это, — прокомментировал доктор.

— Давай я ее понесу, — предложил Рэйфорд. — Подтолкни ее ко мне. Я пойду за тобой, а ты поговоришь с той женщиной, если Кен ее найдет.

— Я держу ее, Рэй.

— Делай, как я говорю!

— Похоже, ты прав, — признал Флойд и подтолкнул к нему Хэтти, которую тот бережно вытащил из машины. Она казалась легкой, как ребенок, несмотря на беременность. Он справился с падающим одеялом и понес ее внутрь вслед за доктором. В дверях они столкнулись с Кеном и испуганной женщиной, на лбу у которой был знак креста.

— Братья, у меня из-за вас могут быть неприятности, — сказала она. — Что у вас там?

— Еще немного, и у этой женщины случится выкидыш, — пояснил Флойд. — Вы можете ассистировать при операции?

— Сто лет этого не делала. Я работаю на регистрации с тех пор...

— Кроме вас мы никому не можем довериться. Ведите нас в операционную.

— Но...

— Немедленно, дорогуша!

Какая-то девица на регистрации уставилась на них. Лия повернулась к ней.

— Займись своими делами и держи рот на замке, ясно? — строго сказал она.

— Я ничего не видела, — отозвалась де-вушка.

— Как вас зовут, мэм? — спросил Флойд, когда они шли по коридору.

— Лия..

— Я понимаю, как вы рискуете, Лия. И очень благодарен вам.

Открывая дверь операционной, Лия при-смотрелась к Хэтти и заявила:

— Очевидно, ей я не сестра.

Флойд взглянул ей прямо в глаза:

— Значит, мы должны позволить ей умереть?

— Я не это хотела сказать, доктор. Вы ведь доктор? — Он кивнул. — Я просто не понимаю, вы так рискуете и так много де-лаете для той, которая даже не, ну вы знаете...

— Не одна из нас? — бросил он и напра-вился в служебное помещение, чтобы по-мыть руки и переодеться. Он схватил халат и начал мыть руки. — Помойте руки. Вы буде-те мне ассистировать.

— Но, доктор, я...

— У нас нет времени, Лия.

Она неуверенно подошла к раковине. Кен стоял рядом с бесчувственной Хэтти. Рэйфорд чувствовал себя не у дел, не зная, куда деться.

— А мы тут, случайно, не нарушим стерильность? — спросил он.

— Постарайтесь ни к чему не прикасаться, — отрезал Флойд. — Мы и так уже кучу правил нарушили.

— Я не имела в виду... — начала Лия.

— Быстрее! — потребовал Флойд, стремительно отмывая руки. — Мы ведь хотим, чтобы у нее был шанс стать одной из нас до того, как она умрет.

— Конечно. Извините.

— Давайте обратим все внимание на пациентку. Как только вы будете готовы, выкрасьте ее всю бетадином от грудины до бедер. Делайте, как я говорю, даже если вам на это понадобится целый литр. Нам сейчас не до точности, так что просто не пропускайте ничего. И подключите ее к фетальному монитору. Если ребенок все еще жив, я могу сделать ей кесарево сечение. Вам придется сделать анестезию.

— Но я никогда ничего подобного не делала...

— Я вам все объясню, Лия. Давайте покажем, на что мы все способны.

— Я потеряю работу.

— Гм, — произнес доктор. — Надеюсь, это худшее, что вам придется испытать. Видите этих людей? Я сам потерял на днях ра-

боту. И капитан Стил тоже. А Кен вообще лишился дома.

— Я его знаю. Он был нашим пациентом.

— Правда? — Они прошли в операционную.

— А наша пациентка? — спросила Лия, ловко подключая к ней фетальный монитор.

— Хэтти тоже. Мы все в одной лодке. Подготовь ее.

Кен и Рэйфорд переместились поближе к двери. Флойд изучил показания монитора, подключил Хэтти к еще нескольким приборам и покачал головой.

— По крайней мере, с дыханием у нее все в порядке, — заметил он. — Давление низкое, пульс учащенный. Ничего себе...

— Это все так странно, доктор.

— Ее отравили.

— Чем?

— Хотел бы я знать.

— Вы назвали ее Хэтти?

Флойд кивнул.

— Она ведь не та, про кого я думаю?

— Боюсь, что так, — ответил доктор, занимая позицию. — Вы знаете много женщин по имени Хэтти?

— Не в этом веке. А ее, гм, дружок в курсе того, что происходит, и не отправит ли он нас всех в концлагерь, когда узнает?

— Это он с ней сделал, Лия. Пойми, обретя печать Господа, ты уже стала врагом Антихриста.

— Неужели?

Рэйфорд молился за Хэтти, наблюдая, как Флойд настраивает верхний свет.

— Матка расширена. Сантиметров семь-восемь.

— Тогда нет необходимости делать кесарево, — сказала Лия.

— Ребенка мы потеряли, — констатировал Флойд. — Мне нужна капельница, раствор Рингера с лактатом, сорок единиц окситоцина на литр.

— Неполный выкидыш?

— Посмотрим, как получится. Обычно плод должен появиться в течение одного-двух часов, но в ее состоянии, думаю, долго ждать не придется.

Рэйфорда впечатлили профессионализм и скорость реакции Лии. Хэтти наконец пришла в себя.

— Я умираю! — простонала она.

— Хэтти, у тебя выкидыш, — сообщил доктор Чарльз. — Мне очень жаль. Помогите мне. Сейчас мы беспокоимся главным образом о тебе.

— Мне больно!

— Вскоре ты ничего уже не будешь чувствовать, но, когда я скажу тебе, ты должна начать тужиться.

Следующие минуты Хэтти терзали чудовищные родовые схватки, а Рэйфорд пытался себе представить, как выглядит дитя Антихриста.

Мертвый младенец был настолько мелким и недоразвитым, что он быстро выскользнул из чрева Хэтти. Флойд завернул

его вместе с остатками плаценты и передал сверток Лие.

— Патология? — неуверенно спросила она.

Флойд странно посмотрел на нее:

— Нет. У вас есть кремационная печь?

— Но я не могу этого сделать. Я против!

— Что случилось? — спросила Хэтти. — Я родила?

Лия стояла, держа в руках крохотный сверток. Доктор подошел к изголовью операционного стола.

— Хэтти, плод появился на свет преждевременно и был сильно деформирован.

— Не называйте его так! Мальчик или девочка?

— Определить было невозможно.

— Могу я взглянуть на него?

— Прости, Хэтти. Это не выглядит как ребенок. Я бы не советовал.

— Но я хочу...

Флойд стянул с руки перчатку и нежно прикоснулся к ее щеке.

— Я очень привязался к тебе. Ты ведь знаешь.

Она кивнула, из ее глаз градом катились слезы.

— Умоляю тебя, поверь мне. Не как врачу, как человеку, для кого ты действительно много значишь.

Ответом на его слова был полный недоумения взгляд.

— Пожалуйста, — просил доктор. — Я, как и ты, верю, что это была живая душа. Но, к сожалению, тело оказалось нежизнеспособным.

собным. Этот ребенок не смог бы вырасти. Позволь мне избавиться от того, что от него осталось?

Хэтти закусил губу, но кивнула. Лию, похоже, это не убедило. Флойд поместил тело в лоток, внимательно осмотрел Хэтти, а затем обратился к своей невольной ассистентке.

— Помогите мне с выскабливанием матки от остатков мертвеющей плаценты.

— Опасаетесь эндометрита?

— Именно.

Рэйфорд по выражению лица Лии понял, что она не готова уничтожить плод. Поэтому доктор, закончив послеоперационные процедуры, аккуратно взял сверток и коротко спросил:

— Где?

— В конце коридора, — еле слышно прошептала женщина. — Двумя этажами ниже.

Когда он вышел, Хэтти зарыдала в голос. Рэйфорд подошел и спросил, можно ли ему помолиться за нее.

— Не надо, — сквозь слезы произнесла она. — Я хочу умереть.

— Ты не должна умирать.

— Мне незачем жить.

— Это не так. Мы любим тебя, Хэтти.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Бизон места себе не находил в ожидании Хлои и Циона. Он надеялся, что ей удастся быстро увести его со сцены, потому что тысячи людей страстно желали, чтобы он уделил им хотя бы пару минут, не говоря уже об организаторах собрания. Реакция Карпати на произошедшее могла быть совершенно непредсказуема. И он совершенно очевидно считал, что за всем этим стоит Бен-Иегуда, ведь Эли и Моше появились позже.

Бизон предполагал, что Николае убедился, что Цион не обладает никакими сверхъестественными способностями. Это Эли и Моше выставили его вон, и виноват в этом, без сомнения, был он сам. Его не приглашали на сцену, никто там ему не был рад. А он посмел еще и заявиться с Фортунато и Петром Вторым! Но разве можно было ожидать иного от Антихриста?

Бизон набрал номер Хлои, но она не отвечала. Он бы понял, если бы ее номер был занят. Почему она не может взять трубку? Автоответчик что-то вещал на иврите.

— Иаков, послушай, что там говорят?

Иаков, широко улыбаясь, выглядывал из окна машины, выглядывая печати на лбах других людей. Он показывал на свою, на что братья по вере улыбались в ответ и указывали на небо. Глядя на эти счастливые лица, Бизон подумал, что настанет день, когда знак креста на челе будет главным средством общения святых Скорби, потому что враги будут бдительно следить за всеми их движениями.

Проблема была еще и в том, что рано или поздно Антихрист тоже начнет метить своих приверженцев и его знак будет виден всем. Согласно Библии, те, у кого не будет «печати зверя», не смогут ни покупать, ни продавать. Верующим придется создать собственный черный рынок просто для того, чтобы выжить.

Иаков приложил трубку к уху и тут же вернулся.

— Если вы хотите оставить сообщение, нажмите один.

Бизон так и сделал.

— Хлоя, — продиктовал он, — позвони мне сразу, как получишь это сообщение. Здесь по-прежнему толпа, поэтому я не хочу идти внутрь искать вас, но если ты не свяжешься со мной в течение десяти минут, именно так я и поступаю.

Как только он нажал отбой, телефон зазвонил.

— Слава богу, — выдохнул Бизон и открыл телефон. — Да, дорогая.

В трубке слышались помехи и механические шумы, а затем:

— Диспетчерская Иерусалима, это вертолет Мирового Сообщества номер один.

— Алло?

— Диспетчерская, прием, меня слышно?

— Алло, это не диспетчерская, — растеряно отозвался Бизон. — Я попал на чужую частоту?

— Подтверждаю, диспетчерская, это конфиденциальное сообщение, поэтому я использую телефон вместо радио, принято?

— Мак, это ты?

— Подтверждаю, диспетчерская.

— Ты сейчас в вертолете со своими пассажирами?

— Принято. Сверяю координаты для возвращения на площадку у отеля, конец связи.

— Ты что-то пытаешься мне сообщить?

— Ответ утвердительный. Благодарю вас. Встречный ветер есть?

— О Цione?

— Частичная облачность?

— И Хлое?

— Принято.

— Они в опасности?

— Ответ утвердительный.

— Их схватили?

— Еще нет, диспетчерская. Предполагаемое время прибытия — через пять минут.

— Они пытаются выбраться со стадиона?

— Ответ утвердительный.

— Как я могу помочь?

— Мы подлетим с северо-запада, диспетчерская.

— Они за пределами стадиона?

— Ответ отрицательный.

— Они в северо-западной части?

— Ответ утвердительный. Принято. Сложная ситуация. Запрашиваю помощь.

— Для меня там тоже небезопасно?

— Сообщение принято.

— Мне лучше послать кого-то вместо себя?

— Ответ утвердительный. Благодарю вас, диспетчерская. Немедленно направляюсь туда.

— Мак! Мне нужно найти кого-то, кого не опознают люди из Мирового Сообщества, чтобы вытащить Циона и Хлою. Они в северо-западной части стадиона. Сам я должен оставаться в машине. Я все правильно понял?

— Так скоро, как только сможем, диспетчерская. Конец связи. Мы вылетаем.

— Иаков, тебе придется пойти внутрь, найти там рабби Бен-Иегуду и мою жену и вывести их через северо-западный выход.

Иаков тут же потянулся к ручке двери.

— Там два выхода — из верхнего или из нижнего? — уточнил он.

— Из нижнего. Не останавливайтесь ни на секунду. У тебя есть оружие?

Иаков нагнулся, вытащил из-под сиденья узи и небрежным движением засунул его

за пояс, прикрыв рубашкой. Бизону показалось, что оружие слишком заметно, но он понадеялся, что в темноте и в толпе никто не обратит это внимания.

— Наверняка солдатам Мирового Сообщества приказали схватить Циона. Они его пока не нашли, но времени мало. Вытащи их оттуда как можно скорее.

Иаков со всех ног бросился к стадиону, а Бизон уселся за руль. Зрители, наконец, начали медленно и неохотно расходиться. Очевидно, что многие надеялись хотя бы краем глаза увидеть Циона. Бизон не понимал, о чем они говорили, но, судя по отрывочным фразам на английском, большинство обсуждало унижение Карпати.

Он медленно ехал вперед сквозь толпу, когда услышал звук вертолета. На секунду ему показалось, что прибыло подкрепление сил Мирового Сообщества. Но, похоже, это был тот самый вертолет, на котором прилетал Карпати. Бизон схватил телефон и перезвонил по номеру последнего принятого звонка.

— МакКаллам.

— Мак! Это Бизон. Что ты тут делаешь?

— Принято, служба безопасности. Мы проверим юго-восточный квадрант.

— Но я отправил человека на северо-запад!

— Ответ утвердительный, подтвердите прием. Мы проверим юго-восточный сектор, но затем я должен отвезти груз на базу, отбой.

— Они на юго-востоке?

— Ответ отрицательный! Мы сами проверим юго-восток!

— Но что ты сможешь сделать, если они там?

— Принято, я могу сделать отвлекающий маневр, но затем мы отправимся на базу, прием?

— Ничего не понимаю, но полностью доверяю тебе, Мак.

— Держите своих людей подальше от юго-восточного квадрата, я разберусь.

Бизон бросил телефон на соседнее сиденье и отрегулировал боковое зеркало так, чтобы видеть вертолет. Леон Фортунато вещал через громкоговоритель с вертолета:

— Наземная служба безопасности Мирового Сообщества попросила нас помочь очистить этот участок стадиона! Переведите, пожалуйста, это сообщение остальным, насколько это возможно! Спасибо за сотрудничество!

Однако люди не повиновались. Весть о том, что собственный вертолет Карпати завис над одним из секторов стадиона в попытке разогнать толпу, быстро разнеслась по стадиону, и сотни людей остановились, уставившись в темнеющее небо. Благодаря этому Бизон относительно быстро смог проехать к северо-западному выходу. Вертолет невольно привлекал к себе внимание, так что люди вместо того, чтобы идти к выходу, направлялись к нему, чтобы выяснить, что происходит.

Бизон припарковался у стадиона, проигнорировав запрещающие жесты гвардейцев, и вылез из машины, чтобы сориентироваться, где находится подземный выход. К счастью, тускло освещенный съезд, куда накануне свозили оборудование, он обнаружил без труда. Подойдя поближе, ему удалось заметить, как в глубине мелькнул свет, будто бы кто-то быстро открыл дверь.

Гвардейцы явно заинтересовались происходящим и уже было направились к выходу, когда оттуда неожиданно выскочил Иаков. От кого он так бежал? Впрочем, на него не обратили внимания. Неужели эти люди ждали Циона? Выбежав на улицу, Иаков сразу заметил свою машину, обменялся взглядами с Бизоном и, вытащив из-под рубашки узи, начал палить в воздух, постепенно удаляясь.

Миротворцы Мирового Сообщества переполошились и бросились за ним с оружием на изготовку, в то время как сотни случайных свидетелей этой сцены начали кричать и разбегаться со все стороны. Бизон инстинктивно пригнулся, глядя чуть поверх крыши машины. В паре сотен футов от него Иаков снова развернулся и выпустил очередь в воздух. Гвардейцы тут же открыли ответный огонь, а предприимчивый израильтянин побежал дальше.

Бизон услышал только звук захлопывающейся двери, и затем Хлоя с Ционом в один голос крикнули:

— Гони! Быстрее!

Он плюхнулся на сиденье, резко закрыв дверь.

— А что с Иаковом?

— Бизон, поехали скорее! — настаивала Хлоя. — Он пытается отвлечь от нас внимание!

Бизон рассмеялся, нажав на газ и съезжая с тротуара.

— Мак тоже! У нас потрясающая команда! Где мы его подберем?

Цион с Хлоей судорожно пытались отдышаться, кое-как разместившись на заднем сиденье.

— Он сказал, что мы встретимся у Хаима.

— Но в него ведь стреляли!

— Иаков заверил нас, что не станет привлекать внимание гвардейцев, пока не окажется на безопасном расстоянии. Он не сомневался, что все будет в порядке.

— Не слишком ли он самонадеян? У Мирового Сообщества очень длинные руки, — прокомментировал Бизон, стремительно удаляясь от стадиона. Как ни удивительно, пробка была как раз в противоположном направлении, то есть к месту проведения собрания, патрули останавливали всех подряд, включая машины скорой помощи, чтобы пропустить транспорт с гвардейцами. На их «мерседес» никто не обращал внимания.

— Цион, если они охотятся за тобой, нам нельзя возвращаться в дом Розенцвейга.

— Но что может быть безопасней? — возразил Цион. — Карпати не сможет мне там угрожать. Твоя жена — потрясающе умная

женщина. Она сразу сориентировалась по ситуации, едва увидев направляющихся к нам гвардейцев.

— Ну, догадаться было несложно. Они шли в нашу сторону, оживленно общаясь по внутренней связи и снимая с предохранителей оружие, — пояснила Хлоя. — Я предположила, что Карпати или Фортунато отдал приказ отомстить Циону во время неразберихи в толпе, так чтобы это выглядело как несчастный случай. Они были так близко, что я слышала, как один из них докладывал главнокомандующему наше местонахождение.

— Хорошо, что вы уже в безопасности. Но я очень переживаю за Иакова, — признался Бизон.

— Он так здорово придумал, — заметила Хлоя. — Он бежал по коридору мимо нас и кричал: «Ищу друзей, чтобы их спасти!» Мы вышли к нему из кладовки и...

— Я тут же увидел знак у него на лбу, — сказал Цион. — Слава богу! Ты обязательно потом должен нам рассказать, как это произошло!

— Иаков объяснил, что ты подгонишь машину к подземному выходу, — продолжила Хлоя. — Но, выглянув, обнаружил наверху гвардейцев. Тогда он заявил, что отвлечет их внимание, а мы должны выйти через двадцать секунд после него, затем разогнался и выбежал, распахнув дверь!

— И это сработало, — признал Бизон. — Даже я настолько отвлекся, что не заметил, как вы оказались в машине.

— Хорошо, что никто нас не видел, — с облегчением произнесла Хлоя и тяжело вздохнула.

— Как ты?

— Все в порядке, — сквозь зубы отозвалась она.

— Что такое, Хло? Ты действительно в порядке?

— Просто отвыкла бегать, — ответила она.

— Я тоже отвык, — вставил Цион. — И хотелось бы уже сесть нормально, коль скоро это безопасно.

* * *

— Она не может здесь остаться, — заявила Лия доктору Чарльзу. — Это совершенно исключено. Мне очень жаль. Я, конечно, в случае чего смогу найти, где ее спрятать, но если вы рассчитываете в будущем пользоваться услугами этой больницы или моей помощью, умоляю, заберите ее отсюда.

— Тогда мне нужно еще снотворное, — сказал Флойд. — Я хочу, чтобы она отключилась до того, как мы уедем.

Хэтти проспала всю дорогу назад до убежища, где ее быстро уложили на кровать рядом с телевизором, по которому они узнали последние новости из Иерусалима.

— Через двадцать минут его святейшество Николае Карпати обратится к гражданам Мирового Сообщества, — объявил

диктор. — Как большинство из вас могли наблюдать в прямом эфире телевизионной и интернет-трансляции, попытка отравить потентата провалилась. Он прекрасно себя чувствует и, несмотря на испытанное потрясение, желает заверить всех, что с ним все в порядке. Полагаем, он скажет, какая кара ожидает тех, кто покушался на его жизнь.

* * *

Бизон, будучи журналистом до мозга костей, все же ужасно жалел, что не мог остаться на стадионе подольше. Он бы с удовольствием посмотрел, как долго Маку удалось дурачить Карпати, Фортунато и этого клоуна Мэтьюза, чтобы Цион успел скрыться. Он бы хотел своими глазами увидеть, как вода в руках Антихриста превращалась в кровь, и расспросить тех, кто своими глазами наблюдал явление Эли и Моше.

А еще он очень переживал за жену. Конечно, он уже научился не относиться к ней как к ребенку, ведь Хлоя была не менее смелой и сильной, чем он сам. А еще она носила их дитя и перенесла тяжелейшую травму, которая оставила неизгладимые следы. Наверняка сегодняшнее испытание тоже не пошло ей на пользу.

К большому облегчению Бизона, дом Хаима охраняли израильские солдаты, а не

гвардейцы Мирового Сообщества. И хотя предположительно за убийством семьи Циона и его преследованием стояли именно они, сейчас он был гостем Розенцвейга, а тот почитался в Израиле почти как божество.

Как только они зашли внутрь, навстречу им бросился бледный, дрожащий Хаим, потребовавший немедленно рассказать ему, где Иаков. Бизон предоставил объяснять все Циону, понимая, что Розенцвейг нуждается главным образом в убеждении, что у его протеже и в мыслях не было оскорбить Карпати.

— Вы заверили меня, что примете его нейтрально, — попробовал возмутиться Хаим. — В противном случае я бы не рекомендовал ему принять в этом участие.

— Вы знали, что он явится туда, и ничего мне не сказали? — удивился Цион.

— Он хотел устроить сюрприз. Но вы и сами могли бы догадаться.

— Я надеялся, что он сделает это завтра или послезавтра. Вам бы следовало предупредить меня..

— Мне казалось, я так и сделал.

Цион устало сел.

— Хаим, он прервал цитирование Писания. Как будто нарочно выбрал самый неудачный момент, чтобы появиться. Я помню о вашем обещании и не премину воспользоваться им в самое ближайшее время. Правда, не сегодня. Вы человек мудрый и здравомыслящий, и вы не сможете отрицать

мои доказательства того, что Иисус является Мессией, а Карпати — Антихристом.

Розенцвейг опустился в огромное кресло и тяжело вздохнул.

— Цион, ты мне почти как сын. Но ты сам подписываешь себе смертный приговор.

— Я знаю!

— Конечно, я разделяю твою боль по поводу утраты родных. Но ты приехал в Израиль, чтобы проповедовать божественность Иисуса, совсем как те безумцы у Стены Плача с их фокусами с водой и погодой. Это же безрассудство! Называть Николае Антихристом, когда он находится в Святом городе, это верх самоуверенности и бестактности. Я уже говорил тебе, что скорее поверю, что Мессия Карпати, а один из тех двух так называемых Свидетелей — Антихрист.

Цион измученно покачал головой, и Бизон воспользовался паузой, чтобы удалиться.

— Вы простите нас... — спросил он.

— Конечно, — тут же откликнулся Хаим.

— Дайте мне знать, когда объявится Иаков, не важно, насколько поздно это случится, — попросил Уильямс.

— Спасибо за заботу, — сказал Розенцвейг. — Я тебе сообщу.

* * *

Рэйфорд безуспешно пытался дозвониться в Израиль, краем глаза поглядывая в теле-

визор. Ни Бизон, ни Хлоя не отвечали, даже с Маком ему связаться не удавалось. От раздражения он невольно выругался, и это разбудило Хэтти.

— Узнаю того Рэйфорда Стила, которого я когда-то знала, — еле слышно пошутила она.

— Ох, прости, Хэтти. Нет, я вовсе не такой. Я просто переживаю за них и хочу убедиться, что со всеми все в порядке.

— Хорошо, что под маской святоши в тебе еще остался живой человек, — прошептала она. — Хотя ты никогда не был и не будешь действительно живым, как я.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу убить Николае.

— Хэтти, мне очень жаль твоего ребенка, но что ты такое несешь?

— Рэйфорд, ты не мог бы наклониться поближе?

— Что?

— Не бойся. Мне и так недолго осталось.

— Не говори так!

— У меня просто нет сил говорить громче, поэтому я прошу тебя наклониться поближе.

Рэйфорд почувствовал себя неловко, хотя в комнате их было всего двое. Он поджал губы, огляделся и нагнулся к ней.

— Я слушаю, — произнес он.

— Рэйфорд, я не так много времени провела с ним, чтобы он смог так сильно меня изменить. Я знаю, что была ничуть не лучше и не хуже всех прочих женщин. И тебе это известно не хуже меня.

— Ну, я...

— Просто дай мне договорить. Флойд наверняка дал мне успокоительного, и я скоро засну. Я хочу сказать, Николае — воплощенное зло.

— Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

— Да, я в курсе, что вы считаете его Антихристом. Но у меня, в отличие от вас, есть реальные доказательства. В нем нет ни единой йоты правды. Все, что он говорит, ложь. Например, ты сам видел, он ведет себя с Мэтьюзом как будто тот его лучший друг. И в то же время Николае страстно желает его смерти. Он сам мне говорил. Он отравил вашего пастора Брюса. Даже отравив меня, он на всякий случай послал людей, чтобы гарантированно от меня избавиться. Должно быть, яд убил дитя в моем чреве. В любом случае я считаю его виновным в том, что потеряла ребенка. Он заставлял меня творить то, что сама я никогда бы не стала делать. И знаешь, что самое удивительное — мне это нравилось. Нравились его власть, обаяние, умение убеждать. Подставляя Аманду, я искренне верила, что поступаю правильно. И это не самое худшее.

Больше всего на свете, Рэйфорд, я хочу умереть. Не хочу ни прощения, ни пребывания с Богом на небесах, ни прочей подобной фигни. Но я буду бороться с ядом, я буду делать то, что мне скажет Флойд, и все то, что сможет поддерживать во мне жизнь, пока не

убью Николае. Мне нужно выздороветь и как-то попасть туда, где он скрывается. Велика вероятность, что я погибну раньше, чем доберусь до него — ведь его так тщательно охраняют. Но мне все равно. Особенно если мне удастся достичь цели.

Рэйфорд положил ей руку на плечо.

— Хэтти, тебе просто нужно отдохнуть. Док действительно ввел тебе хорошую дозу снотворного перед отъездом сюда, так что, возможно, ты потом и не вспомнишь, о чем сейчас говорила. Пожалуйста...

Хэтти отшатнулась от его прикосновения и на удивление крепко схватила его за ворот рубашки. Притянув его к себе, она прохрипела так яростно, что брызги ее слюны попали ему на щеку:

— Я не забуду ни единого слова, даже не надеюсь. Я сделаю это, даже если это будет последним поступком в моей жизни. Надеюсь, так оно и будет.

— Хорошо-хорошо, Хэтти. Я не буду сейчас с тобой об этом спорить.

— Даже не пытайся. Это будет пустой тратой времени.

Скоро Карпати должен был выступать по телевизору, но, к счастью, Хэтти уже проваливалась в сон. Рэйфорд был рад, что она не увидит ни Николае, ни того, как он будет объяснять свое паническое бегство. Внезапно у него внутри все похолодело. Удивительно, но Хэтти заставила его вспомнить свои собственные потаенные надежды.

Рэйфорд испытал бесконечное облегчение, узнав, что Аманда была той, кем он ее считал, — любящей, честной и верной женой. С того момента, как он узнал, что Карпати сделал с Брюсом, Амандой, Хэтти, у него в душе происходила постоянная борьба. Когда-то он уже молил Господа удостоить его чести уничтожить Карпати. Сейчас Рэйфорд признался себе, что опять страстно захотел выполнить эту миссию.

Он знал, что должен вразумить Хэтти, отговорить ее от совершения столь глупого и безрассудного поступка. И поэтому предельно четко осознавал, что никому ничего не скажет о своих скрытых намерениях — ни Маку, ни Циону, ни дочери, ни ее мужу, ни тем более новым обретенным друзьями — Кену и Флойду. Они наверняка станут доказывать ему, как он не прав. В то время как он хотел еще потешить свое воображение.

* * *

Только оказавшись, наконец, наедине с женой в одной из комнат просторного особняка Розенцвейга, Бизон осознал, насколько сильно за нее беспокоился. Он обнял ее и крепко, но осторожно, чтобы не причинить ей боль, прижал к себе. Руки у него дрожали.

— Не знать, где ты, — начал он, — было почти так же ужасно, как после землетрясения.

— Но, дорогой, на этот раз я никуда не пропадала, — успокаивала его Хлоя. — Я же была на стадионе.

— Ты не брала трубку. Я думал, тебя схватили или...

— Я его выключила, когда поняла, что нас преследуют. Не хотела, чтобы звонок нас случайно выдал. Кстати, я же его так и не включила!

Она начала искать телефон.

— Да оставь ты его, — попросил Бизон. — Зачем включать его сейчас?

— А что, если папа решит позвонить? Ты же знаешь, он наверняка смотрел трансляцию.

— Он всегда может позвонить мне.

— А где твой телефон?

— О, черт! Кажется, я оставил его в машине. Пойду заберу.

Но теперь Хлоя не отпускала его.

— Лучше я включу свой, — предложила она. — Не хочу снова с тобой расставаться.

Их губы соприкоснулись, он обнял ее, и они откинулись на кровать там, где сидели. Бизон думал, как глупо, должно быть, лежать вот так, ногами на полу, уставившись в потолок. Он подумал, что она устала не меньше, а значит, совсем скоро заснет. Возможно, это был не лучший момент, чтобы говорить о серьезных вещах, но Бизон никогда не отличался особой деликатностью.

* * *

Согласно сложившейся традиции, каждое появление перед телезрителями его святейшества потентата Карпати объявлял верховный главнокомандующий Мирового Сообщества Леон Фортунато. Рэйфорда поразило, насколько открыто и искренне тот в очередной раз пересказывал свою историю. Цион предупреждал, что вскоре сверхъестественные способности Николае будут прославлять и возвеличивать, создавая тем самым основу для того, чтобы он в определенный момент объявил себя Богом. Хотя было очевидно, что все эти пространные заявления были заранее срежиссированы, притом что сам Карпати оказывался будто и ни при чем. Но сегодня Рэйфорд искренне недоумевал, как именно Николаеотреагирует на раболепное приветствие Фортунато. И по итогам он не мог не признать, что этим двоим удалось блистательно, чуть ли не сверхъестественно выкрутиться из ситуации, которая была самым ужасным публичным провалом Карпати.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Я очень беспокоюсь за тебя, — начал Бизон.

— Со мной все будет в порядке, — успокоила его Хлоя. — Ни секунды не жалею, что приехала, и вообще чувствую себя гораздо лучше, чем ожидала. Конечно, я понимала, что еще не готова к подобной поездке, но, слава богу, все обошлось.

— Я не по этому поводу переживал.

Она отстранилась и легла на бок, глядя на него.

— Тогда почему?

Их прервал стук в дверь.

— Прошу прощения, — услышали они голос Циона. — Вы не хотите посмотреть телепередачу обращения Карпати?

Хлоя приподнялась было, но Бизон остановил ее.

— Спасибо, Цион. Может, чуть позже. Ты ведь сможешь пересказать его нам завтра утром?

— Конечно. Спокойной ночи, дорогие мои.

— Кэмерон Уильямс, — с иронией произнесла Хлоя, — у меня сегодня особенный день. Ты впервые в жизни отказался от возможности узнать последние новости.

— Не считай меня таким уж альтруистом, дорогая. Я ведь теперь безработный.

— Зато у тебя теперь свой журнал.

— Ага, но я сам себе начальник и сам за все плачу. Денег никаких не зарабатываю, и самое большее, что могу сделать, — уволить самого себя.

— И все же ты предпочел меня новостям.

Он наклонился и снова поцеловал ее.

— Как будто я не знаю, что он скажет. Сначала Фортунато будет воспевать хвалы потентату, а затем явится сам Карпати, весь такой робкий и скромный, чтобы обличить Циона, который так некрасиво с ним поступил после всего того, что он для него сделал.

Хлоя кивнула.

— Так о чем ты беспокоился?

— О ребенке.

Она удивленно подняла брови.

— Как, и ты тоже?

Он кивнул.

— О чем ты сейчас думаешь?

— Что мы с тобой поступили достаточно безрассудно, — призналась она. — Нашему ребенку никогда не исполнится больше

пяти, и расти он или она будет во времена, когда все мы будем бороться за то, чтобы сохранить свою жизнь.

— Все намного хуже, — возразил Бизон. — Если бы мы просто пытались выжить, мы могли бы отсидеться в безопасном месте. Тогда ребенок был бы в относительной безопасности. Но мы уже раскрыли себя. Мы объявили себя врагами существующего мирового порядка и не можем просто сидеть, молчаливо протестуя.

— Хорошо, я буду осторожней, — согласилась Хлоя.

— Ну да, — фыркнул он. — Как сегодня. Хлоя молча откинулась назад.

— Ладно, наверное, мне следует быть более осмотрительной, — произнесла она.

— Возможно. Я просто пытаюсь понять, правильно ли мы поступаем.

— Вряд ли мы сейчас сможем что-то радикально изменить. Так к чему ты клонишь?

— Я просто очень беспокоюсь. И мне не с кем больше поделиться этими переживаниями.

— Не хотела бы я, чтобы ты с кем-нибудь еще ими делился.

— Тогда немедленно скажи мне, чтобы я перестал изводить себя по пустякам, или что ты переживаешь не меньше, чем я, или что-то в этом роде. Иначе мне придется взять на себя роль мудрого взрослого и обращаться с тобой как с безмозглым младенцем.

— Ну пока ты успешно сдерживал себя.

— Да, но иногда мне приходится поступать иначе. Кто-то же должен за тобой присматривать. Мне, например, нравится, когда ты отслеживаешь, где я. Это никак не унижает моего достоинства. Наоборот, мне это нужно и приятно.

— В точку, — прокомментировала Хлоя.

— Угу.

— И вроде у меня это неплохо получается.

— И так нежно, — промурлыкал он, обнимая ее.

— Бизон, — спросила Хлоя, — может, нам действительно стоит посмотреть выступление Карпати?

Он улыбнулся, пожав плечами.

— Может, это надоумит нас сорвать какие-нибудь его планы.

Они спустились в гостиную, где Хаим и Цион смотрели телевизор.

— Есть вести от Иакова? — поинтересовался Уильямс.

Хаим отрицательно покачал головой.

— Меня это тоже огорчает.

— Я только попросил его зайти внутрь и привести Циона и Хлою, — попытался оправдаться Бизон. — Отвлекающий маневр и вся эта стрельба были его идеей. Мне это тоже не понравилось.

— Что?! — воскликнул Хаим.

* * *

Как ни удивительно, безумные угрозы Хэтти вселили в Рэйфорда надежду, что она

идет на поправку. Ему они казались на удивление разумными, а это, судя по словам доктора, было мало свойственно ей в последние несколько недель. Опять же он не считал сумасшедшим себя, хотя желал убить Карпати не менее страстно, чем Хэтти. В глубине души он больше всего хотел, чтобы она выздоровела и обратилась к Богу. Ведь главное заключалось в том, что она постигла истину. Живое воплощение человека, который все знал, но упорно поступал неправильно. По той же причине, по словам Брюса Барнса, самого Рэйфорда не взяли на небеса. Он упустил главное, несмотря на все старания его жены, потому что, делая что-то для себя, ты не можешь заслужить Его благосклонность. Брюс, как никто, знал это. Он считал спасение некоей сделкой, которая даруется через проявления веры и полагал, что сможет как-нибудь спустить это на тормозах, получив заявленную прибыль по умолчанию. Но в итоге получилось, что он остался и потерял семью.

Наверху лестницы, ведущей в подвал, появился Кен.

— Ты не хочешь присоединиться к нам с доком? — спросил он. — Флойд считает, что Хэтти лучше отдохнуть.

— Конечно, — отозвался Рэйфорд, быстро вставая. Он еще раз попытался дозвониться до Бизона и Хлои, но попытки были безуспешны, и он бросил телефон на стул.

— Не выключай, пожалуйста, — попросила Хэтти, когда он выходил.

— Он тебе не помешает?

— Просто оставь его включенным на минимальном звуке. Меня это не беспокоит.

* * *

— Мои люди повсюду ищут Иакова, — прошептал Хаим, когда на экране появился Фортунато со своей неизменно обаятельной улыбкой. — Если с ним что-то случилось, я просто не знаю...

— Хаим, я уверен, что с ним все в порядке. Он уверовал в Мессию, и на его лбу появилась отметка запечатленного святого Скорби, видимая другим верующим.

— Ты хочешь сказать, что ты ее видишь, а я нет?

— Именно.

— Чушь! Что за бредовая идея!

— Вы видите наши знаки? — спросила Хлоя.

— Глупости, милая, да нет никаких знаков! — фыркнул Розенцвейг.

— Но мы видим их друг у друга, — возразил Цион. — Я вижу печати на лбах Бизона и Хлои очень четко.

Хаим отмахнулся о них, как если бы его разыгрывали. Тут заговорил Фортунато.

Хлоя вспомнила, что отцу надо бы позвонить до того, как Карпати начнет выступать, и убежала в комнату. Вернувшись, она показала Бизону телефон — судя по неотвеченным вызовам, Рэйфорд неоднократно

звонил. Хлоя немедленно набрала номер отца.

* * *

Рэйфорду показалось, что он услышал звонок своего мобильного, но решил, что послышалось, так как больше вызовов не было. Спустившись в подвал, он задумался, как такой высокий и крупный мужчина, как Кен Ритц, мог жить в таком крохотном, темном и сыром месте. К чести сказать, Ритц постепенно расширял его с расчетом на то, что когда-нибудь весь Отряд Скорби будет квартироваться там, но пока Рэйфорд даже думать боялся об этих временах.

Появившийся на экране главнокомандующий не иначе как ради этого выступления вырядился словно на парад. Хотя не исключено, что Стил просто не обратил внимания, как он был одет на стадионе. К тому же трансляцию собрания они смотрели, наскоро настроив передачу изображения с ноутбука на экран телевизора, так что качество изображения было не сопоставимо с прямым телеэфиром. Телекамеры обычно не льстят приземистым мужчинам средних лет, но Фортунато действительно казался стройнее, энергичнее и наряднее, чем обычно.

— Дамы и господа, — начал он, глядя в камеру, как если бы хотел заглянуть телезрителям прямо в глаза. Определенно этому

трюку он научился у Карпати. — Увы, даже в самых дружных семьях бывают ссоры. С тех пор как его святейшество потентат Карпати пришел к власти два года назад, он прилагал огромные усилия к тому, чтобы превратить наш мир в единое сообщество.

Благодаря всеобщему разоружению и глобальным изменениям в политике бывшей Организации Объединенных Наций нынешнее Мировое Сообщество сделало мир лучше. После массовых исчезновений, которые явились тяжелым ударом для всех нас, именно Мировому Сообществу удалось вернуть на Землю мир и гармонию. Все незначительные затруднения были вызваны внешними факторами. Нам навязали войну, которая повлекла за собой чуму и многочисленные жертвы, но его святейшество быстро подавил силы мятежников. На нас обрушились всевозможные природные катастрофы, от землетрясений и наводнений до лавин и падения метеоритов. Мы предполагаем, что все это было вызвано энергетическими колебаниями от того, что явилось причиной массовых исчезновений.

Но все же есть те, кто до сих пор сопротивляется прогрессу, и сегодня вечером одно из таких движений в прямом эфире явило миру свое истинное лицо. Его святейшество мог и имел полное право со всей строгостью наказать виновных за нанесенное ему оскорбление. Однако во имя того нового общества, которое он создал, его свя-

тейшество отреагировал иначе. Сегодня он поделится с вами своими мыслями по этому поводу.

Но до этого я бы хотел рассказать вам случай из собственного опыта. Не пересказанное или услышанное, не аллегория и не сказку. Это случилось со мной лично, и я готов подтвердить истинность каждой детали. Я хочу поделиться с вами этой историей, потому что она открывает истинную сущность человека, который выступит сегодня перед вами, насколько он силен духовно и какими сверхъестественными способностями обладает.

И Фортунато поведал, как он стал главным командующим Мирового Сообщества, историю, которую Рэйфорд слышал уже более сотни раз.

— А теперь, — подытожил Леон, — без дальнейших церемоний я уступаю место вашему потентату и, без ложной скромности скажу, моему богу, его святейшеству Николае Карпати.

* * *

Пока Фортунато расхваливал Карпати, Хлоя негромко разговаривала по телефону. Когда тот уже раскланивался, уступая дорогу главе Мирового Сообщества, она, наконец, повесила трубку.

— Хэтти потеряла ребенка, — объявила она с грустью в голосе.

— Ты дозвонилась до отца?

— Трубку взяла Хэтти. Судя по голосу, она вполне пришла в себя и трезво оценивает ситуацию.

Внезапно она рассмеялась. На истерику это не было похоже, так что Бизон перевел взгляд на экран. Фортунато, смиренно отступая при появлении Карпати и кланяясь, споткнулся о какой-то провод и исчез за пределами объектива камеры, очевидно упал. Видимо, он произвел столько шума, что даже заставил обернуться обычно невозмутимого потентата, так что тот какое-то мгновение не смотрел в камеру.

Но Николае быстро пришел в себя, и на лице его появилась привычная обаятельно-снисходительная улыбка.

— Сograждане, — начал он. — Полагаю, что даже если вы не видели, что произошло сегодня на стадионе имени Тедди Коллека в Иерусалиме, то уже наверняка что-то слышали об этом. Позвольте мне коротко обрисовать мое видение ситуации и то, как я намерен действовать.

Позвольте мне напомнить, что меня буквально уговорили стать Генеральным Секретарем ООН. Я не стремился к этой должности. Я всегда хотел лишь одного — служить людям безотносительно того, чем я занимался. В течение многих лет я был членом нижней палаты румынского парламента, отстаивая точку зрения моего электората и мою собственную — борясь за мир и разоружение. Для меня избрание в президенты

было таким же шоком, как для всего мира, разве что чуть меньшим, чем назначение на пост Генерального Секретаря, которое в конечном итоге трансформировалось в председательствование в общемировом правительстве.

Одним из столпов моей политики является терпимость. Мы можем быть по-настоящему Мировым Сообществом, только если на уровне закона примем всеобщее многообразие. Мы все хотели одного: сломать преграды и объединиться. Сейчас мы имеем единую экономику, самым ярким воплощением которой является единая валюта, единое правительство, поэтому нет никакой необходимости в паспортах, практически единый язык, а также единую систему измерений и единую религию.

Эта религия волшебным образом возникла из того, что на протяжении столетий представляли собой совершенно противоположные системы верований. Религии, которые позиционировались как единственно возможный путь духовного развития, успешно сосуществуют и принимают друг друга. Это непостижимо, но это работает, потому что каждая вера истинна для своих приверженцев. Выбранный вами путь единственно возможен для вас, а выбранный мной — для меня. Но, объединившись под знаменем того, что так удачно называли Всемирной религией Сокровенного Вавилона, все существующие системы верований смогли гармонично сосуществовать.

Все, за исключением одной. Она вам хорошо известна. Это секта, которая восходит корнями к христианству и придерживается концепции, что массовые исчезновения два с половиной года назад были не чем иным, как Божьим деянием. Они действительно считают, что Иисус вострубил и призвал всех своих верных на небеса, оставив нас, потерянных грешников, страдать на земле.

Не уверен, что это точно отражает те христианские истины, что передавались на протяжении столетий. Мое представление об этом прекрасном, миролюбивом учении сводилось к представлению о Богочеловеке, который учил любви и нравственным нормам, подав пример того, как человек может достичь жизни вечной на небесах через постоянное самосовершенствование.

Исчезновения повергли мир в хаос, и нашлись те, кто воспользовался этим, чтобы на основании смутных и, очевидно, аллегорических описаний из христианского Священного Писания утверждать, что эти факты были якобы предсказаны. Многие христианские лидеры, которые сейчас исповедуют религию Сокровенного Вавилона, заявляют, что до исчезновений подобных учений не было, а если и были, то никто из серьезных теологов не принимал их всерьез. Заметим, что среди исчезнувших были люди, которые имели самое разное представление о том, как должно закончиться существование Земли.

Небольшая группа фанатиков, которые верят, что упустили свой первый шанс на спасение, потому что не были достаточно совершенны, создала некую секту. В ее составе преобладают бывшие иудеи, которые пришли к выводу, что Мессией, которого они ожидали в течение всей своей жизни, был Иисус Христос. Во главе этого культа стоит обратившийся в христианство раввин Цион Бен-Иегуда. Как вы, возможно, помните, доктор Бен-Иегуда был тем самым некогда уважаемым ученым, который во время международной телетрансляции высказался о своей собственной религии настолько кощунственно, что его вынудили бежать из Израиля.

Сейчас я нахожусь в той же студии, в которой доктор Бен-Иегуда в свое время отрекся от своего народа и его веры. За время пребывания в изгнании ему удалось промыть мозги тысячам людей и создать собственную секту. Это неудивительно, ведь после исчезновений многие чувствовали себя потерянными и отчаянно нуждались в духовном наставнике. Бен-Иегуда популяризировал свои идеи через Интернет, полагая он смог неплохо заработать на своих «последователях». В основе его проповеднической деятельности лежит образ врага, с которым надо бороться, и этим врагом являемся мы с вами, братья и сестры. А «те», кто противопоставляет себя нам, именуются, согласно этому учению, истинно верующими, святыми, запечатленными и тому подобное.

Я долго не придавал значения этой нелепой оппозиции, пытающейся подорвать основы единой веры. И хотя мне советовали избавиться от них, я считал, что должен проявить терпимость. Несмотря на то что доктор Бен-Иегуда непрестанно выступал против основ нашей веры и системы ценностей, я придерживался принципа «Живи и дай жить другим». И когда он призвал тысячи своих последователей собраться в том самом городе, из которого его когда-то изгнали, я решил быть выше личных обид и позволил это.

Более того, я публично заявил, что гарантирую защиту доктору Бен-Иегуде, чтобы подтвердить искренность моих намерений и безграничность моей терпимости. И хотя я знал, что Мировое Сообщество и я лично открыто декларируются этим культом как враги, я считал поощрение этого мероприятия единственно верным поступком. Признаюсь, в глубине души я надеялся, что мой жест продемонстрирует этим фанатикам всю ценность терпимости и компромисса, так что наступит день, когда они присоединятся к нашей вере. И это был бы их выбор, так что мне не пришлось бы использовать против них силу.

И чем они ответили на мое великодушие? Пригласили ли меня на церемонию открытия? Попросили ли поприветствовать собравшихся? Или позволили поучаствовать в каком-либо из мероприятий?

Нет. Благодаря частным каналам мне удалось добиться того, что доктор Бен-Иегуда

согласился на мое присутствие и обещал мне не препятствовать. Я отправился в Израиль за свой счет, не отягощая этими расходами Мировое Сообщество, и явился на так называемое собрание свидетелей, чтобы сказать им пару приветственных слов.

Моего главнокомандующего встретили грубым молчанием, пусть его это и не смутило. Глубокоуважаемого верховного понтифика Петра Второго приняли в столь же враждебной манере, хотя, казалось бы, он такой же служитель Церкви, как и они. Думаю, ни у кого нет сомнений, что все это было умело срежиссировано.

Когда я обратился к зрителям, их разум по-прежнему находился под воздействием их лидера, поэтому они не могли отреагировать так, как они хотели бы. Я много выступаю на публике, поэтому у меня есть своего рода чутье на настроение аудитории, и в данном случае я знал, что эти люди слушали меня, сопереживали мне, недоумевая по поводу инструкций, выданных их лидером. Они искренне хотели ответить теплым приветствием на мои слова.

И хотя доктор Бен-Иегуда стоял совсем рядом, старательно игнорируя мое присутствие, ему каким-то образом удалось подать сигнал, чтобы в воздух выпустили некое отравляющее вещество, скорее всего порошок или пыль, из-за которой у меня мгновенно запершило в горле и возникла нестерпимая жажда.

Мне следовало бы сразу заподозрить неладное по тому, как быстро мне передали

из толпы бутылку с водой. Но я чрезвычайно доверчив к людям и привык, что они обращаются со мной так же, как я с ними, поэтому предположил, что какой-то неизвестный доброжелатель пришел мне на помощь.

Но на самом деле это была коварная ловушка! Мне подсунули бутылку с отравой! Это была самая бесцеремонная из известных мне попыток публичных покушений. Я прямо там на месте потребовал от доктора Бен-Иегуды объяснений. Но, как оказалось, моя неискушенность в подобных интригах сыграла ему на руку. Среди зрителей по его наущению скрывалась пара сумасшедших, известных своими проповедями у Стены Плача, в которых они оскорбляли народ Израиля, и убийствами тех немногих, кто пытался с ними спорить. Они пользовались более мощными микрофонами, чем тот, что был у меня, поэтому буквально заткнули меня своими нелепыми угрозами, так что моя робкая попытка проявить дипломатичность закончилась крахом.

Я немедленно покинул это место. Результаты анализов показали, что, проглоти я то, что мне подсунули, я бы мгновенно умер. Без сомнения, это государственная измена, которая карается смертью. И тем не менее я далек от подобной категоричности. Я по-прежнему хочу всеобщего объединения во имя мира и гармонии. Лучше всего мое отношение к ситуации описывают слова из Писания: «Придите — и рассудим».

Я не сомневаюсь, что всю ответственность за организацию и воплощение этого отвратительного инцидента несет на себе доктор Бен-Иегуда. Но так как я человек слова и не располагаю никакими реальными доказательствами того, что он как-либо причастен к этому покушению, я не буду препятствовать проведению заявленного собрания в последующие два вечера. Мое обещание безопасности и защиты по-прежнему в силе.

Тем не менее доктор Бен-Иегуда должен покинуть территорию Израиля в течение двадцати четырех часов после окончания собрания. Это требование местных властей, и я бы настаивал, чтобы доктор Бен-Иегуда ему подчинился как минимум ради собственной безопасности.

Я бы также хотел сделать публичное предупреждение тем, кто называют себя Эли и Моше. В течение следующих сорока восьми часов им запрещено покидать окрестности Стены Плача, где они пребывали на протяжении столь долгого времени. Они лишены права покидать это место. По окончании пресловутого собрания свидетелей Эли и Моше должны покинуть Стену Плача. Если в течение сорока восьми часов их увидят за пределами Стены Плача, а по их истечении — у нее, я отдал приказ стрелять в них без предупреждения.

Некоторые очевидцы заявляют, что совершенные ими убийства можно классифицировать как самозащиту. Я категорически

отвергаю подобные заявления и своей властью как потентата отказываю им в суде. Мое решение непоколебимо: любое их появление за пределами Стены Плача в течение ближайших сорока восьми часов, как и любое их публичное выступление где-либо в мире после этого, приведет к их немедленному уничтожению. Каждый офицер или гражданин Мирового Сообщества имеет право стрелять в них на поражение.

Уверен, что вы согласитесь, что моя реакция на попытку покушения более чем сдержанна и великодушна, а то, что я позволяю продолжить проведение собрания, свидетельствует о том, что я по-прежнему настроен на компромисс.

Благодарю вас, друзья мои, и желаю вам спокойной ночи из Израиля.

* * *

Кен Ритц с шумом встал, хлопнув себя по карманам.

— Не знаю, как у вас, парни, но мне есть чем заняться, — заявил он. — Да, кстати, неплохо было бы поподробнее узнать про те миллионы, что раввин сумел настричь со своих последователей, потому, как все мы здесь безработные, а значит, нам скоро понадобится наличность.

— У тебя есть минутка, Рэй? — спросил Флойд, поднимаясь.

— Конечно.

Они поднялись наверх. На секунду доктор склонился над спящей Хэтти.

— Кажется, сейчас с ней все в порядке, — произнес он. — Опасаюсь, как бы на нее не навалилась послеродовая депрессия после всего того, что она перенесла.

— А такое бывает даже после выкидыша?

— Выкидыш может все только усугубить.

Рэйфорд выключил телевизор и вышел вслед за Флйдом на крыльцо. Некоторое время они оба молча внимательно осматривали окрестности и прислушивались. Стил уже успел к этому привыкнуть. В Новом Вавилоне важнее всего было понимать, с кем ты разговариваешь. Здесь — убедиться, что за тобой не следят.

— Рэйфорд, мне надо поговорить с тобой кое о чем. Беда в том, что я тебя едва знаю.

— Сейчас все настолько изменилось, что дружба или просто знакомство имеют гораздо большее значение, чем прежде, — ответил Рэй. — Может, нам с тобой придется провести вместе остаток наших жизней, а это немногим больше пяти лет. Если тебя что-то беспокоит, говори, не стесняйся. Если хочешь меня за что-то пропесочить — валяй. Я все восприму адекватно. Поверь, мои приоритеты за последнее время сильно изменились.

— Да нет, я не имел в виду ничего подобного. Хотя, если честно, тебе есть за что на меня злиться после сегодняшнего.

— За то, что ты на меня наорал в процессе? Слушай, это нормально. Когда дело касается медицины, ты главный и говоришь так, как считаешь нужным, со всеми, кто оказался поблизости.

— Да, но я хотел сказать, что понимаю, что, хотя Цион наш пастор, на самом деле ты главный. Я уважаю тебя и не оспариваю твой авторитет.

— Не самый удачный момент обсуждать субординацию, доктор. Так о чем ты на самом деле хотел поговорить?

— У меня проблема с Хэтти.

— Как и у всех нас, Флойд. В свое время она была умницей и красавицей. Наверное, больше красавицей, но это не важно, сейчас у нее, пожалуй, не лучшие времена, но, полагаю, она постепенно идет на поправку. Думаю, через пару недель вы сможете оценить ее по достоинству.

— Мне дали понять, что вы с ней вместе работали, и хотя между вами ничего не было...

— А, да. Гордиться тут особо нечем, но признаю, ничего не было, хотя я в свое время был не против.

— Вообще-то я не о том, что она натворила и сколько с ней проблем. Меня очень трогает то, как ты о ней заботишься, и убеждаешь ее обрести веру.

Рэйфорд тяжело вздохнул.

— Я в полном замешательстве. Она верит, но абсолютно не желает принять Христа. У нее даже есть логическое обоснование

этой позиции. Она сама себя убедила, что не достойна.

— Именно. Она отчаянно отказывается принять дарованное Им.

— А почему ты так переживаешь, Флойд? Думаешь, для нее все потеряно?

Флойд отрицательно покачал головой.

— Хотел бы я, чтобы все было так просто. Проблема у меня самая дурацкая. Вы сами сказали, что в ней не осталось ничего привлекательного. Очевидно, что она потрясающе выглядит, когда здорова, но яд и болезнь сделали свое дело. Она постоянно несет чушь и не способна подумать даже о собственной душе.

— Ты хочешь вышвырнуть ее вон, но испытываешь по этому поводу чувство вины?

Флойд отвернулся от Рэйфорда.

— Нет. Я хочу ее любить. Вернее, я люблю ее. И хочу обнимать, целовать, говорить ей о своих чувствах. — Его голос начал дрожать. — Это настолько сильное чувство, что я убедил себя, что смогу просто силой своей любви помочь ей выздороветь. В духовном и физическом плане.

Тут он помедлил и обратился к Рэйфорду:

— Похоже, ты не ожидал подобного признания.

* * *

Бизон и Хлоя уже собирались ложиться, когда он спросил:

— Ты сможешь уснуть, если я ненадолго уйду?

Она немедленно напряглась:

— На улицу? Там же небезопасно!

— Карпати сейчас больше беспокоится об Эли и Моше, чем о нас. Я хочу попробовать найти Иакова. И выяснить, как пророки реагируют на угрозы Карпати.

— Но это же очевидно! — ответила она, откидываясь на подушку. — Они вольны делать то, что захотят, пока не придет время, и горе тем, кто по указке потентата попытается их убить до положенного срока.

— Именно так я и...

— Сделай мне одолжение, дорогой. Обещай, что не уйдешь отсюда, пока не убедишься, что я крепко заснула. В этом случае я начну переживать за тебя, только если не увижу тебя рядом утром, когда проснусь.

Бизон оделся и вышел. Оказалось, что Цион уже лег спать, а вот Розенцвейг все еще разговаривал по телефону.

— Леон, мне необходимо поговорить с Николае, я просто настаиваю... Да, я в курсе твоих чертовых титулов, но позволь напомнить, что мы были с ним знакомы до того, как он стал его святейшеством, потентатом и всем прочим. А теперь, пожалуйста, соедини меня с ним... Ах так, тогда сам расскажи мне, где мой водитель!

Розенцвейг заметил Бизона и сделал ему знак сесть, включив на телефоне кнопку громкой связи. Голос Леона звучал угрожающе.

— Наша разведка сообщает, что ваш человек обратился в христианство.

— И что? Он перестал быть евреем? Израильтянином? Он перестал на меня работать? Что ты такое говоришь? Я знаю его многие годы. Если тебе известно, где он, скажи мне, и я его немедленно заберу.

— Доктор Розенцвейг, при всем моем уважении, ваш человек стал одним из этих сектантов. Мы хотели, чтобы гвардейцы Мирового Сообщества сопровождали доктора Бен-Иегуду до машины, но ваш водитель Иаков выбежал со стадиона, стреляя из огнестрельного оружия. Кто знает, сколько миротворцев и мирных граждан пострадало?

— Я знаю. Никто! В противном случае в новостях только об этом бы и говорили. Но это я уже слышал. Ваши люди преследовали Бен-Иегуду, чтобы отомстить ему за то, что случилось с Николае, и Богу известно, что бы они с ним сделали, если бы ему не удалось ускользнуть.

— Но он не просто так ускользнул. С ним были Бизон Уильямс и его жена, которая, как было доказано, занималась подрывной деятельностью в Америке. Ей удалось сбежать от нас в Миннесоте, где она была задержана для допроса.

Тут Розенцвейг взглянул на Бизона — но тот только качал головой, отбрасывая эти нелепые обвинения.

— Мы подозреваем, что после землетрясения она занималась мародерством, — продолжал Фортунато.

— Леон, хватит. Скажи мне, Иаков жив?! — Главнокомандующий замолчал, и тут Розенцвейг действительно впал в ярость. — Клянись, Леон, если с ним что-нибудь случится...

— С ним ничего не случилось, доктор. Но когда же вы научитесь обращаться ко мне как должно?

— Бога ради, Леон, неужели тебе не о чем больше заботиться сейчас? Например, о человеческих жизнях?!

— Не Леон, а верховный главнокомандующий, доктор Розенцвейг.

— Верховный идиот! — выкрикнул Хаим. — Я сейчас же отправляюсь на поиски моего шофера, и если тебе есть что мне сказать, лучше сделай это!

— Я не желаю разговаривать с вами в подобном тоне, сэр.

И Фортунато повесил трубку.

* * *

Вернувшись в дом, Рэйфорд положил руку доктору на плечо.

— В делах любви я плохой советчик, — признался он. — Но ты прав, считая, что это в некоторой степени безумно. Она не одна из нас. И ты достаточно взрослый человек, чтобы понимать разницу между жалостью и любовью и между состраданием врача и человеческими чувствами. Ты ее почти не знаешь, а то, что тебе известно, крайне сомнительно. Не надо быть семи пядей во лбу,

Авагдон

чтобы понять, что что-то здесь не так. Тебе просто одиноко. Ты потерял жену в Восхищении?

— Да...

— Расскажи мне о ней.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Перед тем как ехать, Бизон заглянул проверить, как там Хлоя. Она крепко спала.

— Ты не мог бы сесть за руль? — попросил Хаим. — Мне так давно не давали водить.

— Не давали?

Хаим устало улыбнулся в ответ.

— В этой стране, а особенно в этом городе, как только ты обретаешь некоторую известность, с тобой начинают обращаться как с особой королевской крови. Никуда нельзя отправиться без должного сопровождения. А ведь когда ты писал обо мне свою первую статью, обо мне еще никто не знал.

— Но уже тогда вы были весьма уважаемым человеком.

Доктор Розенцвейг справился у своего сторожа Ионы, не слышно ли чего об Иакове. Бизон услышал, как тот помянул какого-

то Стефана. Сказано это было на иврите, но резко и с явной неприязнью.

Хаим отвел Бизона в дальнюю часть гаража, где стоял древний седан. Когда Бизон уселся за руль, Хаим пояснил:

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал меня. Мой «мерседес» слишком бросается в глаза. Ты ведь умеешь водить машины с ручной коробкой передач?

Бизон попробовал рычаг и осознал все причуды ручного переключения скоростей. Гораздо больше его беспокоила совершенно лысая резина.

— Вы хоть представляете, куда нам ехать?

— Боюсь, что да, — вздохнул Хаим. — Иаков равнодушен к спиртному.

Бизон посмотрел на него с нескрываемым удивлением.

— Ваш водитель — алкоголик?

— Он завязал. Говорят, что идет на поправку. Но в тяжелые моменты его, бывает, сносит.

— Слетает с катушек?

— Никогда не слышал подобного выражения.

— Это старинная поговорка. В самом начале двадцатого века активистки женского христианского союза трезвости приезжали в города, обличая издержки алкоголизма и призывая пьяниц отказаться от выпивки и завязать. Когда раскаявшийся алкоголик опять срывался, это называли слететь с катушек.

— Наверное, именно это с ним и произошло, — вздохнул Хаим, показывая Бизону, куда следует свернуть.

Постепенно они заехали в пригороды, где дома ютились бок о бок. Уильямс начал замечать детали, которые упустил по дороге от стадиона до резиденции Розенцвейга. Город выглядел непривычно убого. Всего пару лет назад ему так нравилось в Иерусалиме! Конечно, там были и бедные кварталы, но в целом его состояние блюли с должным достоинством. Но после исчезновений там пышно расцвели преступность и разврат. Повсюду на улицах попадались пьяницы, нередко в обнимку с проститутками. Чем дальше они ехали, тем чаще им попадались стрип-клубы, тату-салоны, эзотерические магазины и разнообразные заведения для взрослых.

— Бог мой, что случилось с Иерусалимом?

Хаим только фыркнул и отмахнулся:

— Это одна из тех вещей, о которых я бы очень хотел поговорить с Николае. Сколько денег было потрачено на то, чтобы восстановить Храм и перенести Купол Скалы в Новый Вавилон! Ужас! А этот Петр Второй, в своем нелепом одеянии, убеждающий ортодоксальных евреев перейти в религию Сокровенного Вавилона?! Даже мне, человеку далекому от религии, понятно, что это абсурд. Зачем все это? Евреи веками верили в единого истинного Бога, а теперь это как-то должно соответствовать

доктринам религии, которая почитает богом мужчину, женщину, животное и еще черт знает что. И вот каков результат! А в Хайфе и Тель-Авиве еще хуже! Ортодоксы заперлись в своем прекрасном храме, убивая животных и воспроизводя обряды, которые были забыты сотни лет назад. Но какое отношение это имеет к остальным израильтянам? Никакого! Я верю, что Николае действительно мой друг, и когда мы с ним увидимся, я обязательно расскажу ему обо всем, и тогда ситуация изменится.

Я знаю, что если мой Иаков — прекрасный, душевный человек — решает уйти в запой, то он всегда идет в один и тот же бар, чтобы напиться до беспамятства.

— И как часто это с ним случается?

— Не больше двух раз в год. Как я только на него не ругался и не угрожал. Я даже уволил его! Но он знает, как я переживаю за него. Они с женой до сих пор скорбят по своим исчезнувшим детям.

Бизон досадовал, что, толком не узнав его, направил на путь истинной веры. Ему оставалось только надеяться, что старик ошибался и они не найдут там Иакова.

Только при помощи Хаима они нашли где припарковаться — машин было на удивление много. Давно перевалило за полночь, и внезапно Бизон почувствовал, что ужасно устал.

— «Гарем»? — прочел он высвеченное неоновым название. — Вы уверены, что это бар?

— Конечно, нет, Кэмерон, — оборвал его Розенцвейг. — И я даже думать не хочу о том, что там может твориться. Я никогда не был внутри. Обычно я ждал снаружи, пока начальник моей охраны не вытащит оттуда Иакова.

— Так вот зачем я вам понадобился.

— Нет, я бы не стал тебя просить ни о чем подобном. Но мне понадобится твоя помощь на случай, если он будет сопротивляться, потому что мне вряд ли удастся с ним совладать. Конечно, даже будучи сильно пьяным, он не причинит мне никакого вреда, но хилый старикашка вряд ли сможет заставить крепкого мужчину пойти туда, куда тот не хочет.

Бизон выключил зажигание и прикинул варианты развития событий.

— Я все же очень надеюсь, что вы ошибаетесь и Иакова там не будет.

Хаим невольно улыбнулся.

— Ты правда считаешь, что уверовавший в Христа не может напиться, перепугавшись до полусмерти? Для журналиста с мировым именем это слишком наивно, друг мой. Похоже, вера затуманила острогу твоего разума.

— Надеюсь, что нет.

— Видишь тот зеленый грузовик, старый «форд»?

Бизон кивнул.

— Он принадлежит Стефану, он тоже на меня работает. Стефан живет как раз на полпути между стадионом Тедди Коллек

и этим местом. Они с Иаковом частенько выпивают вместе, хотя Стефан не так подвержен алкоголизму, как Иаков. Он, как мы говорим, знает свою норму. У него сегодня был выходной, и готов спорить, что Иаков, сбежав от гвардейцев, помчался прямо к нему. Конечно, он был потрясен и напуган, поэтому, несомненно, позволил затащить себя в их излюбленное местечко. Не могу винить Иакова за это. Но я очень хочу, чтобы с ним все было в порядке. Еще не хватало, чтобы он, убежав от гвардейцев, затеял пьяный дебош.

— Мне бы не хотелось найти его здесь, доктор Розенцвейг.

— Мне тоже, но у меня на его счет нет никаких иллюзий. Говорят, мудрость приходит с возрастом, Кэмерон. Я бы даже, наверное, не отказался, чтобы у меня ее было чуть поменьше. И так с трудом припоминаю все, что знаю. Конечно, есть то, что я называю «ключевыми моментами взросления», которые я помню в малейших подробностях, даже если они произошли шестьдесят лет назад, но в то же время я не способен вспомнить анекдот, который мне рассказали полчаса назад.

— Мне и тридцати трех еще нет, но в моей жизни тоже были подобные моменты.

Хаим улыбнулся:

— И как ты их называешь?

— Давайте лучше пойдем поищем Иакова, — предложил Бизон. — Я уверен, что его здесь нет, несмотря на присутствие Стефана.

— А я надеюсь на обратное, — сказал Хаим. — Потому что если его нет здесь, значит, он потерялся, или его схватили, или что похуже.

* * *

История Флойда Чарльза до ужаса напомнила Рэйфорду его собственную. Жена доктора тоже была глубоко верующей, в то время как он, профессионал своего дела, имел о религии достаточно смутное представление.

— Регулярно ходил в церковь, но не хотел, подобно жене, вдаваться в подробности? — понимающе спросил Рэйфорд.

— Именно, — ответил Флойд. — Она всегда твердила мне, что мои добрые дела не помогут мне попасть на небеса и, если Иисус явится до моей смерти, я не буду призван. — Он грустно покачал головой. — Я слушал, но не слышал, ты ведь понимаешь, о чем я?

— Ты буквально пересказываешь историю моей жизни. Ты тоже потерял детей?

— Не в момент Восхищения. Первый раз у жены был выкидыш, а потом нашу пятилетнюю дочь сбил автобус в тот самый день, когда она пошла в школу.

Доктор умолк.

— Прости, — смутился Рэйфорд.

— Это было действительно ужасно. — Флойд старался, чтобы голос не дрожал. —

Мы с женой проводили ее в то утро до угла улицы, и она была так счастлива. Мы считали, что она испугается или будет стесняться, наверное, даже надеялись на это. Но она просто не могла дождаться, когда же, наконец, отправится в школу в своей новой форме, с коробкой для завтрака и прочим. Мы безумно переживали за нее, боялись, психовали. Я еще сказал тогда, что отправлять ее в школу одну на автобусе это почти как бросить ее на арену со львами. А Джиджи ответила, что мы должны верить, что Господь о ней позаботится. Полчаса спустя нам позвонили из скорой.

Рэйфорд сочувствующе кивал.

— Мне было очень больно, — продолжил Флойд. — Это только еще больше отдалило меня от Господа. Джиджи страдала, просто душу из меня вынимала своими рыданиями. Но она не утратила своей веры. Молилась за нашу дочку, просила Господа позаботиться о ней, рассказать ей, как мы любим ее и прочее. Это было тяжелым испытанием для нашего брака. Мы разъехались на какое-то время — я так решил, не она. Мне просто невыносимо было видеть, как она страдала и в то же время продолжала играть в свои религиозные игры. Она заявляла, что это серьезно, и если бы я хотел еще раз увидеть ЛаДонну, то я бы уверовал в Иисуса. Но уверовал я совсем не в то, во что хотела она. Я понял, что Он допустил то, что случилось с моей девочкой. Это было для меня тяжелым ударом.

Они сидели на кухне, откуда было хорошо слышно ровное дыхание Хэтти.

— Знаешь, что меня переубедило? — внезапно спросил Флойд.

Рэйфорд рассмеялся.

— Хочешь сказать, это было не Восхищение Церкви? Ты меня заинтриговал.

— Я все понял до этого. Просто не велся на намеки, понимаешь?

Рэйфорд кивнул.

— Ты понял, что твоя жена была права, но все же не обратился к Богу?

— Именно. Джиджи удалось переубедить меня. Несмотря ни на что, она никогда не переставала меня любить. Я вел себя как подлец. Подлый, мерзкий, эгоистичный, грубый. Но она понимала, как я мучаюсь и страдаю. Как будто свет моей жизни померк. Я так сильно любил ЛаДонну, у меня как будто вырвали сердце, когда я потерял ее. Я пытался избавиться от боли, работая до упаду или изводя своих коллег и всех, кто попадался под руку, но Джиджи всегда находила правильный момент, чтобы позвонить или прислать сообщение. Представляешь, она постоянно говорила мне, что любит меня, переживает и хочет, чтобы я вернулся, и готова сделать все, что угодно, чтобы облегчить мою жизнь.

— Потрясающе!

— Именно. Она страдала не меньше, чем я, но все же находила время приглашать меня в гости, готовить мне ужин, стирать мою одежду, даже убираться у меня, хотя она тоже работала. — Тут он рассмеялся. — Это было унижительно.

— Она убедила тебя вернуться?

— Конечно. Ей даже удалось выгнать меня из депрессии. Это заняло несколько лет, но в итоге я стал гораздо счастливее, у меня как будто появились жизненные силы. Я понимаю, что это благодаря ее вере. Но я продолжал считать, что если и есть какая-то доля истины во всех этих рассуждениях о небесах и аде, то Господь должен быть ко мне снисходителен, потому что я каждый день помогаю людям. Даже намерения мои были чисты. Я, конечно, любил внимание, но тем не менее помогал всем без разбору. Я одинаково изо всех сил старался помочь как бомжу, так и миллионеру. Для меня не было никакой разницы. Если кто-то нуждался в медицинской помощи, я делал для него все, что мог.

— Ты молодец!

— Да, наверное. Но мы с тобой оба знаем, что стало со мной, когда Иисус вернулся за своей паствой. Меня оставили.

Пока Флойд отходил посмотреть, как там Хэтти, Рэйфорд достал пару банок колы из холодильника.

— У меня и в мыслях нет порочить свою хорошую знакомую, — начал он. — Но я хочу, чтобы ты подумал о том, какой была твоя жена, прежде чем воспринимать Хэтти как ее возможную замену.

Флойд поджал губы и кивнул.

— Я не имею в виду, что Хэтти не достойна ее заменить, — добавил Рэйфорд.

— Я знаю. И нет никаких признаков, что она бы этого хотела.

— Знаешь, что я собираюсь сделать? — произнес Рэйфорд, вставая. — Я думаю позвонить дочери и сказать ей, как я ее люблю.

Флойд взглянул на часы.

— Ты хоть представляешь, сколько там сейчас времени?

— Мне все равно. Думаю, ей тоже.

* * *

Направляясь к «Гарему», Бизон с Хаимом буквально чувствовали на себе чужие взгляды. Внутри оказалось гораздо больше место, чем казалось снаружи. Черода комнат, заполненных людьми — танцующими или страстно целующимися, — вела в центральный зал бара, где на сцене танцевали не слишком обремененные одеждой девушки, а мужчины ели, пили или просто глазели.

— Так я и знал! — воскликнул Розенцвейг.

По пути к стойке Бизон внимательно смотрел по сторонам, пытаясь обнаружить Иакова, но сталкивался главным образом с неприязненно-вопросительными взглядами завсегдатаев. Как ни странно, там было немало однополых пар. Да, это был совсем не тот Израиль, который Уильямс когда-то знал. Накурено там было, хоть топор вешай. Бизон подумал, что, будь он заядлым курильщиком, это причинило бы меньше вреда его легким, чем посещение такого места.

Он так глубоко задумался, что не заметил, как шедший впереди него Хаим остановился, и налетел на него.

— Эй, Стефан! — воскликнул Розенцвейг.

Оглядевшись, Бизон увидел молодого человека с кружкой пива. Парень истерически смеялся. Его волосы были влажными от пота и изрядно спутанными. Вероятно, он был сильно пьян. Бизон молился, чтобы тот оказался один.

— Иаков с тобой? — требовательно спросил Розенцвейг.

От его слов Стефан поперхнулся и закашлялся. Его так трясло, что он пролил часть содержимого своей кружки на брюки Хаиму.

— Что ты такое творишь, Стефан! Где Иаков?

— Со мной его нет! — воскликнул Стефан, восстановив наконец дыхание и продолжая хихикать. — Но он здесь!

У Уильямса сердце так и упало. Он знал, что Иаков был с ним абсолютно искренен и Господь это только подтвердил, запечатлев свою печать у него на лбу. Как мог Иаков так опошлить спасение собственной души? Неужели последствия его столкновения с гвардейцами Мирового Сообщества были настолько страшными?

— Где? — настаивал Розенцвейг, с очевидным отвращением.

— Вон там! — Стефан махнул в неопределенном направлении кружкой, смеясь сквозь кашель. — Он там отлично проводит время! Ищите его на одном из столов. А теперь пустите меня, иначе случится конфуз!

И он, пошатываясь, ушел, хохоча так, что по его лицу текли слезы.

Похоже, атмосфера этого заведения с орущей музыкой и неровным светом, совершенно лишила Хаима самообладания.

— Только не это! — простонал он. — Кажется, Иаков все-таки напился. Иначе он бы ни за что не стал привлекать всеобщее внимание! Он ведь такой робкий и скромный, даже здороваясь, стесняется смотреть в глаза. Это выше моих сил. Бизон, я лучше подгоню машину. Умоляю тебя, вытащи его оттуда, где бы он ни был. У тебя ведь хватит сил, правда?

Уильямс не знал, что на это ответить. Особо накачанным он никогда не был, даже в те времена, когда ему нравилась клубная жизнь, но и тогда он избегал шумных баров, особенно таких. Хаим ретировался так стремительно, что даже не заметил, как налетел на Бизона, неудачно стоявшего у него на пути. А тому пришлось изрядно потолкаться в толпе, пока наконец не добрался до группы, которая собралась вокруг стола, на котором стоял какой-то молодой израильтянин. Это действительно был Иаков.

* * *

Спустившись в подвал, Рэйфорд застал Кена за изучением научно-технических журналов, некогда принадлежавших бывше-

му хозяину их убежища. Рядом с ним лежали телескоп и микроскоп.

— Он был просто гением, Рэй. Я узнал массу полезных вещей. Надо только связаться с Маком и Хассидом, и они помогут обеспечить нас всем необходимым, пока не лишились своего прикрытия. Ты чего-то хотел?

— Я хочу, чтобы мы с тобой в пятницу полетели в Израиль.

— Ты ведь едва выбрался оттуда. Твой друг Мак говорил, что, останься ты там, тебя бы просто прикончили?

— Спасаться бегством не в моем стиле. Я не собираюсь прятаться от Карпати всю свою оставшуюся жизнь, какой бы короткой она ни была.

— Что на тебя нашло, Рэй?

— Я только что разговаривал с Хлоей. У меня дурное предчувствие, что Николае не выпустит их живыми из Израиля. Надо их вытаскивать.

— Я в деле. Но как мы это сделаем?

* * *

Пробираясь сквозь толпу, Бизон в конце концов плюнул на хорошие манеры, тем более что на него все равно ругались. Наконец, он подошел достаточно близко, чтобы слышать Иакова, но тот говорил на иврите, поэтому Уильямс ничего не понял. Ну, то есть почти ничего. Иаков почти кри-

чал, отчаянно жестикулируя и пытаясь привлечь к себе внимание. Люди смеялись над ним, скабрешничали, свистели и кидали окурками. Какие-то две женщины даже плеснули в него содержимым своих кружек.

Лицо Иакова раскраснелось, выглядел он возбужденным, но, похоже, не пил, по крайней мере, в тот момент. Бизон услышал имя «Иешуа», так на иврите называли Иисуса. И еще слово «Ха-машиах», означавшее Мессия.

— Что он говорит? — спросил он стоящего рядом.

Пьяница посмотрел на него, как на инопланетянина.

— Говорите по-английски? — настаивал Бизон.

— К черту англичан! — отмахнулся мужчина. — И американцев вместе с ними!

Бизон обернулся вокруг.

— Кто-нибудь здесь говорит по-английски? — взывал он в отчаянии. — Инглиш?

— Ну я, — отозвалась официантка. Она несла поднос с пустой посудой. — Только быстро.

— Что он говорит?

Она взглянула на Иакова.

— Он? Ту же чушь, что весь сегодняшний вечер. «Иисус — истинный Мессия. Я знаю это. Он меня спас». И тому подобный бред. Знаете, хозяин давно бы его выставил, но, похоже, он нравится публике.

Иаков был просто клоуном дня. Мотивы его, конечно, были чисты, но никто не вос-

принимал его всерьез. Бизон подобрался поближе и схватил Иакова за лодыжку. Тот опустил глаза, узнал и заорал:

— Бизон! Дружище! Брат! Этот человек может вам все подтвердить! Он был там! Он видел, как вода превратилась в кровь и стала водой обратно! Бизон, скорей лезь сюда ко мне наверх!

— Пошли отсюда, Иаков! — отрицательно мотая головой, уговаривал журналиста. — Я туда не полезу! Тебя никто не слушает! Пошли! Доктор Розенцвейг ждет нас!

Похоже, его слова потрясли Иакова.

— Он здесь? Здесь? Так пусть заходит!

— Он уже на улице. А теперь пойдем.

Похоже, этот аргумент подействовал, и израильтянин с готовностью спустился со стола и последовал за Бизоном. Многие завсегдатаи приветствовали Иакова или дружески хлопали по плечу — очевидно, здесь его хорошо знали. Они почти подошли к выходу, когда Иаков заметил Стефана, который направлялся в прямо противоположную сторону.

— Погоди! Там мой друг! Я должен предупредить его, что ухожу!

— Он и сам догадается, — отрезал Бизон, выталкивая незадачливого брата по вере за дверь.

В машине Розенцвейг одарил Иакова неприязненным взглядом.

— Я не пил, доктор, — заявил тот. — Ни единой капли!

— Ох, Иаков, — вздохнул Розенцвейг, когда они уже отъезжали. — От тебя чудовищно разит выпивкой. И я сам видел тебя, стоящим на столе.

— Хотите я на вас дыхну? — спросил он, наклоняясь вперед.

— Не хочу я тебя нюхать!

— Ну, пожалуйста! Я докажу! — Иаков шумно выдохнул в лицо Розенцвейгу, и тот, поморщившись, отвернулся. Затем обратился к Бизону:

— Похоже, он сегодня ел что-то с чесноком, но запаха алкоголя я не чувствую.

— Конечно, нет! — выкрикнул Иаков. — Я проповедовал! Господь наделил меня мужеством! Я один из ста сорока четырех тысяч свидетелей, совсем как говорил рабби Бен-Иегуда! Я буду проповедовать слово Господне!

Хаим резко откинулся на спинку сиденья и поднял обе руки, в немом призыве к небесам.

— Ох, — пробормотал он, — лучше бы ты пил.

* * *

Выяснив закулисные подробности происходившего в Израиле, Кен согласился, что, вероятно, Карпати организует какой-нибудь «трагический несчастный случай, который он не в силах был предотвратить», ответственность за который возложат на кого-

то еще, но, как ни крути, он будет означать смерть дорогих им людей.

— Рисковать без надобности я не хочу, — твердо сказал Рэйфорд. — Но прятаться и надеяться, что все само как-нибудь образуется, тоже не собираюсь.

— Я достаточно полетал с твоим зятем. Чтобы переплюнуть его в безрассудстве, тебе придется хорошенько постараться. Кстати, свяжись с нашим пилотом там. Я, конечно, научу тебя управлять «гольфстримом», но какой от этого толк, если мы не сможем улететь из Израиля?!

— Ты о чем?

— Нам ведь их надо быстро забрать, так? Вероятно, из дома этого Розе-как-его-там?

— Да, я хотел предложить Циону, чтобы он объявил о своих планах на субботу, придумав что-нибудь достаточно значимое, что, по мнению Карпати, он ни за что не захочет пропустить. А мы появимся там в пятницу после полуночи и увезем наших.

— Сам подумай, нам неизбежно придется приземлиться, и если это будет не в аэропорту, значит, понадобится вертолет.

— Думаю, мы сможем его одолжить. Я договорюсь с Давидом Хассидом, чтобы в аэропорту или самом городе нас поджидал вертолет.

— Отлично, но тогда нам понадобятся два пилота, и МакКаллам тут вряд ли поможет.

— А меня ты за пилота не считаешь?

Кен хлопнул себя по голове:

— А ведь точно! Ну и дурак же я! Ты же учился летать на вертолетах?

— Мак объяснял мне, что к чему. Давай я заберу их и привезу в аэропорт?

— До того, как мы отправимся, тебе нужно добыть план того здания. У тебя будет чертовски мало времени, потому что это крайне шумная работа, а делать ее придется посреди ночи. Если кто-нибудь увидит твой вертолет у себя во дворе, стражи порядка будут там раньше, чем ты успеешь взлететь.

* * *

— Твоя жена знает, где ты был? — спросил Розенцвейг Иакова, когда они подъехали к его дому.

— Я ей звонил. Она сказала, что я несучушь, и бросила трубку.

— Зачем ты вообще пошел туда?!

— Я прибежал домой к Стефану, а он хотел пойти в «Гарем». Я подумал, что это отличное место, чтобы начать проповедовать.

— Ты идиот, — прокомментировал Розенцвейг.

— Наверное...

Бизон вручил Иакову свой мобильный со словами:

— Звони жене и предупреди ее, чтобы не перепугать до смерти своим появлением.

Иаков не успел и кнопки нажать, как телефон внезапно зазвонил.

— Что это? Я ничего не делал, — начал оправдываться он.

— Ответь на звонок.

Оказалось, звонила Хлоя.

— Она хочет немедленно переговорить с вами, мистер Уильямс.

Бизон забрал у него телефон, предупредив, чтобы тот подождал, пока телефон освободится. Хлоя рассказала мужу, что она разговаривала с отцом и тот просил план поместья Розенцвейга.

— Попробую найти повод поднять эту тему, — прошептал Бизон.

Когда они, наконец, вернулись в особняк Хаима, время было слишком позднее, чтобы задавать архитектурные вопросы. Опять же доктор по-прежнему симпатизировал Карпати, поэтому вряд ли бы счел их опасения обоснованными. А еще он мог невольно проболтаться кому-нибудь.

Розенцвейг вылез из машины, а Бизон остался внутри.

— Разве ты не идешь в дом?

— Могу я позаимствовать на время вашу машину?

— Возьми лучше «мерседес».

— Меня и эта вполне устраивает, — заверил Бизон. — Если Хлоя все еще не спит, попросите ее позвонить мне.

— Куда ты собрался?

— Я бы предпочел об этом не говорить. Если вы не будете знать, то вам не придется врать, если вас об этом спросят.

— Что-то ты темнишь, Кэмерон. Но, так или иначе, береги себя и возвращайся скорей, ладно? У тебя и твоих друзей завтра

опять важный день. Или даже лучше сказать сегодня.

Бизон поехал напрямик к Стене Плача. Как он и предполагал, после открытого столкновения между Свидетелями и Карпати и его последующих угроз в прямом эфире, возле ограждения, за которым обретались Эли и Моше, собралась огромная толпа народу. В представителях Мирового Сообщества тоже не было недостатка.

Бизон припарковался подальше от Храмовой горы и направился к Стене, изображая любопытствующего туриста. Свидетели стояли спина к спине, Эли обратившись лицом к толпе. Бизон никогда прежде подобного не видел, как будто Моше опасался неожиданного нападения сзади. Эли что-то вещал своим мощным, громоподобным голосом, но, когда Бизон подошел, его пытался перекричать глава гвардейцев Мирового Сообщества с рупором. Миротворец повторил свое объявление на нескольких языках — сначала на иврите, затем на испанском, а потом на каком-то азиатском языке, который Уильямс не смог даже идентифицировать. Наконец, он заговорил на ломаном английском, и по акценту Бизон понял, что по национальности тот израильтянин.

— Дамы и господа, внимание! По приказу верховного главнокомандующего Мирового Сообщества я довожу до вашего сведения следующее официальное заявление его святейшества, потентата Николае Карпати. — Тут толпа разразилась восторженными возгла-

сами и аплодисментами. — Те двое мужчин, которых вы видите, находятся под домашним арестом. Они должны находиться здесь до ночи пятницы, пока не закончится собрание свидетелей. Если они покинут это место до указанного срока, любой служащий или гражданин Мирового Сообщества вправе задержать их против их воли, причинить им телесные повреждения или уничтожить. По истечении срока, если они будут где-либо, повторяю, где-либо замечены, они подлежат немедленному аресту и казни.

Люди, собравшиеся перед ограждением, явно выражали одобрение услышанному, они смеялись и, показывая пальцами на Свидетелей, выкрикивали оскорбления. И все же зрители держались на расстоянии футов тридцати от ограждения, потому что даже если и не видели, то слышали о судьбе неудачливых ассасинов. Многие утверждали, что лжепророки убивали любого, кто подбирался к ним слишком близко, но Бизон собственными глазами видел, как на них напал вооруженный наемник. И его уничтожил огонь, вырвавшийся изо рта Свидетелей. Другой человек, который набросился на них с ножом, упал замертво, как если бы врезался в невидимую стену.

Казалось, Свидетелей нимало не беспокоило то, что вещал гвардеец. Они по-прежнему оставались неподвижны, стоя спина к спине, но обстановка разительно отличалась от того, что помнил Бизон по первой встрече с ними.

Трансляция с собрания свидетелей, также упоминание Эли и Моше Леоном Фортунато и самим Карпати — все это неизбежно привлекло к ним повышенное внимание, так что представители прессы были повсюду.

Все пространство было освещено гигантским прожекторами, так что Свидетели буквально купались в свете. Но ни один из них не моргнул и не отвернулся. Свет только подчеркивал черты их лиц: сильные, угловатые, с глубоко посаженными темными глазами под морщинистыми веками и густыми бровями.

Никто не знал, как и откуда они взялись. Появились они внезапно, босые, в своих мешковатых одеяниях из холстины. Худощавые, но мускулистые, с обветренной кожей, темными, морщинистыми лицами и длинными, всклокоченными волосами и бородами. Говорили, что они перевоплощенные Моисей и Илия, и в глубине души Бизон считал, что так оно и есть. Их как будто окружала какая-то особая аура.

Глаза пророков пылали огнем, голоса были настолько громкими, так что их без труда было слышно на милю вокруг.

Кто-то задал гвардейцу вопрос, и тот перервел его для всех:

— Тут интересуются, что будет с тем, кто попытается убить этих двух мужчин прямо сейчас.

По мере того как разные группы иностранцев понимали суть вопроса, они раздражались одобрительными возгласами.

Наконец, гвардеец ответил:

— Если сегодня ночью кто-либо их убьет, он понесет наказание, только если кто-то выступит как свидетель против него в суде. Но, думаю, среди нас таких нет.

Все присутствующие, включая остальных гвардейцев, встретили это заявление с восторгом. Бизон поморщился. По сути, это было не чем иным, как санкцией на убийство. Он страстно хотел предупредить всех тех, кто тешил себя подобными надеждами, что своими глазами видел, что случилось с потенциальными убийцами. Однако Эли опередил его. Казалось, он почти не шевелил губами, но его голос разносился над толпой, как будто бы он кричал:

— Слушайте и не говорите, что не слышали упреждения Господа. Те, кто осмелится выступить против слуг Всевышнего, против лампад того, что приидет на Небесах, погибнут страшной смертью!

Все присутствовавшие как будто отшатнулись, впечатленные силой его голоса, но ненадолго. Эли продолжил:

— Склоняя тех, кто не запечатлен, не слушать вопиющих в пустыне, вы обрекаете их на то, что сгорят они в пламени небесном. Господь уничтожит плоть вашу и кости, прежде чем вы успеете вздохнуть.

Какой-то мужчина, посмеиваясь, демонстративно достал крупнокалиберную винтовку. У Бизона перехватило дыхание, когда тот помахал ей перед толпой, чем вызвал волну паники. Насколько Бизон мог судить,

это была профессиональная снайперка, выстрелом из которой можно было убить с расстояния в тысячу ярдов. Он умом тронулся, угрожать Свидетелям оружием, зная, на что они способны?

Неожиданно на пути мужчины с винтовкой встал один из гвардейцев. Он обратился к нему на иврите, но, очевидно, тот ничего не понял.

— По-английски! — проорал мужчина, судя по акценту, не американец.

Бизон не мог разобрать, откуда он.

— Если вы их сейчас убьете, вы, несомненно, окажете услугу Мировому Сообществу, но вам все равно придется нести ответственность за свой поступок, — заявил представитель Мирового Сообщества.

— Но вы же сказали, что здесь нет свидетелей!

— Сэр, сейчас весь мир наблюдает за происходящим здесь по телевизору и через Интернет.

— Что ж, тогда я стану героем! Убирайся с дороги!

Гвардеец не пошевелился, пока мужчина не наставил на него оружие. Тогда он ретировался, а нападавший остался совсем один перед ограждением. Вокруг никого не было. Даже Эли и Моше.

— Вы же должны были сжечь меня заживо? — кричал мужчина. — Труссы, что вы скажете на это!

Тут в рупор объявили:

— Мы собираемся обыскать пространство за ограждением! Если двоих так называемых Свидетелей там не окажется, значит, они нарушили прямой приказ потентата, а следовательно, любой имеет право пристрелить их на месте, не опасаясь наказания.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В этот поздний час Храмовая гора больше всего напоминала площадь в день народных гуляний, и атмосфера там царила соответствующая. Повсюду было полно народу, все шумно обсуждали, как у каких-то стариков хватило наглости бросить вызов самому Карпати. Результат был вполне предсказуем, а так как они были легкой добычей, жить им оставалось не больше нескольких часов.

Но все эти люди ошибались. Бизон внимательно слушал наставления Барнса и Бен-Иегуды и точно знал, что Свидетели понимали под «отведенным им временем». В Библии было сказано, что Свидетелям, одетым в рубище, Господь дарует силу проповедовать тысячу двести шестьдесят дней. И Брюс, и Цион считали, что этот срок следует отсчитывать с момента подписания мирного договора между Антихристом и Израилем, иными сло-

вами, сначала семилетнего периода Скорби. Договор был подписан немногим более двух лет назад, в то время как в пересчете на года Свидетелям было дано около трех с половиной лет. Бизон прикинул, что до истечения их срока оставалось более года.

Внезапно голоса проповедников послышались со стороны Елеонской горы. Жаждающая крови толпа немедленно бросилась туда. Но ни шум, ни сумятица, ни топот гвардейцев, ни лязг взводимых курков, казалось, нисколько не смущали Эли с Моше. Они говорили громко и в унисон, так что было понятно каждое сказанное ими слово.

— Внимайте слугам Господа Всемогущего, Творца небес и земли! Мы священные оливы, жертвенные светильники, зажженные со славу Господа на земле. Если кто-либо причинит нам вред, пламя вырвется из наших ртов и уничтожит наших врагов. Любой, кто попытается напасть, погибнет той же смертью! Внемлите нашему предупреждению!

Нам дарована сила остановить дождь над этой землей, покуда мы проповедуем. Мы обладаем властью превращать воду в кровь и насылать на землю болезни так часто, как мы того пожелаем.

Так в чем же наша проповедь, спросите вы, поколение гадов и змей, которые превратили святой город, в котором умер и воскрес Мессия, в подобие Египта и Содома? Иисус из Вифлеема, рожденный от Девы Марии, с начала времен был с Богом, был у Бога и был

Богом сам. Он выполнил все пророчества о явленном Мессии и будет править отныне и во веки веков бесконечно, аминь!

Толпа отреагировала яростными криками. Бизону пришлось бежать, чтобы всех догнать. Иногда он останавливался, чтобы отдышаться, и тогда во все глаза смотрел на Свидетелей, стоявших посреди рощи оливковых деревьев на вершине. Они как будто сияли, хотя там не было никакого освещения, ни искусственного, ни естественного. Зрелище было настолько пугающим, что ему хотелось упасть на колени и вознести хвалебную молитву Господу, потому что он воочию видел, как свершается слово Его.

Наконец, разъяренные люди добрались до склона холма и полезли вверх, поскользываясь на росистой траве. Тогда Бизон их и догнал.

— В наших силах вызвать дождь! — воскликнули Свидетели, и обжигающе холодный поток воды излился с небес, намочив всех находившихся на склоне, включая Бизона.

Израильская земля не видела ни капли дождя уже два года, и люди, запрокинув головы, указывали пальцем на небо и удивленно открывали рты. Но дождь прекратился так же внезапно, как и начался, как если бы Эли и Моше одним движением открыли и закрыли кран.

— И в наших силах сделать так, чтобы дождь не шел, пока мы будем пророчествовать!

Люди были поражены. Кто-то жаловался и возмущался, кто-то опять начал угрожать. Но как только они попробовали приблизиться к светящейся паре Свидетелей на вершине холма, те буквально остановили их силой своих голосов.

— Стойте и слушайте, о недостойные сыны Израиля! Вы оскорбляете имя Господа, совершая жертвоприношения животных в храме, который, как вы заявляете, вы построили в Его честь! Разве вы не знаете, что Иисус был тем агнцем, который был умерщвлен за грехи этого мира? В носу у Господа смердит от запаха жертвенной крови животных! Откажитесь от своей затеи, грешники! Осознайте, что это путь к гибели! Не смейте приблизиться к избранным Господа, покуда их время еще не вышло.

Бизон с ужасом следил за тем, как мимо него сквозь толпу промчались два гвардейца Мирового Сообщества с оружием на изготовку. Они неоднократно поскальзывались и падали на мокром склоне, так что их форма перепачкалась и на нее налипла трава. Тогда они поползли наверх по-пластунски, освещенные лишь сиянием, исходившим от Свидетелей.

— Горе тем, кто не слушает предупреждений избранных! — Голоса Эли и Моше грохотали подобно грому. — Бегите и спасайтесь! Ваша затея обречена! Ваши тела поглотит пламя, а души будут лишены спасения!

Но гвардейцы продолжали продвигаться вперед. Бизон невольно зажмурился, пред-

видя ужасное зрелище. Толпа криками и жестами поддерживала солдат, призывая их открыть огонь. Выстрелы прозвучали на удивление гулко, оглушающе, из дул автоматов вырвались вспышки желтого и оранжевого пламени.

Свидетели стояли плечом к плечу и бесстрастно взирали на атакующих, лежавших в сотне метров от них ниже по склону. Выстрелы стихли, зрители тоже умолкли. Все недоумевали, как солдаты умудрились промахнуться с такого расстояния. Однако нападавших это не смутило: они перекатились на бок, вытащив запасные магазины, перезарядили оружие и снова открыли огонь.

Эли и Моше оставались неподвижны. И тут на глазах у Бизона из их ртов извергся ослепительно яркий свет, направленный на гвардейцев. Те сгорели еще до того, как успели как-то отреагировать. Обрубки, оставшиеся от их рук, по-прежнему сжимали оружие, но вся плоть словно испарилась, а обугленные скелеты жуткими пятнами темнели на мокрой траве.

За секунды белое пламя расплавало оружие и превратило кости в пепел. От неудачливых убийц остались две горстки пепла, а толпа с криками, проклятиями и слезами обратилась в бегство, чуть не сбив Бизона с ног. Он испытывал противоречивые чувства, как и всегда, когда наблюдал чью-то смерть. Свидетели предупредили, что нападающие погибнут и после смерти их души будут ли-

шены спасения. Те люди действовали на свой страх и риск.

Боялись ли те солдаты умереть и быть навечно проклятыми, Бизон не знал, но, так или иначе, они решили сыграть ва-банк и проиграли. У него подгибались колени, он не мог отвести взгляда от Свидетелей. Перед глазами все еще стоял отблеск того убийственного сияния, но теперь, казалось, свет вокруг них померк. Моргая, чтобы как-то адаптировать зрение к темноте, он понял, что Свидетели спускаются вниз с горы.

«Зачем?! — недоумевал Бизон. — Ведь могут они появляться там, где захотят, как, например, переместились сегодня на стадион или с Храмовой горы на Елеонскую?» Это было за пределами его понимания, и когда они приблизились, он невольно затаил дыхание.

Он знал их. Разговаривал с ними. Кажется, они различали верующих в Него. Следует ли ему что-нибудь сказать? Если да, то что? Рад снова видеть? Как дела? Хорошо вы разобрались с теми парнями?

До этого они разговаривали через кованое ограждение. Хотя, конечно, оно едва ли служило защитой от тех, кто был наделен силой самим Господом. Когда они проходили мимо, Бизон упал на колени и поднял глаза, только услышав их негромкое бормотание.

— С клятвою говорит Господь Саваоф: как Я помыслил, так и будет; как Я определил, так и состоится, — произнес Моше.

Услышав слова Священного Писания, Бизон упал лицом в траву и зарыдал. Ибо он

видел исполнение замысла Господня. Никто не в силах противиться помазанникам Божиим, пока Он не решит, что их время вышло. Свидетели продолжают проповедовать, и никакие заявления, требования или аресты не заставят их прекратить.

«Видел бы это Хаим», — подумал Бизон, направляясь к парковке у подножия Храмовой горы.

Когда он, наконец, вернулся в особняк Розенцвейга, его встретил и впустил сторож, потому что остальные уже давно спали. Бизон заглянул в отведенную им с женой комнату: к его глубокому облегчению, Хлоя крепко спала. Он вышел на веранду и подождал, пока глаза привыкнут к темноте.

Он сейчас находился на противоположной от ворот стороне дома. Примерно раз в полчаса Иона обходил вверенную ему территорию. Бизон дождался, пока тот пройдет в очередной раз, а затем прикинул, как можно залезть на крышу.

С одной стороны находилась водосточная труба, древняя, но вроде прочная. С другой стороны — защищенный колючей проволокой кабель, вмурованный в стену, похоже, телефонный или телевизионный. Впрочем, это было не важно, так как он все равно бы не выдержал веса Бизона. А вот водосточная труба с удобными выступающими сварочными швами через каждые пару футов казалась вполне пригодной для лазанья. Если, конечно, не бояться высоты.

Увы, Бизон этим похвастаться не мог, но еще меньше он хотел вызывать ненужные

подозрения у Розенцвейга, спрашивая про устройство дома. Он был уверен, что нигде не видел прохода на крышу. А ему надо было любой ценой выяснить, сможет ли вертолет приземлиться там, и, похоже, узнать это можно было, только забравшись туда. Тщательно вытерев руки, чтобы они не скользили, затянув шнурки на ботинках и подвернув штаны, Бизон перелез через ограждение и начал карабкаться по водосточной трубе. На высоте десяти футов от веранды, карабкаясь мимо какого-то грязного окошка на третьем этаже, он посмотрел вниз. Это было ошибкой. До крыши ему оставалось по меньшей мере десять футов, но Бизон с ужасом осознал, что, даже упав с имеющейся высоты, неизбежно сломает себе позвоночник.

Здравый смысл подсказывал, что все в порядке, но на секунду его охватила паника. У него не было ни пространства для маневра, ни права на ошибку. Если он поскользнется, или труба не выдержит, или он испугается и потеряет равновесие, второго шанса не будет. Потому что любое падение, не важно, на веранду или за землю, означало неизбежную смерть. Хотя, конечно, шансов выжить при приземлении на веранду было больше.

«Что же делать? — размышлял Бизон. — Продолжать, чтобы завершить начатое, или вернуться?» Он прикинул и решил, что и так и так десять футов, а значит, особой разницы нет, и продолжил карабкаться. На расстоянии трех футов от крыши его вне-

запно охватила паника, и в то же время он понимал, что все зависит только от него самого. Он убеждал себя, если вдруг потеряет равновесие, запаникует или посмотрит вниз, достаточно просто остановиться и замереть. Уже заноса ногу, чтобы забраться на крышу, он живо представил себе, как срывается и повисает на самом краю карниза.

«Все-таки я сумасшедший», — решил Бизон. Теперь, когда под его ногами была крыша, он чувствовал себя заметно лучше. Над ним было чистое звездное небо, а ночь была тихой и бодрящей. На крыше повсюду были дымоходы, вентиляционные люки, воздуховоды и какие-то ящики непонятного назначения. В то время как Рэйфорду или кто-то еще будет управлять вертолетом, понадобится достаточно большая ровная площадка, чтобы приземлиться.

Осознавая, что звук его шагов будет прекрасно слышен внизу, Бизон на цыпочках перешел на другую сторону крыши. И там его ждал сюрприз: он обнаружил не что иное, как вертолетную площадку. Очевидно, что ей давно не пользовались, и обозначения выцвели, но чем бы ни было это здание до того, как его передали в собственность национальному герою, им крайне повезло. Бизон предположил, что Розенцвейгу это было, несомненно, известно, так что Бизон мог бы счастливо избежать этого приключения.

Очевидно, что если здесь была площадка, то на нее должен быть и специальный выход из дома. Оглядевшись, Бизон заметил тяжелую металлическую дверь. Она была ржавая и покосившаяся, но, похоже, не заперта. Вероятно, если попытаться ее открыть, она будет так скрипеть, что всех перебудит.

Какое-то время Бизон с ней повозился, прикидывая, насколько реально сдвинуть ее с места. Затем уперся плечом, одновременно придерживая края, чтобы избежать лишнего шума, и толкнул. С помощью мата и грубой физической силы ему благополучно удалось приоткрыть дверь. Конечно, звук был довольно резким, но коротким, так что никто его не услышал. Если бы вдруг набежала охрана или кто-нибудь проснулся, Уильямсу бы честно пришлось во всем признаться, но ему повезло.

Он попытался протиснуться в образовавшуюся щель и тут же понял, что она слишком узкая. Пришлось потратить еще некоторое время, чтобы сделать ее пошире. Оказавшись наконец внутри, Бизон обнаружил, что находится наверху пыльной деревянной лестницы, покрытой плесенью и паутиной. А еще она ужасно скрипела, это он понял, едва ступив на нее. Не слишком рассчитывая на успех, он попытался нащупать выключатель. Естественно ничего не обнаружил и начал ногой нащупывать край верхней ступеньки. Внезапно, что-то коснулось его лба, насмерть перепугав его, Бизон откинулся назад и почти упал. Спас-

ло его только то, что у него за спиной оказалась стена. Напрягшись изо все сил и уперевшись лодыжками в ступеньки, Бизон смог восстановить равновесие.

На ощупь исследуя окружающее пространство, он нашарил лампочку с встроенным выключателем. Работает ли она? Сколько раз одному человеку не может повезти в течение одного дня? Он щелкнул выключателем, и — о чудо! — лампочка загорелась. Свет заставил его зажмуриться, затем послышался характерный щелчок перегорающей нити накаливания, и окружающее снова погрузилось в темноту. Вполне предсказуемый результат, учитывая, что эту лампу не включали уже лет сто.

Когда Бизон, наконец, открыл глаза, обнаружилось, что ночное зрение все еще не восстановилось после неожиданной вспышки света. Он ничего не видел, поэтому попытался мысленно восстановить образ того, что успел заметить, пока горела лампочка. В памяти возникли старинный интерьер и три ступеньки, ведущие к огромной двери.

Ему не оставалось ничего, кроме как довериться минутному впечатлению. Бизон осторожно спустился по лестнице, попутно обнаружив, что действительно все верно запомнил. Оказавшись на ровной площадке, он нащупал дверь, на этот раз — действительно огромную и тяжелую. Дверная ручка легко повернулась, но дверь не сдвинулась с места. Похоже, ее не заклинило, а она была попросту заперта. Нашарив над ручкой замок, Бизон осознал, что открыть эту дверь можно только клю-

чом. А значит, возвращаться ему придется тем же путем, которым он сюда попал.

Назад он шел вполне довольный своими открытиями. Найти эту дверь изнутри дома не составит труда, главное — не вызывая ненужных подозрений, осторожно выпросить у Хаима, где ключ.

Добравшись до водосточной трубы, перед тем, как перелезть через край, Бизон посмотрел вниз. Это было ошибкой. Он осознал, что ни за что в жизни туда не полезет, и все же сделать это было необходимо. Чтобы отвлечься от страхов, он попытался прикинуть, как долго пробыл внутри, и решил дожидаться очередного обхода, чтобы убедиться наверняка. По-видимому, он разминулся с Ионой на каких-то пару минут, потому что тот появился только полчаса спустя.

Когда сторож скрылся из вида, Бизон обеими руками ухватился за трубу, перекинул ногу через край крыши и, нащупав шов, начал решительно спускаться вниз. Он почти добрался до веранды перед их комнатой, когда краем глаза заметил какое-то движение. Как будто дернулась занавеска.

Неужели Хлоя проснулась? Может, ее разбудили его шаги по крыше? Заметила ли она его? Он переживал, что мог ее напугать. А что, если это был кто-то из Мирового Сообщества? Что, если им уже удалось проникнуть в особняк? Или это мог быть кто-то из охранников. Интересно, дадут ли они ему возможность сказать хоть слово, прежде чем откроют по нему огонь?

Цепляясь руками и ногами за трубу, Бизон чувствовал себя полным идиотом. Ему и надо-то было спрыгнуть на веранду и вернуться в комнату. Но он хотел убедиться, что за ним никто не подсматривает из окон. Он попытался заглянуть в окно, повиснув на одной руке, но ничего не увидел.

По-прежнему балансируя на трубе, он попытался заглянуть подальше. Были ли задернуты шторы, когда он уходил? Вроде да, но сейчас они были открыты. В процессе этих акробатических экзерсисов обе его ноги соскользнули с трубы, и он остался висеть на руках, надеясь, что из окна за ним никто не наблюдает, потому что понимал, что долго так не провисит.

Наконец, руки устали настолько, что он упал прямо вниз, приземлившись всего в нескольких сантиметрах от стеклянной двери. Подняв голову, Бизон неожиданно встретился взглядом с парой огромных и испуганных глаз.

От испуга он под тяжестью собственного веса не удержался на ногах, стукнувшись о дверь, отлетел к краю веранды. Инерция была настолько сильной, что он перевесился через ограждение, едва успев ухватиться за кованую решетку, чтобы не рухнуть вниз головой.

С хрипом Бизон кувыркнулся назад, повиснув на руках вниз головой, прижавшись спиной к внешней стороне балконной решетки, так что ноги болтались где-то на уровне лица. Так он и повис с осознанием того, что его жизнь в буквальном смысле находится в его руках.

А Хлоя все это время пронзительно визжала.

Бизон перекинул ноги обратно через ограду, несмотря на то что решетка болезненно впилась ему в спину, и отчаянным рывком поднялся, вернувшись обратно на веранду.

— Это всего лишь я, милая, — обратился он к жене, которая испуганно уставилась на него через окно.

Пока она открывала дверь, он потирал ушибленную спину.

— Что ты, черт возьми, такое творишь? — повторяла Хлоя, когда они уже вернулись в комнату. — У меня чуть преждевременные роды не случились.

Раздеваясь, Бизон попытался объяснить, но сейчас больше всего на свете он хотел спать. В дверь негромко постучали:

— Все в порядке, мэм? Мы слышали крик.

— Да, спасибо, — произнесла она и захихикала.

— Новобрачные! — проворчал охранник.

Он ушел, и тут Бизон с Хлоей рассмеялись уже в голос.

— Знаешь, — начал Бизон, осторожно растягиваясь на изрядно саднившей спине. — Я нашел старую вертолетную площадку и...

— Да, я знаю про нее, — ответила Хлоя. — Я расспросила Хаима, когда он вернулся домой.

— Ты серьезно?

— Конечно.

— Но я не хотел, чтобы он заподоз...

— Я в курсе, мистер супершпион. Я просто попросила его рассказать мне об этом доме. Оказалось, раньше здесь было посольство. И как следствие...

— Здесь есть вертолетная площадка!

— Именно. Он даже показал мне дверь, которая ведет к ней. Там на гвоздике рядом с косяком висит ключ. Спорю, что им она и открывается.

— Какой же я дурак! — признал Бизон.

— Дурак не дурак, но я тебя люблю. Хотя ты до смерти меня напугал. Будь у меня пистолет, я бы выстрелила в тебя. Я даже думала не столкнуть ли тебя, пока ты висел там.

— Почему же ты этого не сделала?

— Что-то подсказало мне, что это ты. И, честно говоря, вверх тормашками ты не казался слишком опасным.

— Плохая девочка. Хочешь знать, где я был всю ночь?

— Я предположила, что ты отправился к Стене, поэтому решила не звонить.

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

— Я была уверена, что ты неизбежно захочешь выяснить, какой эффект произвела угроза Карпати. Много народу там собралось?

* * *

Рэйфорд никак не мог заснуть, что обычно было ему несвойственно. От нечего делать он то и дело посматривал на часы, прикидывая, который час в Израиле и когда можно

будет позвонить Бизону или дочери. Наверняка они попытаются его убедить, что все в порядке и что он напрасно беспокоится. Но он достаточно долго работал в непосредственной близости от Карпати и за это время успел достаточно хорошо его изучить, гораздо лучше, чем Бизон. А еще хотелось поговорить с Ционом. Хотя тот верил, что Господь защитит его, Рэйфорд считал, что осторожностью не стоит пренебрегать. В Писании сказано, что запечатленных слуг Господа не коснутся Его кары. Но было совершенно непонятно, касается ли это только ста сорока четырех тысяч иудеев, уверовавших в Христа, или всех, кто, подобно Рэйфорду и членам его семьи, стал святыми Скорби.

Опять же то, что Цيون, очевидно, был одним из тех ста сорока четырех тысяч, а следовательно, защищен от судов Господних, вовсе не означает, что он не может погибнуть от каких-либо иных причин.

Рэйфорд укрепился в желании увезти всех своих близких из Израиля и на расвете, наконец, смог уснуть. Проснулся он поздно, осознав, что его братья по вере в Израиле как раз собираются на вечернюю проповедь, которую он собирался смотреть по Интернету.

* * *

Утром Хлоя опять позволила мужу поспать подольше.

— Тебе нужно отдыхать, — заявила она. — Если ты и дальше собираешься по ночам изображать Человека-паука, значит, будешь спать днем. Я серьезно, Бизон, ты нужен мне здоровым. Ты последние месяцы работал буквально на износ, должен же кто-то заботиться о тебе.

— По-моему, это я должен о тебе заботиться, — оправдывался он.

— Тогда начни с того, что прекрати по ночам лазить по водосточным трубам.

Хаим договорился с Фортунато, что Иакову не предъявят никаких обвинений в связи с инцидентом накануне вечером при условии, что тот не будет больше водителем Бен-Иегуды. Но Иаков так шумно возмущался по поводу запрета ехать на собрание, что в итоге Розенцвейг согласился соблюсти только букву соглашения. Бизон сел за руль «мерседеса», а Иаков поехал пассажиром и даже привел гостя — Стефана.

Они прибыли на место в сопровождении эскорта Мирового Сообщества, который на этот раз ехал по короткому маршруту, который им накануне продемонстрировал Иаков. На лице водителя Розенцвейга, вылезавшего из машины, были написаны такой восторг и такое предвкушение, что Бизон с трудом сдержал улыбку.

Хлоя согласилась остаться дома, и Бизон очень переживал за нее. Он ожидал, что она будет возражать более настойчиво, и то, как быстро она сдалась, навело его на мысль, что, возможно, она чувствует себя гораздо хуже,

чем показывает. Конечно, она была потрясена вчерашним бегством от гвардейцев, и он надеялся, что она осознала, как это может быть опасно для нее и ребенка.

Во всех новостях только и говорили, что о двух проповедниках со Стены Плача, которые бесцеремонно пренебрегли приказом самого потентата.

Сообщалось, что, когда представители сил Мирового Сообщества попытались арестовать их и предать правосудию, те убили двоих гвардейцев. Очевидцы, присутствовавшие на Елеонской горе, утверждали, что под одеждой у лжепророков были спрятаны огнеметы, которые они достали, когда гвардейцы были всего в нескольких метрах от них. Впоследствии оружие обнаружить не удалось, хотя оба Свидетеля с самого рассвета находятся на своем обычном месте у Стены Плача.

Судя по репортажам, там было полно народу, которые открыто издевались и насмехались над Эли и Моше, но почему-то держались на более почтительном расстоянии, чем обычно.

— Как думаешь, почему Карпати не сбросил на них бомбу или не обстрелял ракетами? — спросил Бизон у Циона. — Что будет, если он так и сделает, хотя их время еще не вышло?

— Даже Антихристу известно о том, насколько священна Храмовая гора, — пояснил Цион, вылезая из машины. Он сразу поспешил к стадиону, спасаясь от бросившейся к нему восторженной толпы верующих.

— Я бы очень хотел со всеми ними поздороваться, — пояснил он уже внутри. — Но боюсь, тогда начнется столпотворение. — Он присел. — Карпати не допустит никакого насилия там, если будет хотя бы один шанс проследить, что он стоит за этим. Его угроза убить их, если они останутся там после за-втрашнего вечера, не более чем уловка. Если честно, я даже рад, что он заявил об этом публично. Я полагаю, Эли с Моше с места не сдвинутся, что только больше подорвет его авторитет.

Сейчас Иаков и Стефан выглядели совсем не так, как накануне ночью. Похоже, Розенцвейг был прав, говоря, что Стефан умеет пить. Он оказался вполне приятным человеком. Когда они пошли занять места поудобней, Иаков попросил Бизона помолиться за его жену, которая будет смотреть трансляцию по телевизору.

— Она так переживает за меня! Думает, я потерял голову. Я пытался ей объяснить, что не столько потерял, сколько нашел!

Гвардейцы Мирового Сообщества угрожающе смотрели на всех проходящих, явно давая понять, что делают только то, что им приказали. А будь их воля, они бы уничтожили всех, кто пытается противостоять потентату.

На второй день никаких эксцессов не ожидалось. Очевидно, что Николае и его приспешники были достаточно осмотрительны, чтобы не повторять своих ошибок. Но по результатам произошедшего накану-

не конфликта число зрителей умножилось. Пришли не только обращенные, но и любопытствующие скептики.

И снова собрание началось просто, без особых церемоний, с пения псалма и представления доктора Бен-Иегуды. Его приветствовали волны радостных криков и оваций, которые он проигнорировал, улыбнулся и поднял руку, призывая к молчанию. Бизон, как и в прошлый раз, стоял за кулисами, внимательно следя и внимая своему духовному наставнику — раввину, который обрел веру во Христа, изучая тексты Ветхого Завета, и который теперь благодаря Интернету стал пастырем для миллионов людей по всему миру. Казалось бы, невысокий, простой человечек с Библией и стопкой бумажек, исписанных мелким почерком. А вся собравшаяся толпа слушалась каждого мановения его руки.

— Полагаю, вы многое узнали за сегодня, — начал Цион. — И сейчас пришло время продолжить наставление. Я рассказывал вам о множественных небесных карах — семи печатях, семи трубах и, наконец, семи чашах, — которые предшествуют пришествию во славе Спасителя и Господа Бога нашего Иисуса Христа.

Я веду отсчет семилетнего периода Скорби с момента заключения нечестивого союза между Мировым Сообществом и народом Израиля. Судя по тому, какие кары с того момента обрушились на землю, я понимаю, что мы с вами стоим на краю пропасти. Мы

уже пережили все семь судов печатей и три суда труб. И следующая на очереди четвертая труба.

Чтобы доказать любопытным и сомневающимся, что я знаю, о чем говорю, я расскажу вам, чего ожидать. Когда это произойдет, никто не сможет отрицать, что его не предупреждали, но главное, что это предупреждение было дано много столетий назад и записано в Священном Писании. Господь хочет не всеобщей гибели, а всеобщего покаяния. В этом истинное назначение этого периода судов и страданий. Он ждал так долго, как позволило его бесконечное милосердие, а затем, забрав свою паству на небо, обрушил на неверующий мир одну кару за другой. Но почему? Думаете, Он гневается на нас? Он имеет на это право!

Но нет! Нет! Тысячу раз нет! Он много раз пытался привлечь наше внимание своей бесконечной любовью и милосердием. Но все мы, оставшиеся на земле, были глухи к Его призывам. Поэтому теперь Он использует доступные ему средства, а их у Него достаточно, чтобы с каждой карой вновь и вновь заставлять людей слышать. Сомневается ли кто-нибудь, что происходящее является делом рук Господа?

Покайтесь! Обратитесь к Нему. Примите Его дар, пока не слишком поздно. Обратная сторона кар, благодаря которым одни люди обратились к Богу, — гибель для тысяч других. Не рискуйте оказаться среди них. Скорее всего, до конца периода Скорби три чет-

верти оставшихся после Восхищения, как спасенных, так и потерянных, погибнет.

Сегодня я хочу рассказать вам о суде четвертой трубы в надежде, что смогу донести до вас Его слово раньше, чем случится эта катастрофа. Потому что в противном случае она вполне вероятно вас убьет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

А в Чикаго в это время уже наступил полдень, и все четверо обитателей убежища собрались, чтобы смотреть трансляцию собрания. К этому времени пилоты уже в деталях обсудили план полета и разработали маршрут. Они предполагали, что Цион в курсе их опасений и, если он назначит на субботу какое-нибудь официальное мероприятие, это послужит для них сигналом к действию. Они предполагали прилететь около полуночи в пятницу, поскорее забрать своих и улететь.

Рэйфорд невольно вздрогнул, когда Цион произнес:

— Я планирую в субботу в полдень встретиться с членами оргкомитета неподалеку от Храмовой горы, чтобы выразить им свою благодарность и подвести итоги собрания.

— Есть! — воскликнул Рэйфорд. — Давай ты мне сегодня днем покажешь, как управ-

лять «гольфстримом», чтобы я мог в случае чего подменять тебя по дороге туда-обратно.

— Похоже, перспектива управлять вертолетом тебя не смущает, и ты хочешь дополнительного экстрима. Кстати, он у нас вообще есть?

— Все схвачено, не сомневайся. Что ж, вот я снова в строю.

Хэтти одарила Рэйфорда долгим взглядом.

— Похоже, ты в восторге от этой безумной авантюры.

— Странно, что именно ты задаешь мне этот вопрос, — ответил он. — Учитывая твои планы относительно Карпати.

— Я трезво оцениваю свои шансы и вполне допускаю, что могу погибнуть, пытаюсь до него добраться. А ты ведешь себя так, словно мнишь себя непобедимым.

— Но мы действительно победим! — вставил Ритц. — Надо просто завершить все соответствующие процедуры. Все описано в Библии, и как говорит Цион: «Победа за нами!»

Хэтти покачала головой и отвернулась от них.

— Вы слишком легкомысленны, чтобы справиться с таким человеком, как Николае.

Кен взглянул на Рэйфорда.

— Ты знаешь, во сколько нам отправляться с учетом разницы во времени? Впрочем, глупый вопрос. Ты ведь летал туда куда чаще, чем я.

* * *

Бизон с трудом мог поверить в то, что произошло за последние двадцать четыре часа. И хотя ему не хватало Хлои, на душе у него было так спокойно, как не было уже давно.

— Весь этот мир страдает от того, что мы упустили первый шанс на спасение, — начал Цион. — Мы все потеряли наших любимых или в Восхищении, или в результате одной из обрушившихся десяти кар. Великое землетрясение, вызванное гневом Агнца, практически опустошило весь мир, не затронув только Святую землю. Кары первых трех труб сожгли треть всей растительности на земле, уничтожили треть всей рыбы, разрушили треть всех имевшихся в мире кораблей и отравили треть воды на земле — как и было предсказано в Писании.

Мы знаем последовательность событий, но не момент, когда это случится. Ведь Господь способен обрушить все кары в один день. Единственное, о чем можно говорить с уверенностью, — это то, что будет следующим. Как вы все понимаете, кары постепенно становятся все более суровыми. Звук четвертой трубы воздействует на небеса и климат в мире.

В двенадцатом стихе восьмой главы Книги Откровения сказано: «Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и

третья часть дня не светла была — так, как и ночи».

Не важно, имеется в виду треть всех небесных светил или треть яркости каждого, взятого по отдельности, результат будет один и тот же. Днем и ночью станет темнее. Более того, мне кажется, что имеется в виду еще и то, что светлое время суток также сократится на треть. Солнце будет меньше освещать землю. И светить будет только на две оставшиеся трети от своей былой яркости.

В пророчестве сказано, что землю еще ожидают огонь и зной, так что, вероятно, затемнение и как следствие похолодание — явления временные. Но когда все это произойдет, неизбежно наступит повсеместное похолодание, которое может продлиться как угодно долго. Готовьтесь, готовьтесь и еще раз готовьтесь! И когда ваши друзья, соседи и близкие впадут в отчаяние от темноты и мрака, скажите им, что все это было предсказано! Скажите, что таким образом Господь просто пытается привлечь их внимание.

Подводя итог занятиям, которые проходили в течение дня по всему городу, Цион призвал всех проповедовать вплоть до самого Явления во Славе, до которого осталось меньше пяти лет.

— Я считаю, что сейчас, пока не началась вторая часть семилетнего периода, названного Великой Скорбью, лучшее время для обращения людей к Христу. Наступит день, когда правящая этим миром система потребует, чтобы каждый гражданин носил на

себе знак, чтобы иметь право что-либо покупать или продавать. И поверьте мне, это отнюдь не та печать, которую мы видим на лбу друг у друга!

Далее Цион перешел к практическим советам.

— Мы должны довериться Господу, — заявил он. — Он ожидает, что мы будем мудры, как змеи, и кротки, как голуби. Мудрость предполагает практичность, которая позволит нам подготовиться к тому, что нам предначертано в Писании. Моя завтрашняя проповедь будет посвящена непростой теме. Вы можете предварительно ознакомиться с ней, прочитав девятую главу Книги Откровения.

Когда Цион уже заканчивал выступление, у Бизона зазвонил телефон.

— Это Мак. Ты можешь говорить?

Бизон перешел из-за кулис в более тихое место.

— Выкладывай.

— У тебя есть план эвакуации из Израиля тебя, твоей жены и Бен-Иегуды?

— Мы этим активно занимаемся.

— Это хорошо, потому что он вам понадобится. Похоже, здесь все совсем слетели с катушек. Карпати то, брызжа слюной, прокликает почем зря Эли с Моше, то придумывает, как бы избавиться от Мэтьюза.

— Неужели Мэтьюз беспокоит его больше, чем Цион?

— Я бы и ломаного цента не дал за жизнь Питера Мэтьюза. А что до Циона, то Карпа-

ти уверен, что тот у него в руках. Что бы вы ни планировали на субботу, будьте предельно осторожны. Николае так накрутил своих гвардейцев, что они ищут любую возможность пристрелить раввина, и уж точно их за это не накажут. Конечно, Николае преподнесет это как рядовую разборку между верующими или что-то в этом роде, а он сам на этом фоне по-прежнему останется героем.

— Наш разговор ведь не прослушивается?

— Нет, конечно.

— Надеюсь, мы уедем задолго до этого.

— Отлично! Вам что-нибудь нужно? Мы с Давидом Хассидом постоянно на связи.

— Рэйфорду понадобится вертолет, чтобы доставить нас из Иерусалима в аэропорт.

— А вы не сможете добраться туда самостоятельно на машине?

— Мы мало кому можем здесь доверять, Мак.

— Что ж, вам повезло. Думаю предложить Дэвиду достать для вас вертолет, такой же как у меня.

— Белый, с логотипом Мирового Сообщества?

— Это отвадит от вас кого угодно.

— Ну да, до тех пор, пока мы не оставим его на посадочной полосе, улетев на «гольфстриме».

— У Ритца Гольф? Завидую.

— Поехали с нами, Мак.

— Ты же знаешь, что я бы хотел, но кто-то должен следить за тем, что здесь творится.

* * *

— Жаль, что мы не сможем увидеть зատрашнюю проповедь, — посетовал Рэйфорд Кену, пока тот разгонял самолет.

— Неправда. Подключи свой лэптоп к Интернету через систему спутниковой связи на «гольфe». Это, конечно, будет нетривиально с учетом того, на какой мы будем высоте, но, по крайней мере, мы все услышим.

После того как Рэйфорд четыре раза подряд безупречно приземлился на «гольфстриме», Кен счел его годным к управлению своим самолетом. Когда они уже обсуждали последние детали полета в ангаре, к ним подошел давешний парнишка-механик.

— Капитан Стил, — начал Эрни, — мне тут позвонили, пока вы были в воздухе. Вы отключали телефон?

— Да, — сказал Рэйфорд, обернувшись. — Не хотел, чтобы меня отвлекали.

— А я слышал, что ваш телефон, как будильник, реагирует на звонок, даже когда отключен.

— Да, но это тоже можно отключить.

— Круто. В общем, мисс Хэтти Дюрхем хочет, чтобы вы ей позвонили.

Рэйфорд набрал ее номер по пути к их убежищу.

— Знаешь, Хэтти, ты с нами не полетишь, даже если Флойд скажет, что ты готова пробежать марафонскую дистанцию. На борту моего самолета тебя не будет.

— Значит, твоего? — рассмеялся Кен, сидевший за рулем.

— То есть самолета Кена, но ты понимаешь, о чем я.

— Не такой уж он и мой! — отшутился Кен.

— Чьим бы он ни был. Хэтти, доктор считает, что ты еще не готова к таким продолжительным перелетам. Попроси его взять трубку.

— Он ничего не знает о моем звонке. Я прекрасно представляю, что он скажет. Поэтому я ничего ему не сообщала о своих планах. И ты, Рэйфорд, тоже этого не сделаешь.

— Хэтти, ты ведешь себя как ребенок. Неужели ты думаешь, что я позволю тебе отправиться с нами в столь опасное путешествие, когда ты настолько слаба? Я думал, что ты лучше меня знаешь.

— Я полагала, что ты мне должен.

— Хэтти, вопрос закрыт. Если ты хочешь отправиться на Ближний Восток, чтобы попытаться убить Карпати, тебе придется найти какую-нибудь другую возможность.

— Позволь мне поговорить с Кеном.

— Поверь мне, он не...

— Просто дай ему телефон!

Рэйфорд протянул трубку Кену, который нахмурился и озадаченно взглянул на него.

— Да, красotka, — произнес он. — Нет, извини, это у нас, пилотов, просто выражение такое... Ну да, я бы тоже не отказался быть красавцем... Ох, нет, мэм. Это совер-

шенно невозможно. Мне, конечно, неприятно, что ты будешь думать обо мне плохо, но я пережил два развода, поэтому обидки испорченной красотки не производят на меня должного впечатления... Оставь свои слезы и мольбы для кого-нибудь другого, милая, потому что лично я не хочу нести ответственность за доставку тебя через океан, когда и двух дней не прошло с того момента, как у тебя случился выкидыш... Мне ужасно жаль тебя, и, как все близкие мне люди, очень переживаю за тебя. И именно поэтому я не собираюсь помогать тебе совершить подобную глупость... Да, я понимаю. Я и сам не против его убить. Но у меня есть своя важная и опасная миссия. Надо вытащить оттуда людей, и меня мало занимает идея покушения на кого бы то ни было. По крайней мере, в этой поездке. Может, в другой раз, когда ты поправишь свое здоровье, я отвезу тебя, чтобы ты попробовала реализовать свой безумный план... Нет, я не смеюсь над тобой. Тебе не кажется, что ты ведешь себя немного глупо?

Ритц покачал головой и, захлопнув телефон, вернул его Рэйфорду.

— Тот еще был разговор. Но в смелости ей не откажешь. Действительно, потрясающая женщина!

Рэйфорд в ответ только покачал головой.

— Ритц, как тебя еще феминистки не убили? Ты просто реликт!

Когда они вошли и не обнаружили Хэтти в постели, Рэйфорд запаниковал.

— Она в туалете? — спросил он Флойда.

— Если бы, — ответил тот. — Она пытается ходить.

— Ходить?!

— Успокойтесь. Она настояла на том, чтобы прогуляться по дому, и не позволила мне ее сопровождать. Никуда она не делась.

Рэйфорд направился в пустую, поврежденную часть дома. Там он обнаружил ее, медленно бредущей по пустым комнатам, сложив руки на груди. Он просто посмотрел ей в глаза, потому что вопрос был и так очевиден. Но она все равно ответила:

— Просто пытаюсь тренироваться.

— Надеюсь, не для ближайшей поездки!

— С этим я вынуждена была согласиться. Но Кен обещал...

— Он вешал тебе лапшу на уши, и ты это знаешь. А теперь ты не могла бы сделать нам всем одолжение и подчиниться указаниям доктора?

— Я знаю свой организм гораздо лучше. Мне пора возвращаться в форму. Да и сам доктор говорил, что я, вероятно, оправилась от последствий воздействия яда, каким бы он ни был. Все потому, что главный удар пришелся на моего ребенка. И Николае должен за это заплатить!

Внезапно Хэтти начала задыхаться.

— Вот видишь, — уговаривал Рэйфорд. — Ты перенапрягаешься.

Он помог ей вернуться в обжитую часть дома, но лечь она отказалась.

— Я посижу немного.

Флойд был явно взбешен.

— Да уж, она не даст мне тут скучать, пока вас не будет.

— Летим с нами, — предложил Кен. — По-моему, она вполне может о себе позаботиться.

— Ничуть. Она даже не подозревает, насколько больна, но я-то знаю.

— Очень надеюсь, что мы не привезем тебе дополнительных забот, — добавил Кен.

Рэйфорд кивнул.

— В этой войне я видел больше жертв, чем за всю свою жизнь.

* * *

Мак подтвердил Бизону, что у Карпати действительно есть план мести Циону и Эли с Моше, который он собирался реализовать днем в субботу.

— Они просто поверить не могут, что Цион буквально сыграл им на руку. Предполагается, что силы Мирового Сообщества разбомбят все, что находится в районе двухсот футов от Стены, представив это как теракт.

— Цион был уверен, что Карпати не осмелится ни на что подобное в святом для всех евреев месте.

— Поверь, он бы все так обставил, что его никто и никогда не заподозрил бы. Вообще, сейчас все эти разборки попытаются повесить на Мэтьюза, и самое смешное, что

тот не против. Называет рабби и Свидетелей еретиками и врагами веры. Похоже, он всерьез завелся. Но ведь вы же уедете до субботы?

— До часу ночи.

— Превосходно. Вертолет, идентичный моему, уже прибыл, как мне доложили. Розенцвейг по-прежнему упорствует?

— Хаим все еще уверен, что Карпати хороший, а мы все его неправильно поняли. Он не в курсе нашего плана, так что наше исчезновение среди ночи должно стать для него таким же сюрпризом, как и для всех. Доктор обычно ложится раньше всех, так что мы сможем удостовериться, что он заснул. До этого мы не можем даже вещи собрать из опасения выдать себя. Но если случится худшее, думаю, он все равно нас не выдаст, пока мы не окажемся достаточно далеко.

Между тем угрозы Карпати и его публичное столкновение с Бен-Иегудой вызвали такой мощный резонанс в обществе, что, казалось, на проповедь в пятницу вечером хотели попасть буквально все. Было очевидно, что на стадионе соберется огромная толпа. И все же Хлоя настаивала, что у нее достаточно сил, чтобы поехать, потому что она отлично отдохнула накануне. Она обещала быть осторожной и не нервничать, уверенная, что сможет выдержать все до конца, так что Бизон был вынужден уступить ей.

Иаков вернулся к выполнению своих обязанностей, так как Розенцвейг счел наложенные на него санкции нелепыми.

— А что, если представители эскорта Мирового Сообщества увидят его за рулем? — возразил Бизон, опасаясь возможных осложнений.

— Они могут доложить об этом Фортунато, и тогда я буду настаивать на личной аудиенции у Карпати. Но поверь, Кэмерон, им наплевать. Увидев его за рулем моей машины, они просто решат, что мы заключили новую сделку. Кстати, его жена тоже приедет.

— Серьезно?

— Да, и Стефан.

— Ох, Хаим, они что, в цирк собрались?

— А еще их начальник приедет.

— Начальник? Это еще кто?

Хаим обезоруживающе улыбнулся.

— Ты не знаешь, кто является начальником моего камердинера и водителя?

— Вы? Вы действительно хотите пойти?

— Не только хочу, но и пойду. Я хочу, чтобы мы все вместе поехали на моем «мерседесе». Будет тесновато, как в школьном автобусе, но зато весело и парадно!

— Хаим, это не самая лучшая идея.

— Не говори глупостей. Вы же сами уговаривали меня пойти туда. И что же? Я посмотрел трансляции собраний. Мне стало интересно. Может, именно сегодня вечером я дам Циону шанс переубедить меня.

— Сегодня?

— Ну да. Он опять будет рассказывать о тех страшных карах, которые должны обрушиться на нас с небес, поэтому, вероятно,

не откажется снова попробовать убедить своего старого друга, что Иисус является Мессией.

— Но ведь он будет совершенно измотан. Да и вы, наверное, порядком устанете?

— Усталость не помеха для хорошего спора. Похоже, ты совсем не знаешь евреев, Кэмерон. И уж тем более своего духовного наставника. Ты меня просто поражаешь! Ты вроде всегда пытался пропагандировать свою веру или, как вы там это называете, проповедовать, а сейчас буквально предлагаешь отложить момент обращения потенциального собрата?

— Вы всерьез готовы уверовать?

— Может, нет, а может, и да. Вы ведь не можете остаться равнодушным к любопытным?

Бизон покачал головой.

— Вообще, да. Но мне кажется, вы просто хотите поразвлечься за наш счет.

— Обещание есть обещание, а я человек слова, друг мой.

— Ты же знаешь, что Циону надо подготовиться к завтрашней встрече на Храмовой горе.

— Она ведь только в полдень! Цион, конечно, почти на дюжину лет старше тебя, но зато на тридцать моложе меня. Он так и пышет здоровьем. Да и кто знает? Может, сила Господа действительно пребудет с ним. В любом случае, думаю, он вполне осилит, проговорив полночи со стариком,

успеть подготовиться к вашей завтрашней кулуарной встрече. Туда я, кстати, тоже собираюсь.

Бизон был в отчаянии, когда ему удалось уединиться с Хаимом. Упорство Хаима грозило разрушить все их планы. А раввина, похоже, больше волновало то, что Розенцвейг собрался в субботу на Храмовую гору, чем его присутствие на вечернем собрании.

— Но мы же к тому времени уже уедем, — возражал Бизон. — Хаим поймет, что встреча не состоится. Нам необходимо убедиться, что все были оповещены о нашем отъезде, чтобы на горе никого не оказалось. Николае будет в ярости, так что с него станется нанести удар по всем находящимся на Храмовой горе, просто чтобы уничтожить наших братьев по вере.

Цион мрачно кивнул.

— Я хочу верить, что запечатленные находятся под Его защитой, но не знаю, подразумевает ли это только неуязвимость для кар Господних или для всего прочего. Очевидно, что Господь сам направляет свои кары, поэтому слуги Его не причиняют вреда избранным. Но Антихристу Он пока предоставил полную свободу действий. Не хотел бы я быть ответственным за то, что кто-то из верующих пострадал из-за моих неправильных выводов.

Бизон взглянул на часы. Через час им надо было уже быть на стадионе.

— Ну, одно мы знаем наверняка, если, конечно, Брюс не ошибся, — сами Свидете-

ли на Стене не пострадают безотносительно того, что планирует Карпати.

— Если они там будут, — улыбнулся Цион.

— Никуда они не денутся, — отозвался Бизон.

— Почему ты так уверен?

— Потому что Николае под угрозой смерти запретил им появляться на публике. А какое место может быть более публичным, чем Стена Плача, где они проповедуют уже больше двух лет?

— В твоих словах есть резон, — заметил Цион, похлопывая его по плечу. — У тебя был хороший наставник.

* * *

Рэйфорд позвонил доктору Флойду, когда они с Кеном летели над Атлантикой.

— Все было бы отлично, если бы я мог подсыпать Хэтти какого-нибудь порошочку в лучших традициях студентов медицинских колледжей, — пожаловался тот.

— Что ты имеешь в виду? — рассмеялся Рэйфорд.

— Подсыпашь человеку в питье лекарство и сообщашь, что это совершенно безвредно, главное, не смеяться над тем, как ему будет потом, — пояснил Флойд. — Я бы мог ее вырубить на двадцать четыре часа, но это угробит ее иммунную систему и преподнесет массу неприятных сюрпризов.

— Ты всерьез думаешь так поступить?

— Нет, конечно. Но она меня просто изводит. Мне приходится силой удерживать ее от того, чтобы она накручивала круги вверх и вниз по лестнице.

— По лестнице?

— Именно. Я, конечно, рад, что она окрепла, и эта ее жажда убийства Карпати, кажется, только способствует ее выздоровлению. Но я не могу позволить, чтобы она тратила столько сил, лазая по лестнице, она ведь еще так слаба. Честно, Рэй, с ней как с младенцем, чуть отвернешься, и она опять за свое.

— А что, если она будет только спускаться?

— В смысле?

— Ну, вниз, по лестнице, ей можно ходить?

— Рэй, я, конечно, всего лишь медик, но я не могу себе представить, чтобы кто-то мог спуститься по лестнице, предварительно на нее не поднявшись.

— Ты можешь заносить ее туда на руках, а она будет сама спускаться. Возможно, это ее достаточно утомит, но не перенапряжет.

Последовала пауза, настолько долгая, что Рэйфорд даже переспросил, по-прежнему ли Флloyd его слушает.

— Я тут, — отозвался тот. — Просто обдумываю твое предложение.

— Что, лишился дара речи? Время от времени даже пилот может подать неплохую идею.

— Проблема в том, Рэй, что я сам ищу поводы прикоснуться к ней, обнять ее, уте-

шить. А тут ты мне предлагаешь носить ее на руках и в то же время хочешь, чтобы я изменил свое отношение к ней.

— Успокойся, док. Ты же не влюбленный подросток. Я и надеялся, что у тебя к ней не просто физическое влечение, поэтому как-то совсем упустил это из виду. Ты ее едва знаешь, а то, что знаешь, по твоему же признанию, выводит тебя из себя. Веди себя хорошо, пока мы не вернемся и не поможем тебе разобраться в своих чувствах.

— Да, конечно.

— Я серьезно.

— Знаю. Понял тебя.

— И помни, что наша самая главная забота — спасение ее души.

— Я не спорю.

— Как-то ты говоришь об этом без энтузиазма, Флойд.

— Нет, я честно согласен.

— Если она тебе нужна не только для удовлетворения своих подростковых желаний, ты больше нас всех должен хотеть, чтобы она стала членом нашей семьи.

* * *

— Бизон, у нас проблема, — с ходу заявила Хлоя, затащив мужа с пустую комнату. — Я прогулялась к двери на вертолетную площадку, чтобы убедиться, что все в порядке, и обнаружила, что ключ исчез.

— Что?!

— Ключ, который висел на гвоздике, рядом с выходом на крышу. Его нет на месте.

— Неужели Хаим что-то подозревает?

— Но с чего бы? Я была очень осторожна, спросила его как бы между делом. Он сам обо всем рассказал.

— Изнутри эта дверь такая же прочная, как показалось мне снаружи?

— Не хуже кирпичной стены. Если мы попробуем пробиться через нее или выломать, то даже мертвых разбудим, не то что Хаима или его охранников.

— Надо найти ключ. Как бы так незаметно выяснить у Розенцвейга, что с ним стало?

— Может, Иаков что-то об этом знает?

Бизон пожал плечами.

— Если я спрошу его, он наверняка что-то заподозрит. Мне бы не хотелось заставлять его выбирать между нами и Хаимом.

— Но он же наш брат по вере, Бизон.

— Новообращенный брат. Хотя я не имею в виду, что он нас предаст.

— Ты слышал про его жену?

— Я знаю, что она будет сегодня на собрании. А вот что она обо всем этом думает...

— А, так ты не в курсе.

— Похоже, нет.

— По словам Хаима, Иаков утверждает, что его жена тоже уверовала. Ему это показалось смешным, и он попросил меня сегодня проверить, есть ли у нее на лбу знак.

Бизон задумчиво покачал головой.

— Кстати, о спасенных душах... я постоянно молюсь за Розенцвейга.

Жена Иакова, Ханнелоре, оказалась еврейкой немецкого происхождения, светло-волосой и голубоглазой. Она присоединилась к компании, когда все уже погрузились в «мерседес». И хотя они были совсем не знакомы, Хлоя радушно обняла ее и осторожным движением убрала волосы со лба.

Бизон тоже обнял ее.

— Добро пожаловать, сестра, — шепнул он.

— Моя жена не слишком хорошо понимает по-английски, — пояснил Иаков.

— Ну и как? — поинтересовался Хаим, в его глазах горело живое любопытство. — У нее есть тот... — тут он попытался говорить еще тише, и его голос стал похож на хрип, — тайный знак?

— Он у нее действительно есть, доктор Розенцвейг, — серьезно ответила Хлоя, ясно давая понять, что его шуточный тон был ей не слишком приятен.

— Превосходно! — воскликнул Хаим, снова откинувшись на спинку сиденья. — Вы все вместе — одна большая счастливая семья, не так ли? А ты, Стефан? Ты тоже стал одним из святых Скорби?

— Может, сегодня! — ответил Стефан. — Вчера я был так близок к этому!

— Бог ты мой, — вздохнул Хаим. — Похоже, я останусь в одиночестве.

Впереди сидели только Иаков и Хаим, за их спинами Ханнелоре и Цион, а между ними Хлоя. Бизон и Стефан ютились в отсеке для багажа. Иаков начал медленно выезжать из ворот, когда им навстречу вышел Иона, дав

знак Хаиму опустить стекло. Он что-то резко сообщил ему на иврите.

Бизон устроился так, что его голова находилась всего в паре сантиметров от Циона, шепотом спросил:

— Что случилось?

Бен-Иегуда повернулся к нему и так же тихо пояснил:

— Звонил Леон. Он послал за нами вертолет. На дорогах небывалые пробки, стадион уже полон народу. Им пришлось открыть входы за два часа до начала.

Раввин сделал паузу, чтобы прислушаться, затем продолжил:

— Привратник сообщил, что нас семеро, а значит, в вертолет мы все не поместимся. Вероятно, Фортунато попросил его передать, что, если мы откажемся от помощи Мирового Сообщества, добираться придется на свой страх и риск. Хаим отвечает, что привратник поступил правильно. Секунду. Он еще что-то шепчет. О нет.

— Что такое?

— Фортунато потребовал, чтобы Иакова с нами не было. Хаим в ярости, требует, чтобы привратник соединил его по телефону с Леоном.

Иона дал знак Иакову, чтобы тот подогнал машину к будке охраны у ворот. Как только Розенцвейгу передали телефону, он тут же начал агрессивно что-то говорить в трубку на иврите.

— Хорошо, я буду говорить по-английски, Леон. Я полагал, что ты, как и твой босс, зна-

ешь все языки мира. Его я буду называть потентатом, потому что он всегда вызывал у меня восхищение, но к тебе я не готов обращаться даже на «вы», не говоря уже о каких-то там титулах. А теперь послушай меня! Я близкий друг потентата. Он лично гарантировал безопасность моим гостям. И сегодня я с Иаковом буду присутствовать на собрании, да, как один из зрителей! Нет, я не буду прятаться за кулисами... Ты, конечно, можешь считать его моим слугой или водителем. Но для меня он как член семьи, и я не потерплю никаких угроз в его адрес. То, что он бежал от ваших гвардейцев и стрелял в воздух, не причинив никому вреда, может, и было глупо, но он поступил так только потому, что чувствовал, что жизнь моих гостей в опасности и угрожают им те, кто обещал их защищать.

Цион протянул руку и положил ее на плечо Розенцвейгу, пытаясь его успокоить. Бизон заметил, что шея Хаима покраснела, а на висках четко обозначились вены.

— Думаю, нет нужды напоминать, что не так давно рабби Цион Бен-Иегуда потерял свою семью просто потому, что озвучил свои религиозные воззрения вслух во время телеэфира! Его вынудили бежать с родины, как какого-то преступника! Да, я знаю, насколько его слова были оскорбительны для евреев! Леон, ты что, забыл, что я сам еврей! В то время как ты... Цион утверждает, что его религиозные воззрения основаны не только на слепой вере, но и на результатах научных

изысканий, но речь не об этом!.. Нет! Я не один из них, как ты говоришь! Но если я выясню, что Николае относится к этим преданным и искренним людям, ищущим Господа, так же презрительно, как ты, я вполне могу стать одним из них! А сейчас мы направляемся на стадион на моем «мерседесе». Надеюсь, мы сможем добраться, несмотря на пробки. Мой водитель знает короткие пути, и, полагаю, последователи Цiona освободят нам дорогу. Но в качестве компромисса я воспользуюсь услугами другого человека в качестве водителя. — Хаим дал знак, и Иаков со Стефаном поменялись местами. — Мы направляемся на место и рассчитываем на защиту, обещанную потентатом... Я должен извиниться?! Жаль, что ты придаешь такое большое значение титулам, Леон. Нет, я не буду просить прощения за то, что обидел тебя. Если уже на то пошло, это ты оскорбил меня! Несмотря на все те похвалы и богатство, что я приобрел благодаря своей формуле, я не потерял голову и остался нормальным человеком... Я не требую, чтобы меня как-то титуловали или возносили на очередной пьедестал. Честно говоря, тебе это тоже не идет. Леон, мы отправляемся, кажется, мой новый водитель не знает, что я говорю по стационарному телефону. До свидания! — Он рассмеялся. — Ну и гад же ты, Стефан! Ты чуть не порвал телефонный провод!

— Я гад? — улыбаясь, спросил Стефан. — Вы сами меня назначили водителем!

Хаим обернулся назад и обратился к Циону:

— Знаешь, дорогой мой, о чем мне говорил Леон, когда мы отъезжали?

— У меня даже версий нет.

— Что он был бы счастлив придумать мне более сообразное титулование! Ты когда-нибудь сталкивался с такими непонятливыми людьми?

— Никогда, — ответил Цион.

Тот факт, что столь серьезная проблема в конечном счете была сведена к шутке, вызвал у Бизона прямо-таки благоговейное восхищение.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Оставшуюся часть пути до Атлантики самолетом управлял Рэйфорд. Он рассчитал время прибытия так, чтобы максимально сократить пребывание на земле. Мак сообщил, что Карпати со свитой по-прежнему оставались в отеле в Иерусалиме, в то время как его самолет находится в Тель-Авивском аэропорту. Рэйфорд предположил, что там просто охрана лучше. Для оперативных перемещений Карпати, на их счастье, предпочел использовать вертолет Мирового Сообщества, базой для которого служил аэропорт Иерусалима, а следовательно, пребывание там двух идентичных вертолетов вряд ли должно было вызвать ненужные подозрения.

— Ты по-прежнему намерен сам забрать их на вертолете, а меня оставить здесь ждать на низком старте? — спросил Кен.

— Пока никто не знает, что я в самоволке. Но если это всплывет и меня обнаружат

на вертолете Мирового Сообщества, это будет концом всему.

— Подумай хорошенько, Рэй. Я хороший солдат и сделаю то, что скажут. Так что от меня нужно?

— Помоги мне отсюда выбраться, Кен. У меня, конечно, при себе мой пропуск с высоким уровнем допуска, но...

— Но если тебя раскроют и схватят, как мне удастся вытащить наших отсюда?

Рэйфорд покачал головой.

— Надо еще раз позвонить Маку.

— Продолжай вести самолет, я сам наберу номер. У меня и так набирается слишком большой налёт часов.

Когда в трубке раздался первый гудок. Ритц передал телефон другу.

— Как хорошо, что ты позвонил. — В голосе Мака чувствовалось облегчение. — Меня тут целый час с пристрастием допрашивали о тебе. К счастью, я вне подозрений, но они уверены, что ты в Иерусалиме.

— Хорошо еще, что они не планируют облаву в Штатах.

— Поверь, лучше бы там. Они тщательно прочесывают весь город и неизбежно найдут тебя.

— Не придет же им в голову, что я настолько глуп, чтобы сидеть в аэропорту?

— Вполне вероятно, тебе лучше оставаться на борту «гольфстрима».

— Ты только что разрешил один из наших споров, спасибо, Мак.

— Что?! Ты всерьез думал лететь на вертолете? Это полное безумие. Я тебя учил и

хочу сказать, что у тебя банально не хватает навыков.

— Что ж, все к лучшему. Кен бывал в поместье у Розенцвейга. Если нам удастся не привлечь к себе повышенного внимания, у нас все получится. А где будет Карпати?

— Лететь он точно никуда не собирается и совершенно точно не появится еще раз на стадионе. Наверное, останется в отеле, а завтра утром мы вылетаем из Тель-Авива в Новый Вавилон. Что бы здесь ни случилось, Карпати хочется оказаться как можно дальше.

— Как он попадет в Тель-Авив?

— На вертолете из иерусалимского аэропорта.

— Если вертолеты похожи как две капли воды, как я узнаю, каким можно воспользоваться?

— Они стоят рядом, носом на юг. Возьми тот, что западнее. В отличие от «кондора» их не охраняют.

— Ты видел тот, который прислал Давид?

— Нет, но точно знаю, что он там. Мне уже звонили из аэропорта и спрашивали, что с ним делать. Можешь гордиться моими актерскими способностями. Я снисходительно ответил: «Что делать с запасным вертолетом потентата? Держаться от него подальше! Если я узнаю, что к нему хоть пальцем прикоснулся кто-то, кроме моей команды, головы полетят». Похоже, это их впечатлило.

— Мак, ты бесподобен. Вот как мы поступим. Я приземлюсь на «гольфстриме», как

если бы лечу по делам и остановился, чтобы заправиться и проверить систему. Кен пойдет к вертолету и взлетит, пока я заправляюсь. Как думаешь, его заметят?

— Нет, если он полетит на юг, выключив бортовые огни до тех пор, пока не вылетит за пределы поля. Шансы, что кто-то его заметит, минимальны. Самое сложное, что вам надо взлететь в пределах двадцати минут. Если ты задержишься дольше в ожидании пассажиров, это будет выглядеть подозрительно. Конечно, вы сможете поддерживать связь по закодированному телефону, так что центр управления полетами не сможет вас перехватить. Подъезжай к дальнему концу посадочной полосы, где нет огней, так чтобы Кен смог приземлиться незамеченным. Может, кто вас и увидит, но с расстояния в четверть мили вряд ли кто-то будет способен причинить вам вред. Если вам повезет, никто не заметит, что вертолет куда-то летал. Парень, который по моей просьбе перегнал его сюда, сейчас в Хайфе. Я сказал, что позвоню ему, если он мне понадобится. В противном случае он отгонит вертолет в Новый Вавилон уже после того, как мы вылетим.

— Мак, помолись за нас. Мы, конечно, считаем, что готовы ко всему, знать бы еще, к чему надо.

— Конечно, Рэй. Я постоянно о вас молюсь. Дай мне Кена на пару слов.

Рэйфорд вернул телефон.

— Спасибо, сэр, — сказал Кен в трубку. — Я тоже с нетерпением жду встречи с вами,

хотя понимаю, что это случится не раньше, чем вы окажетесь в столь же скверной ситуации, что и Рэй. Поосторожней там, будем держать связь.

* * *

Бизон не уставал удивляться находчивости своей жены. Несмотря на юный возраст, Хлоя прекрасно разбиралась в людях. Она как будто знала, что и когда следует сказать или сделать, а когда лучше промолчать. Вот и сейчас она дождалась момента, когда они застряли в пробке на подъезде к стадиону, и как бы невзначай упомянула пропавший ключ.

— Знаете, доктор Розенцвейг, — начала она. — Когда я переносила свой чемодан в шкаф в прихожей, я заметила, что ключ, который вы мне на днях показывали, пропал.

— Как же он мог пропасть, если я знаю, где он находится?

Она рассмеялась в ответ на его шутку.

— Конечно, не мог. Я просто хотела предупредить на случай, если вы не знали.

— Неужели ты думала, что я заподозрю кого-либо из вас в его краже? — игриво поинтересовался он, как будто эта идея его развеселила.

Хлоя отрицательно замотала головой.

— Просто случайно обратила внимание, только и всего, — пояснила она.

— Он в надежном месте, — заявил Хаим.

Девушка в ответ пожала плечами, и Бизон подумал про себя, что это было единственно верной реакцией. Со стороны казалось, будто судьба ключа ее ничуть не волновала.

Розенцвейг продолжил:

— Я внезапно подумал, как глупо, что этот ключ годами просто висел там. Это ведь не безопасно, понимаете?

— Правда? — поддержала его шутливый тон Хлоя. — Я думаю, скорее было бы небезопасным, если бы ключ висел снаружи.

Это так развеселило старика, что казалось, вся машина качалась и подпрыгивала в такт его смеху.

— У нас в Штатах, — продолжила она, — не так много дверей, которые можно открыть ключом и изнутри, и снаружи.

— Серьезно? У нас здесь это самое обычное дело, особенно если дело касается редко используемых дверей. Полагаю, когда в этом здании располагалось посольство, этой дверью частенько пользовались, но открывали и закрывали главным образом снаружи.

Со стороны казалось, что жену Бизона гораздо больше интересовали толпы народу, стекающие к стадиону.

— Иаков, — обратился к водителю Хаим. — Ключ ведь все еще у тебя?

— Конечно! — отозвался тот сзади. — Я прямо чувствую, как он впивается мне в бедро через карман!

Хаим наклонился к Хлое, как если бы хотел посекретничать.

— Это единственный ключ от той двери. Не могу себе представить, чтобы этот выход мне когда-либо понадобился, но не иметь запасного ключа — полное безрассудство. Иаков займется этим в понедельник.

Она кивнула и пристально взглянула на мужа. И что ему теперь делать? Вытащить ключ у Иакова из кармана? Он не хотел, чтобы Иаков узнал об их побеге, пока они не окажутся достаточно далеко. И Розенцвейг тоже, несмотря на его усиливающиеся разногласия с Фортунато.

Когда Стефан уже парковался к западу от входа, Бизон признался самому себе, что несказанно рад, что это последний вечер собрания. Результаты превзошли все ожидания, но куда было девать всех этих людей? С каждым вечером число зрителей только увеличивалось. Стадион был забит до отказа, на трибунах было тесно, а те, кто не попал, толпились вокруг, создавая дополнительные пробки. Представители СМИ, очевидно, контролируемых Мировым Сообществом, были повсюду. Не менее очевидно было и то, что именно так Николае обеспечивал себе оперативную информацию о происходящем.

Они направились за кулисы, где собрались остальные члены оргкомитета. Цион, который в предыдущие дни просто подчинялся распорядителю и организаторам, появляясь на сцене в указанный момент и выступая с положенной проповедью, неожиданно взял все в свои руки. Это весьма впечатлило Бизона. Должно быть, Бен-Иегуда почув-

ствовал, что те десятки тысяч собравшихся на стадионе и за его пределами считают его своим наставником.

— Бизон, — позвал он. Когда журналист подошел, Цион взял его под локоть и подтянул к распорядителю. — Ты, конечно, знаком с Дэниэлом. — Бизон кивнул и пожал протянутую руку. — Послушай, Дэниэл, — продолжил раввин. — Я хочу, чтобы в ВИП-зоне организовали пять мест для моих гостей. Это доктор Розенцвейг, двое его служащих, жена одного из них и супруга Бизона, ясно?

— Конечно.

— Бизон, как обычно, будет присутствовать за кулисами. — Он обернулся к Уильямсу: — Хлоя там справится без тебя?

— Более чем. Это мне скорее будет сложно обходиться без нее.

Цион был слишком серьезен, чтобы оценить шутку.

— Дэниэл, я хочу, чтобы доктора Розенцвейга приняли сообразно его статусу и достоинству. Он, конечно, не просил ни о чем подобном, но, учитывая его заслуги перед Израилем, это совершенно необходимо.

— Будет сделано.

— После того как ты всех поприветствуешь, сделай объявление о субботнем собрании организаторов, затем представь доктора Розенцвейга, после того как вы прочтете молитву и споете гимн, и объявляй меня. Но на этот раз без лишнего пафоса. Зрители и без этого прекрасно знают, кто я.

— Но, сэр...

— Пожалуйста, Дэниэл! Мы и так играем с огнем, а ситуация становится все более опасной. Мы объявили войну официальной власти, и возможностей обличать ее у нас еще будет предостаточно. Зачем привлекать ко мне повышенное внимание? Это только...

— Прошу прощения, доктор. Мистер Уильямс, я уверен, вы согласитесь со мной, что все собравшиеся здесь сегодня страстно желают выразить свои чувства к доктору Бен-Иегуде, потому что, вероятно, это их последняя и единственная возможность увидеть его лично. Я все-таки настаиваю...

— Если публика приветствует меня, я отреагирую соответственно. Обойдитесь на этот раз без хвалебных речей. Думаю, не стоит даже меня представлять. Сделайте, как я прошу. Верю, что у вас получится.

Похоже, это требование совершенно выбило почву из-под ног у ведущего.

— Вы... действительно этого хотите?

— Я очень на вас рассчитываю.

* * *

Они летели над Атлантикой, наблюдая бесконечное водное пространство, когда позвонил Флойд.

— В чем дело, док?¹ — спросил Рэйфорд.

¹ Рэйфорд в шутку передразнивает мультипликационного персонажа — кролика Багза Банни.

— Мне не до шуток, — отрезал Флойд. — Не хотел беспокоить вас, но мне кажется, это важно. Хэтти долго разговаривала по телефону с кем-то по имени Эрни, кажется, это какой-то знакомый Кена.

— Знаю такого.

— Похоже, он ответил на звонок, когда она пыталась связаться с вами.

— А, и что?

— Ну, она хочет с ним встретиться.

— А она в курсе, что он на десять лет ее младше?

— Примерно так же, как Бизон и твоя дочь?

Рэйфорд замер.

— Неужели ты беспокоишься, что между ними может что-нибудь быть? Ты разговаривал с Эрни?

— Да. Он один из нас. Вроде хороший парень.

— Эрни, конечно, технический гений. Но он и Хэтти? Даже не думай об этом. Пусть она твоя пациентка, Флойд, ты о ней беспокоишься, но не забывай, она взрослая женщина. Мы не можем ей ничего указывать.

— Я беспокоился вовсе не об этом, Рэйфорд. Она хочет, чтобы он приехал к нам.

— С чего бы?!

— Я тоже задался этим вопросом. Мы ведь не хотим, чтобы он узнал, где мы находимся?

— Нет. Даже при том, что он наш брат, мы же не знаем, с кем он общается и достаточно ли взрослый, чтобы уже уметь хранить секреты.

— Я примерно так и думал, просто хотел удостовериться, что ты со мной согласен.

— Не позволяй ей даже намекать на расположение нашего убежища.

— Ясно. Если она будет хорошо себя вести я, может, даже свожу ее в Палуоки на днях. Так она хотя бы увидит Эрни вживую.

— Думаю, мы успеем вернуться раньше. Съездим туда на пикник. В кои-то веки весь Отряд, за исключением Мака и Давида, соберется вместе.

* * *

После того как организаторы помолились за кулисами, Цион отделился от остальных и встал в сторонке, опустив голову и закрыв глаза. Бизон внимательно следил за раввином, не понимая, было ли его поведение результатом волнения или чего-то еще. Когда мимо на сцену прошел Дэниэл, Цион как будто очнулся и, взглянув на Бизона, поманил его к себе.

— Побудь со мной, пожалуйста, Кэмерон.

Бизону было необыкновенно приятно это слышать. Они стояли рядом, глядя, как Дэниэл приветствует зрителей и объявляет о субботнем собрании.

— Конечно, большинство из вас к этому моменту уже разъедутся, но мы будем рады видеть тех, кто сможет задержаться или просто живет поблизости.

Затем ведущий представил публике доктора Розенцвейга, и его встретили дружными аплодисментами.

— Как ты собираешься достать ключ? — спросил Цион.

— Пока не знаю, вероятнее всего, напрямик попрошу Иакова отдать его и не задавать вопросов. Надеюсь, он доверится мне, а потом, когда будет можно, я ему все объясню.

Цион кивнул.

— Я чувствую, что сегодня очень важный день, — едва слышно произнес он.

Бизон не знал, что ответить. Раввин опять опустил глаза и как будто замкнулся в себе. Уильямс спонтанно обнял его и почувствовал, что тот дрожит.

Дэниэл произнес слова молитвы и продолжил гимном «Свят, Свят Господь Бог».

— Удачный выбор, — пробормотал Цион, но подпевать не стал.

Бизон попытался, но раввин прервал его:

— Помолись за меня. — И он молча подчинился.

Пение закончилось. Цион посмотрел на друга, который как мог попытался его ободрить. Дэниэл объявил:

— А сейчас пришло время услышать Слово Божье.

Бизон невольно поразился тому, как публика поднялась в едином порыве и зааплодировала. Не было ни криков, ни восторженных возгласов, ни свиста. Просто продолжительные и в то же время теплые овации. Циона они, похоже, застали врасплох. Он робко по-

махал зрителям и, разложив свои заметки, чуть отошел от кафедры, пока все не успокоились.

— Сегодня Господь вложил в мои уста нечто особенное, — наконец, начал он. — И до того, как я начну читать Писание, я чувствую, что настал момент, чтобы те, кто ищет Христа, вышли вперед и обрели веру.

И тут же со всех концов стадиона и даже с улицы под бурные овации запечатленных свидетелей на поле начали сходиться люди. Некоторые из них плакали.

— Вам открылась истина, — продолжил раввин. — Вы услышали Господа. Вам не нужно больше никаких доказательств и аргументов. Достаточно того, что Иисус жил и умер, и умер за вас.

А люди все шли и шли. Цион призвал всех верующих молиться, и в течение часа среди тех, кто мог слышать его голос, за исключением гвардейцев Мирового Сообщества, не осталось никого, кто не искал бы спасения души.

— Сеть вещания Мирового Сообщества транслирует по всем телевизионным каналам и по Интернету, — говорил Цион. — Полагаю, что таким образом они хотят дать понять всем думающим людям суть нашего послания и продемонстрировать, что Мировому Сообществу нет смысла опасаться того, что мы провозглашаем. Они скажут, что мы не разделяем проповедуемые ими идеи экуменизма и терпимости, и должен признать, что это действительно так. Добро и зло суще-

ствуует, есть непреложные истины, как и вещи, которые невозможно и нельзя терпеть.

Сеть вещания Мирового Сообщества не прекратит трансляцию, если они не сочтут опасной нашу веру, или Господню истину, или раввина, обратившегося в христианство и уверовавшего в то, что Иисус Христос и был долгожданным Мессией еврейского народа. Я восхищаюсь мужеством руководства Мирового Сообщества и беззастенчиво воспользуюсь их великодушием. Благодаря ему наше послание услышат по всему миру. Нам не понадобились услуги переводчиков, и, судя по репортажам, Господь явил свое чудо, и трансляция моих проповедей была понятна всем. Вы можете не знать ни иврита, ни английского, но вам понятно каждое мое слово. Потому что Господь направляет ваш разум. Читая проповедь, я говорю главным образом по-английски, хотя, читая тексты Писания, я использую иврит, греческий и арамейский. Удивительно, но даже мои коллеги-организаторы об этом не догадывались. Им казалось, что я говорил на их родном языке.

Господь направляет ваши сердца. Нет необходимости присутствовать здесь и сейчас с нами, чтобы обрести веру. Как и нет нужды быть с кем-то из верующих, молиться или куда-то идти. Вам всего лишь нужно признаться Господу в сердце своем, что вы грешны и отделились от Него. Скажите Ему, что вы поняли, что, делая что-то для себя, никогда не приблизитесь к Нему. Скажите, что

верите, что Он прислал своего Сына Иисуса Христа, чтобы Тот умер на кресте за ваши грехи и воскрес из мертвых, а затем призвал свою паству на небо и скоро снова явится на землю. Примите же Его как своего Спасителя, где бы вы ни были. Уверен, что сейчас святых и мучеников Скорби во всем мире становится все больше и больше настолько, что их уже не перечесть.

Раввин выглядел усталым, он отступил на шаг от кафедры, чтобы помолиться. Только когда вышедшие вперед, наконец, начали расходиться, он вернулся на место, не спеша поправил свои конспекты и, ссутулившись, глубоко вздохнул. Бизон очень переживал за него.

Бен-Иегуда прочистил горло, сделал глубокий вдох, но, когда он заговорил, голос его дрожал.

— Сегодня мы будем читать, — с трудом выговорил он, — тринадцатый стих восьмой главы Книги Откровений.

По всему стадиону тысячи людей открыли свои Библии, так что воздух буквально наполнился шелестом страниц. Пока свидетели искали нужное место в книге, Цион обернулся к Бизону.

— С тобой все в порядке? — испуганно спросил тот.

— Да, но ты не мог бы, если понадобится, прочесть нужный отрывок вместо меня?

— Конечно, прямо сейчас?

— Я все же попробую сам, но будь готов, что я позову тебя.

Цион вернулся на кафедру, взглянул на Писание и обратил лицо к зрителям. Прочистив горло, он сказал:

— Нам придется проявить терпение. Когда на земле станет на треть меньше света, на нее обрушатся еще три бедствия. Бедствия настолько ужасные, что о них будет объявлено с небес.

Раввин опять сделал паузу, пытаясь унять предательскую дрожь в голосе. Бизон стоял и ждал, он хотел, чтобы Цион позволил ему помочь. Внезапно он почувствовал знакомый запах сухой, как будто закопченной мешковины, и рядом с ним, откуда ни возьмись, появились Эли и Моше. Медленно, как будто во сне, Бизон обернулся и встретился глазами с бездонным взглядом одного из Свидетелей. Никогда прежде он не был так близко к пророкам, так что ему с трудом удалось побороть желание прикоснуться к ним.

— Не открывайтесь врагу своему, — произнес Эли. — Трезвитесь, бодрствуйте, ибо противник ваш диавол, аки лев рыкающий, ищет жертвы.

Бизон буквально лишился дара речи. Он попытался кивнуть, чтобы дать понять, что услышал и понял, но был не в силах пошевелиться. Моше наклонился к нему и добавил:

— Противостоите ему твердою верою.

Они прошли мимо него и встали прямо за спиной Бен-Иегуды. Это произвело настолько сильный эффект на зрителей, что люди были не в силах даже слова сказать. Молча указывая на пророков, они вставали и чуть

не наклонялись вперед, не желая пропустить ни единого слова.

— Возлюбленные братья мои, — начал Моше. — Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми.

На секунду Бизону показалось, что сейчас Цион упадет в обморок, но тот просто отступил назад, уступив место Свидетелям. Но они и не думали подходить к микрофону. Громко, так что не только все находившиеся на стадионе, но и те, кто смотрел прямую трансляцию, отлично его слышали, Моше процитировал объявленный Ционом стих:

— И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!

Отовсюду послышался звук взводимых курков, гвардейцы Мирового Сообщества присели на одно колено и взяли пророков на прицел. Бизону хотелось закричать: «Идиоты! Их время еще не пришло!» Но его больше беспокоила безопасность Циона, Хлои, их друзей, да и своя собственная.

Но стрельбы не последовало. Когда стало очевидно, что гвардейцы готовы спустить курки, пророки ушли со сцены, пройдя мимо Бизона и тех, кто продолжал в них целиться. Солдаты буквально шарахались от Эли и Моше, падая и роняя оружие на пол.

Бизон услышал, как Цион произнес с кафедр:

— Даже если мы никогда не увидимся на этой стороне небес или в тысячелетнем царствии, которое наш Спаситель установит на земле, я все равно продолжу наставлять вас через Интернет, у нас на очереди девятая глава Книги Откровений! Разделите радость веры с миром.

Собрание закончилось рано. Цион немедленно бросился к Бизону. Таким напуганным тот его никогда еще не видел.

— Быстрей собирай наших в машину! — крикнул он ему.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Трансляцию из Израиля, где не было еще и девяти вечера, Кен и Рэйфорд смотрели молча, неумолимо приближаясь к Иерусалиму.

— Летим по плану, так что прибудем вовремя, — произнес Рэйфорд. — Ох, Кен, прости, что разбудил.

Кен потер глаза.

— Я не то чтобы спал, — оправдывался он. — Просто задумался. Знаешь, если все, что Бен-Иегуда говорит, правда, совсем скоро нам придется потрудиться, чтобы выжить. Что мы будем делать, когда не сможем ни покупать, ни продавать, потому что у нас не будет печати Антихриста?

— Ну, Цион же сказал, что надо бы начать запасаться.

— Ты хоть понимаешь, что все это значит? Нам, верующим, придется существовать отдельно от остального мира, как если бы нас

вообще не было. Нас могут быть миллиарды, но все равно мы останемся в меньшинстве, и нас неизбежно будут считать бродягами и преступниками.

— Как будто я этого не знаю!

— Мы не сможем доверять никому из тех, кто носит печать зверя.

— Не забывай про тех, у кого не будет никаких отметок.

Кен отрицательно покачал головой.

— Еда, энергия, медицина, транспорт — все это контролирует Мировое Сообщество. Нам придется бороться за существование в условиях черного рынка. Какими средствами мы располагаем?

— Мы — в смысле Отряд? Прямо скажем, незначительными. Мы с Бизоном неплохо зарабатывали, но это уже в прошлом. У Циона с Хлоей вообще нет никаких источников дохода. Вряд ли мы можем рассчитывать на Мака с Давидом, хотя я уверен, что они будут делать все, что в их силах, чтобы помочь нам. С Флордом я эту тему вообще не обсуждал.

— У меня есть кое-какие сбережения.

— У нас с Бизоном тоже, но это ничто по сравнению с тем, что может понадобиться, чтобы выжить, и тем более платить за самолет и горючее для него.

— Похоже, плохи наши дела?

— Зачем лишний раз это повторять?

Кен вынул из своей сумки желтый блокнот. Рэйфорд заметил, что большая часть страниц в нем уже исписана.

— Знаю, что, присоединяясь к Отряду, мы ничего не подписывали и обещаний никаких не давали, — продолжил Кен. — Но я много думал. И хотя меня никогда не привлекали ни коммунизм, ни социализм, ни прочие варианты совместного сосуществования, похоже, сейчас нам придется жить одной большой коммунной.

— В духе Нового Завета, как говорит Цион.

— Именно. Не знаю, как ты, но я вроде с этим смирился.

Рэйфорд улыбнулся в ответ.

— Я научился абсолютно доверять Библии. Если ты это имел в виду своим вопросом.

— Не знаю, как насчет будущих членов нашего Отряда, но, видимо, следует взять за правило отдавать все в общее пользование.

После недолгого раздумья Рэйфорд скорчил гримасу. До настоящего время это все так и было.

— То есть чтобы каждый предоставлял всем доступ к своим ресурсам?

— Если они действительно хотят присоединиться к нам.

— Я не против. Не сомневаюсь, что Бизон, Хлоя и Цион тоже. Правда, в материальном смысле от нас не слишком много толку. У нас с Бизоном на двоих вряд ли будет больше полумиллиона долларов. Звучит, конечно, внушительно, но надолго этого не хватит, и уж точно их нельзя будет использовать для борьбы с Карпати.

— Вам лучше конвертировать все ваши средства в золото, и побыстрее.

— Думаешь?

— Девяносто процентов моих сбережений хранятся в драгоценных металлах, — заявил Ритц. — Когда мы перешли к трехвалютной системе, я сразу понял, что произойдет. Сейчас у нас единая валюта, но, что бы ни случилось, золото всегда будет в цене. Не знаю почему, но лет в сорок мной буквально овладела мания откладывать деньги. Сейчас-то я догадываюсь почему. Цион верит, что Он влияет на наши жизни, еще до того, как мы сами это признаем. Я почти двадцать лет жил один и пилотировал чартерные рейсы. Я был настоящим скрягой. У меня никогда не было машины, я годами носил одну и ту же одежду. Даже часы предпочитал дешевые. До сих пор. Что скрывать, я заработал миллионы, и большую их часть мне удалось сохранить.

Рэйфорд присвистнул от удивления.

— Я упоминал про ежегодные членские взносы для участников Отряда Скорби?

— Ты вот шутишь, а что еще мне сейчас делать с золотом на несколько миллионов? У нас ведь осталось меньше пяти лет. Можно, конечно, устроить себе роскошные каникулы, но это как-то глупо, не так ли? Я думаю как минимум купить пару самолетов, подобных этому, а возможно, и весь аэропорт.

— Целый аэропорт?

— Там и так фактически нет ни души. По словам владельца, я летаю оттуда чаще, чем кто бы то ни было. Я знаю, что он мечтает его

продать, и хочу успеть сделать это до того, как Карпати лишит меня такой возможности. Вместе с аэропортом я получу несколько небольших самолетов, пару вертолетов, цистерны с горючим, центр управления полетами и прочее оборудование.

— Похоже, ты все заранее продумал!

Кен кивнул.

— Да, немало. — Он указал на блокнот. — Я подробно описал здесь множество отличных идей. Коллективное сельское хозяйство, рыболовство, даже создание частных банков.

— Погоди, Кен, я не успеваю за твоими мыслями. Что за рыболовство?

— Я читал, что Карпати даровал десяти своим приспешникам — царям, как их называет Цион, — вроде как эксклюзивное право на использование водных ресурсов на вверенных им территориях в целях пропитания и добычи нефти, и понял, что не все так просто. Ферму могут закрыть, разбомбить, ограбить, сжечь, конфисковать. Но никому не под силу контролировать все океаническое пространство. Мы найдем среди верующих тех, кто профессионально занимался рыболовством и имеет необходимые снасти, и у них будет многомиллионный рынок потребителей. Мы поможем все скоординировать, обеспечим транспортировку и ведение счетов, взяв за это разумную комиссию, и тем самым сможем финансировать существование Отряда.

Рэйфорд проверил показания приборов и поднял глаза на Кена.

— Как тебе все это только в голову пришло?

— А ты считал меня просто олухом?

— Ну уж нет. Мак получше тебя разыгрывает из себя идиота, но я-то знаю, что он умник, каких поискать. Скажи, неужели у тебя есть образование в этой области или...

— Ты мне не поверишь.

— Сейчас я уже во что угодно поверю.

— Лондонская школа экономики.

— Ты меня разыгрываешь.

— Я же сказал, что ты мне не поверишь.

— Так ты серьезно?

— Это было тридцать пять лет назад. Я как раз демобилизовался из военно-воздушных сил, планировал открыть свой бизнес, но сначала решил смотаться в Европу. В итоге оказался в Англии, и там мне ужасно понравилось. Сейчас уже действительно не помню причин, но зачем-то я ошарашил приемную комиссию Лондонской школы результатами моих выпускных экзаменов в школе.

— А ты хорошо учился?

— Я был лучшим, произносил речь на выпускном, все такое. Думал стать преподавателем английского. Сейчас я так нелитературно выражаюсь, потому что так проще, и ты явно разбираешься в грамматике лучше меня.

— Потрясающе.

— Я сам себя иногда потрясаю.

— Охотно верю.

* * *

Люди расходились после собрания в приподнятом настроении. Бизон никак не мог найти в толпе своих друзей, и в то же время он боялся потерять из виду Циона. Тот как раз разговаривал с Дэниэлем и другими членами оргкомитета, но было видно, что он обеспокоен и погружен в собственные мысли, явно желая поскорее уйти. Бизон внимательно осматривал трибуны, особенно сектор почетных гостей, но не видел тех, кого искал. Он подумал, что Розенцвейга наверняка окружили любители автографов или просто доброжелатели, а может, даже особо ретивые верующие, желающие обратить его к Христу. Но никаких скоплений народу не наблюдалось, люди спокойно расходились под надзором гвардейцев Мирового Сообщества.

Бизон обернулся к Циону и остальным, находившимся за сценой. Их число тоже постепенно уменьшалось, а он не хотел, чтобы раввин остался в одиночестве. Бен-Иегуда был слишком известным человеком, чтобы незаметно смешаться с толпой.

Когда Уильямс подошел к организаторам, Цион резко схватил его за руку.

— Кэмерон, пожалуйста, найди остальных и давай выбираться отсюда! Я хочу сегодня вечером поговорить с Хаимом, но нашему плану ничего не должно помешать. Все обговорено, и мы не можем подвергать Рэйфорда и Кена ненужной опасности...

— Я понимаю и всеми силами их ищу, но...

Тут Цион сильнее сжал его руку.

— Найди их и отправляйтесь к машине. У меня ужасное предчувствие, такое ощущение, что это Он предупреждает. Нам необходимо добраться до дома Хаима. Представители Мирового Сообщества наверняка наблюдают за ним, но если мы вернемся туда и сделаем вид, что собираемся спать, это создаст у них надежную иллюзию, что все в порядке.

За кулисами оставались только Дэниэл и всего четверо или пятеро членов оргкомитета.

— Цион, я не хочу оставлять тебя одного. В отсутствие свидетелей солдаты Мирового Сообщества могут сделать с тобой все, что угодно, и списать это на других.

— Кэмерон, иди. Пожалуйста. Со мной все будет в порядке.

— Дэниэл, — обратился Бизон, — вы не присмотрите за Ционом, пока я не вернусь?

Тот рассмеялся в ответ.

— Побывать нянькой у раввина? Попробую.

Но лицо Бизона было совершенно серьезно. Он буквально притянул Дэниэла к себе и прошептал ему на ухо:

— Цион может быть в серьезной опасности. Обещай мне, что будешь с ним.

— Глаз с него не спущу, мистер Уильямс.

Бизон бегом поднялся на сцену, пересек ее и спрыгнул на землю. Но оттуда практиче-

ски ничего не было видно, поэтому он решил забраться обратно. Тут его остановил один из гвардейцев:

— Вам туда нельзя.

Бизон достал пропуск.

— Я член оргкомитета, — заявил он.

— Я знаю, кто вы такой, сэр, и не советую вам туда идти.

— Но мне надо туда попасть, чтобы пройти к машине, и я ищу своих товарищей.

— Вы можете выйти наружу так же, как остальные зрители.

— Но я не могу уйти один, и еще мне надо встретиться кое с кем за кулисами.

Бизон начал было опять карабкаться на сцену, но тут гвардеец вежливо, но настойчиво произнес:

— Сэр, не заставляйте меня применить силу. Вам нельзя туда возвращаться.

Бизон остановился и, не глядя солдату в лицо, чтобы не раздражать его еще больше, попробовал договориться.

— Вы не понимаете, я Кэме...

— Я знаю, кто вы, сэр, — перебил его гвардеец. — Мы все здесь знаем, кто вы такой, кто ваши так называемые товарищи и с кем вы там встречаетесь.

Бизон не выдержал и посмотрел прямо в глаза гвардейцу.

— Тогда почему вы не даете мне пройти? — спросил он с вызовом.

Солдат слегка приподнял фуражку, и Уильямс увидел у того на лбу печать.

— Вы, вы...

— Сегодня, — одними губами прошептал тот. — Прямо здесь. Не удивлюсь, если кто-то из зрителей обратил внимание, и я тоже начал видеть их знаки. Приходится натягивать фуражку пониже, чтобы меня случайно не выдали. Если меня обнаружат, я не жилец. Позвольте мне пойти с вами.

— Но вы находитесь в таком стратегически важном месте! Братья не выдадут вас. Они догадаются, что вы делаете то, что нужно. Цион в опасности?

Гвардеец поднял оружие и направил его на Бизона.

— Проходите! — пролаял он, а затем, понизив голос, добавил: — Все ваши товарищи уже в машине. Снайперы только и ждут, чтобы пристрелить Бен-Иегуду за кулисами. Сомневаюсь, что вам удастся вывести его отсюда живым.

— Я должен! — так же шепотом ответил Бизон. — Я возвращаюсь туда!

— Вас пристрелят!

— Ну, так стреляй в меня прямо здесь! Привлеки к нам внимание! Позови на помощь! Сделай что-нибудь!

— Вы не можете ему позвонить?

— Он не носит с собой мобильный, а номер ведущего я не знаю. В общем, ты как знаешь, а я пошел.

— Но моя задача как раз в том, чтобы никто не мог попасть за кулисы.

Оттолкнув гвардейца и прыгая через две ступеньки, Бизон понесся вверх. За его спиной раздавался крик:

— Стой! Куда?! Нужно подкрепление!

Уже наверху Уильямс, обернувшись, успел заметить, как гвардеец закончил говорить по рации и взял оружие на изготовку. Не тратя зря времени, он бегом бросился к Циону, с которым к тому моменту остался только Дэниэл, да и тот, увидев Бизона, немедленно ушел, видимо, решив, что его задача уже выполнена. Уильямс открыл рот, чтобы крикнуть, чтобы тот оставался на месте, и в этот момент раздался выстрел.

И Дэниэл, и Цион, равно как и те немногие, которые случайно оказались за кулисами в этот момент, припали к полу. На звук выстрела к сцене поспешили гвардейцы. Бизон тем временем помогал Циону подняться.

— Дэниэл, ты мне нужен, чтобы довести его до машины!

Они протиснулись через охваченную паникой толпу на улицу. Снаружи царил хаос: люди кричали, толкались, всеми силами пытались поскорее убраться подальше. Двери «мерседеса» были предусмотрительно открыты. Бизон запрыгнул внутрь, Дэниэл затолкал вслед за ним Циона и захлопнул дверь.

Пока Стефан не отъехал от стадиона, все сидели, пригнув головы ниже уровня окон. Неожиданно со стороны стадиона опять раздался выстрел, и Бизон отчаянно молился, чтобы гвардейцы не начали вымещать свое разочарование на ни в чем не повинных людях, создавая новых мучеников.

Цион со слезами на глазах смотрел на разбегающихся людей.

— Именно этого я и боялся, — укорял себя он. — Ведь это я, я привел всех этих людей в стан врага, прямо на заклание.

Хаим вел себя на удивление тихо. Он молчал и как будто даже не шевелился, глядя прямо перед собой. Похоже, он был настолько погружен в свои мысли, что даже когда Стефан от избытка чувств оторвал руки от руля и потряс ими в воздухе, Хаим просто равнодушно взглянул на него и отвернулся.

Загорелся зеленый свет, но гвардейцы по-прежнему тормозили движение, пропуская машины в противоположную сторону. Стефан воспользовался этим, чтобы повернуть зеркало заднего вида так, чтобы видеть себя, и, отодвинув волосы со лба, принялся внимательно его рассматривать.

— Ты не можешь видеть собственный знак, Стефан, — устало прокомментировал Хаим. — Только чужие.

Стефан обернулся к сидящим сзади.

— И как? — поинтересовался он.

— Есть! — ответила Хлоя, а Цион кивнул, подтверждая ее слова.

Стефан начал жать всем руки, начиная с тех, кто был на заднем сиденье, однако Хаим только отмахнулся от него.

— Пока это не случится со мной, я в это не поверю, — заявил он.

Бизон заметил, как к перекрестку приближаются еще несколько гвардейцев Мирового Сообщества.

— Поехали, Стефан! — попросил он.

Стефан уселся в кресло, но регулировщик по-прежнему запрещал движение.

— Но...

— Доверься мне! Поехали! Давай!

Водитель вдавил педаль газа, и «мерседес» рванул вперед. Какой-то солдат попытался встать на пути у машины, пытаясь ее остановить, но вовремя отскочил, когда Стефан пронесся вперед.

— Доставь нас поскорее к Хаиму, — попросил Бизон.

Стефану эта идея явно понравилась.

* * *

— Так ты, Кен, хоть и эксперт в экономике, все же не доверяешь банкам? — поинтересовался Рэйфорд.

— Я и до прихода Карпати к власти банкам особо не доверял.

— Тогда где же тыохранишь свой миллион?

— Миллионы. Что-то в слитках. Но большую часть в монетах. Немного, у кого найдется сдача со слитка золота.

Рэйфорд фыркнул:

— Думаю, даже с одной золотой монеты не просто получить сдачу. Разве что придется купить весь магазин, чтобы не получать пачку сотенных сдачи.

— Я надеюсь, что до использования золота в качестве расчетного средства мы все-таки не дойдем. Что до его хранения, я считаю, что Палуоки — отличный вариант.

— Неужели ты...

— Не продолжай. Ты хочешь сказать, как странно, что человек, скопивший миллионы, готов потратить их на что-то бесперспективное.

— Именно. Даже я кое-что вложил в ценные бумаги.

— Я совсем недавно переместил все свои сбережения под землю, прямо под моим обиталищем. До этого я просто годами копил заработанное. Только после Восхищения, которое для меня сперва было просто исчезновением людей, я понял, что произойдет с экономикой.

Тут он рассмеялся.

— В чем дело?

— Я был уверен, что потерял все свое богатство при землетрясении. Я реально чуть не погиб, спасая свои сбережения. Всю поверхность перекурочило, и мои миллионы в слитках и монетах провалились сквозь трещину на двадцать футов ниже, чем я их зарыл. Хотя могли бы на все сто, а то и до самого центра земли. Я и предположить не мог, что они для меня так много значат. Нет, честно. Пожалуй, сложно придумать что-то глупее, чем пытаться лезть под землю в надежде что-то откопать сразу после землетрясения с учетом продолжающихся подземных толчков и прочего. Но я почему-то считал, что если не смогу найти свое золото, то это равносильно смерти. Так или иначе, я буду похоронен. И я до него добрался! Я чувствовал себя словно школьник, который нашел свои давно потерянные шарики для игры. И тог-

да я понял, что все плохо. Понял благодаря твоему зятю.

— Но как?

— Ну, я понял, что он увлекся религией, в то время как меня это совершенно не впечатляло, и я понимал, что его жизненная позиция сильно отличается от моей и от всех, кого я знаю. Я понимал, что он это всерьез. Мое будущее было завязано на сохранность моих активов, а его на веру в Иисуса. Звучало нелепо, но его это нимало не смущало. И я ему завидовал, честно. После землетрясения я попал в больницу, потому что у меня с головой было не все в порядке, но думал я только о том, что не мог представить Уильямса роющим землю, чтобы отыскать свою собственность. Затем он и сам объявился, перед тем как отправиться в одну из своих странных поездок-приключений.

— Хотел бы я, чтобы он просто любил приключения, — заметил Рэйфорд. — Как бы мы ни сменяли друг друга, ночь предстоит тяжелая.

— Мы можем сделать остановку в Греции или Турции, вместо того чтобы лететь напрямую. У меня и там и там есть пара верных людей. Они пока не уверовали, но я знаю, что они никогда нас не выдадут. Ты же понимаешь, что я имею в виду.

Но Рэйфорд отрицательно покачал головой.

— У нас достаточно горячего, и у меня вполне хватит сил вести самолет на обратном пути.

— Как скажешь.

Когда машина подъехала к дому, Хаим на иврите попросил Стефана что-то передать Ионе, охраннику на входе. Тот ответил на иврите. Бизон поинтересовался у Циона, о чем они говорили, но Бен-Иегуда сделал ему знак замолчать.

— Не сейчас, — прошептал он.

Остаток вечера они провели за телевизором. По очереди, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, Цион, Бизон и Хлоя отрывались от просмотра репортажей и комментариев, посвященных собранию свидетелей, и уходили в свои комнаты, чтобы собрать вещи. Они предусмотрительно заранее сверили часы.

Бизон чувствовал, что Цион и Хаим просто жаждут приступить к религиозной дискуссии. Возможно, что Хаим даже больше, потому что Цион больше думал о предстоящем побеге. Но Бизон по опыту знал, что обращение мятущейся души к Господу для раввина важнее, чем собственная жизнь. И тот не мог отказаться от возможности достучаться до сердца Розенцвейга.

А Бизону надо было тем временем добыть у Иакова ключ, поэтому он был только рад оставить двух старых друзей, чтобы они могли поговорить по душам. К своему разочарованию, он не обнаружил Иакова в особняке, и ему сказали, что тот не появится до утра.

— Где же его тогда искать?

— Думаю, дома, — ответил ему на ломаном английском кто-то из obsługi. Уильямсу дали какой-то номер телефона, но по нему никто не отвечал.

— А где еще он может быть? — настаивал он.

Мужчина наклонился к нему и заговорщицки прошептал:

— Я вам этого не говорил, но есть тут недалеко один бар под названием «Гарем». Он находится...

— Я знаю, где это, — остановил его Бизон. — Спасибо.

Он вернулся в гостиную, невольно вклинившись в разговор друзей. Бизон извинился, но все-таки произнес:

— Мне надо переговорить с Иаковом, но нигде не могу его найти, даже дома его нет.

— Не переживай, — отозвался Хаим. — Он что-то упоминал о том, что собирается поехать к своей теще. Но завтра он будет на собрании на Храмовой горе.

— Он мне нужен срочно.

Хаим назвал ему имя, которое без труда нашлось в телефонном справочнике. На звонок ответила какая-то немка, а потом к телефону подошел сам Иаков.

— Мистер Уильямс, — обрадовался он. — Понимаете, моя теща все никак не может смириться с нашей верой, мы приехали к ней поговорить. Помолитесь за нас, пожалуйста.

— Конечно, Иаков, но мне нужен ключ.

— Какой ключ?

— Тот, копию которого ты должен был сделать для доктора Розенцвейга.

— Он ему понадобился раньше?

— Нет, он понадобился мне, и я хочу, чтобы ты доверился мне и не спрашивал зачем.

— Вы боитесь, что в дом кто-то может забраться? Но ведь дверь заперта. Поверьте, она самая крепкая в доме.

— Я знаю. Он мне просто очень нужен. Очень тебя прошу.

— Но у меня его нет. Я отдал его Стефану. Завтра я работаю, но в понедельник у меня выходной, и он согласился сделать копию ключа вместо меня.

— Где он живет?

— Недалеко от стадиона, но по телевизору сообщали, что движение туда перекрыли.

— Мы тоже смотрели, но я ничего подобного не слышал.

— Потому что это объявили только сейчас. Сразу после собрания там убили одного из гвардейцев. Наверное, это те самые выстрелы, что мы слышали. Сейчас силы Мирового Сообщества разыскивают убийц. Предполагают, что это дело рук одного или нескольких свидетелей.

— Я же рассказывал, что это были за выстрелы. Тот солдат только делал вид, что стрелял.

— Но ты не упоминал, что его при этом застрелили. Неужели кто-то из свидетелей был вооружен? Может, они пытались тебя защитить, решив, что тебя всерьез пытаются убить?

— Бог мой, нет, только не это.

— Мы можем только догадываться. В любом случае, если ты попытаешься добраться до Стефана сегодня ночью, тебя неизбежно остановят. И наверняка узнают.

— Сделай мне одолжение, Иаков.

— Ох, мистер Уильямс, я очень хочу вам помочь, но я совсем не могу сегодня отправиться к Стефану. Мы пытаемся убедить мою тещу, что наша новая вера с ним никак не связана. Она всегда его ненавидела, обвиняя его во всем, что я натворил плохого в своей жизни. И теперь она заявляет, что лучше бы мы по-прежнему оставались пьяницами, чем уверовали в Христа и стали врагами потентата. Она угрожает забрать мою жену.

— Я хотел просто попросить, чтобы ты не упоминал при докторе Розенцвейге, что я просил у тебя ключ. — На другом конце трубки повисло молчание. — Я понимаю, что прошу тебя скрыть нечто от человека, который...

— Которому я буквально обязан своей жизнью. Он мне был как отец. Я соглашусь, только если вы мне все объясните. Ведь я никогда не прошу себе, если мое молчание ему как-то повредит. Зачем вам понадобился этот ключ и почему вы не хотите, чтобы доктор Розенцвейг узнал об этом?

— Ты же знаешь, что он пока еще не один из нас.

— Да, но разве это делает его нашим врагом?! Я буду молиться, чтобы именно мне

удалось переубедить его. Даже сам рабби Бен-Иегуда считает его своим другом!

— Конечно, я не имел в виду ничего подобного! Но, Иаков, Хаим так наивен.

— Наивен? Простите, не понимаю значения этого слова.

— Он по-прежнему считает себя другом потентата.

— Просто потому, что не знает всей правды!

— Именно это я и называю наивностью. Мы хотим воспользоваться этим ключом, чтобы незаметно ускользнуть из особняка, не опасаясь, что доктор невзначай обмолвится об этом Николае или кому-либо из его приближенных. Если нам это удастся, когда гвардейцы Мирового Сообщества начнут нас искать, мы будем уже далеко.

Повисла долгая пауза.

— Я и не понимал, во что ввязываюсь, но отступить от своей веры не собираюсь, — наконец произнес Иаков. — Никогда бы не подумал, что мне придется сражаться против самого Николае Карпати.

— Иаков, ты не мог бы сообщить Стефану, что мне совершенно необходим этот ключ? Может, ему удастся как-то добраться сюда и передать его мне? Его ведь в округе все знают, и вряд ли кто-то заподозрит что-то неладное в том, что его вызвали на работу, пусть даже в такое время?

— Я попытаюсь. Но тогда о вашем секрете будут знать уже двое.

— А он сохранит все втайне?

— Полагаю, да. Но вот что о нас обоих по-
думает доктор Розенцвейг, выяснив, что мы
обо всем знали и ничего ему не сказали?

Бизон сперва подумал предложить со-
слаться на то, что члены Отряда Скорби им
угрожали. Но тут же с негодованием отказал-
ся от этой идеи, потому что врать и использо-
вать все средства в борьбе с Карпати и его
приспешниками было одно, а обманывать
того, кого они стремились сделать одним из
своих собратьев по вере, — совсем другое.
Взглянув на часы, Уильямс обнаружил, что
уже почти одиннадцать, а значит, у Стефа-
на не было ни единого шанса успеть вовремя
передать ключ.

— Иаков, а выломать ту дверь мы смо-
жем?

— Вам придется попотеть. Простите, ми-
стер Уильямс, мне действительно надо идти.

* * *

До Иерусалима им оставалось лететь око-
ло часа. Понимая, что они уже появились на
радарх диспетчерской аэропорта, Рэйфорд
привычно-небрежно связался с ним, назвал
тип и номера самолета, а о прочем его даже
не спросили.

— Расчетное время прибытия в Иеруса-
лим — полночь, цель — дозаправка, — со-
общил он.

— Принято, Гольф. Конец связи.

Рэйфорд позвонил Хлое.

— Ну, как там у вас?

— Не без проблем, но не буду утомлять тебя деталями. Следуйте намеченному плану. Так или иначе, в полпервого ночи мы будем ждать вас на крыше.

— Хочу поскорей увидаться с тобой, родная.

— Я тоже по тебе скучаю, папа. Если возникнут проблемы, я позвоню.

— Принято. Вертолетом управлять будет Кен, а я подожду вас в самолете.

* * *

Бизон осторожно постучал в дверь комнаты, где негромко, но, судя по интонациям, достаточно оживленно беседовали Бен-Иегуда с Розенцвейгом. Раввин одарил его крайне недовольным взглядом, дав понять, что он явился крайне не вовремя.

— Очень извиняюсь, но мне совершенно необходимо переговорить с тобой, Цион.

— Ничего страшного! — возразил Розенцвейг. — Мне как раз хотелось бы кое-что обдумать. Я оставляю вас ненадолго? Хочу узнать, не составит ли ваша жена мне завтра компанию по пути на Храмовую гору. Мы с Иаковом поедем чуть позже, чем остальные.

Он прошел мимо Бизона, улыбаясь, но, очевидно, думая о чем-то своем. Тот еще раз извинился перед Бен-Иегудой.

— Бизон, я понимаю, что время поджимает, но он так близок к тому, чтобы уверовать!

— Настолько, что мы можем ему довериться?

Уильямс рассказал ему про ситуацию с ключом.

Вдруг раввин схватил пульт и включил звук телевизора. На экране появилось лицо того самого гвардейца, который намеренно стрелял поверх головы Бизона, чтобы его не задеть. Под фотографией были указаны дата рождения и смерти.

— Его убили из-за меня, — только и смог выдавить из себя Бизон. В его горле как будто образовался комок, а к глазам подступили слезы.

— Зато ты спас мне жизнь, — возразил Цион. — Слава Господу, сейчас этот человек на небесах. Понимаю, как тебе тяжело. Я сам надеюсь, что смогу оставаться равнодушным к той высокой цене, которую нам приходится платить за нашу веру. Наши шансы остаться в живых невелики. И я не знаю, сколько Он отвел каждому из нас. Но боюсь, что если мы допустим, чтобы Карпати сегодня вечером убил, захватил или причинил вред кому-либо из нас, это причинит нашему делу непоправимый урон. Ты знаешь, что моя собственная жизнь меня теперь не слишком заботит. Моя семья на небесах, и я не могу дожидаться встречи с ними. Но я не верю, что Господь хочет, чтобы мы погибли бессмысленно. Нам слишком много еще предстоит сделать.

— Боюсь, выбора нет, и нам придется довериться Хаиму. Когда мы подъехали, он

спрашивал у привратника, включена ли система видеонаблюдения. Тот ответил, что обычно только до полуночи. Тогда Хаим попросил, чтобы ее оставили включенной на всю ночь.

Бизон испытал секундный приступ паники. Интересно, запечатлела ли камера его акробатические кульбиты прошлой ночью?

— Нам надо посвятить его в наш план, — предложил он. — Если его охранники увидят вертолет с гербом Мирового Сообщества, они наверняка растеряются.

— Именно эта неразбериха, Кэмерон, и позволит нам скрыться. Ведь они наверняка не станут стрелять в вертолет, который выглядит в точности как тот, на котором летает Карпати? Конечно, вскоре они сообразят позвонить, куда следует, тогда в Мировом Сообществе узнают, что мы позаимствовали один из их вертолетов.

— Но как нам рассказать обо всем Хаиму, чтобы он не воспринял это слишком близко к сердцу?

— Он был сегодня на собрании. Тебе бы стоило послушать, как он все воспринял. Поверь мне, он готов уверовать.

— Так что же его удерживает?

— Восхищение и любовь к Карпати.

Бизон аж фыркнул.

— Так давай расскажем ему, что Рэйфорда подслушал на борту «Кондора-216»?

— Обо мне?

— И о нем тоже!

— А он этому поверит?

— Это уже не ко мне вопрос. Но это определенно идет вразрез со всем тем, что он думает и знает о Карпати.

— Тоже правда.

* * *

Как и было запланировано, около полуночи Рэйфорд пересек границу воздушного пространства Израиля. Он связался с диспетчерской в аэропорту Бен Гурион в Тель-Авиве, чтобы подтвердить разрешение приземлиться в аэропорту Иерусалима для дозаправки.

— Давненько мне не было так страшно, — признался он.

— Правда? — притворно удивился Кен. — А для меня подобные встряски уже почти стали рутиной.

* * *

Розенцвейг вернулся вместе с Хлоей. Она была в пижаме и халате.

— Доктор Розенцвейг настаивал, чтобы я пошла спать ради ребенка, — смущенно посмотрев на мужа, сказала она. — Я не смогла с ним спорить. Пришла пожелать тебе спокойной ночи.

Бизон понимал, что она торопится вернуться в комнату, чтобы переодеться, но вслух произнес:

— Останься с нами на пару минут, дорогая. Нам надо кое-что сообщить Хаиму, и, возможно, понадобится, чтобы ты подтвердила мои слова.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Диспетчерская, это Гольфстрим Альфа Танго, прием.

— Слышу вас, Альфа Танго. Начинайте посадку.

Рэйфорд ввел координаты и мягко приземлился. В аэропорту, несмотря на поздний час, царило непривычное оживление. На вопрос пилота, чем вызвана подобная активность, ему сообщили, что во всем виноваты чартерные рейсы в Тель-Авив, заказанные разъезжающимися участниками мероприятия, проходившего на стадионе имени Тедди Коллека.

— Это ведь не мешает мне дозаправиться?

— Нет, Альфа. Путь свободен.

— Видишь вертолеты? — спросил Рэйфорд Кена, сосредоточив все внимание на выруливание по посадочной полосе.

— Один есть точно, — ответил тот. — У него на борту еще что-то написано.

— Хватит меня разыгрывать!

— Я и не начинал. Там действительно стоит вертолет с логотипом Мирового Сообщества, но всего один.

— Ох, не нравится мне это.

— С чего бы? Если бы возникли проблемы, Мак дал бы знать.

Рэйфорд покачал головой.

— Не хочу ему лишний раз звонить. Не факт, что он сможет ответить.

— Но ведь ему наверняка известно, где второй вертолет?

Аргумент подействовал, и Стил набрал номер друга.

— МакКаллам, — послышалось в трубке.

— Мак, это я! Что случилось?!

— А, сержант Фитцджеральд, здравствуйте. Докладывайте, конечно.

— Мы можем отправляться?

— Без промедления. Подтверждаю.

— Ты мне предлагаешь целиком тебе довериться?

— Конечно, сержант. Конец связи.

— Телефон возьми! — проорал Рэйфорд, пытаясь перекричать рев двигателей, заметив, что Кен уже открыл дверь самолета.

— А! Точно! — хлопнув себя по лбу, сказал Ритц и вытащил телефон из сумки. — Вы меня здесь уж не забудьте.

— Даже не надейся.

Больше всего Стил жалел, что у самолета не предусмотрено зеркало заднего вида, по-

этому он не мог убедиться, что Кен без приключений добрался до вертолета.

Никогда еще Розенцвейг не казался Бизону таким старым. Конечно, давала о себе знать усталость. Да и час был не самым ранним. Его лицо в ореоле растрепанных седых волос выглядело непривычно бледным и изнуренным.

Они во всех подробностях рассказали Хаиму все, что удалось подслушать Рэйфорду на борту самолета потентата. Больше всего доктора шокировало то, что его требование обеспечить безопасность Цiona после того самого разоблачительного выступления было открыто поднято на смех.

— Понимаете, — осторожно начала Хлоя, — вы первый человек не из нашего круга, который знает о подслушивающем устройстве на самолете. Наши жизни в ваших...

Розенцвейг только отмахнулся.

— Мне страшно подумать, что Николае, глядя мне в глаза, говорил одно, а поступил иначе. Умышленно лгал мне! Ведь он мог предотвратить убийство твоей семьи, Цион! Боже-боже-боже! Неужели я был так слеп? Я знаю, что ты пытался объяснить мне все это!

— Хаим, — мягко, но настойчиво оборвал его Бен-Иегуда, — мы еще продолжим наш разговор в переписке, по телефону или лич-

но, как будет на то Его воля, но сейчас нам необходимо уходить отсюда. Нам сообщили, что силы Мирового Сообщества планируют завтра организовать теракт на Храмовой горе, поэтому мы хотим оказаться как можно дальше от нее.

— Понимаю, — покорно отозвался Хаим, — Куда вас отвезти?

— Мы все уже организовали, — пояснил Бизон. — Через десять минут нам надо быть на крыше вашего дома.

— Конечно. Я вас прикрою. Даже не беспокойтесь.

Хлоя вышла, чтобы переодеться, в то время как Бизон разъяснил Хаиму суть проблемы с ключом.

— Ну, так выломайте ее, — устало сказал тот. — Инструменты в кладовке.

— Бизон! — крикнула Хлоя, вбегая в комнату. — Тебя показывают по телевизору! Быстрее включай звук!

— Представители миротворческих сил считают, что видеозапись позволяет установить личность человека, убившего сегодня гвардейца Мирового Сообщества после так называемого собрания свидетелей на стадионе Тедди Коллека. Его удалось опознать: это американец Кэмерон Уильямс, бывший сотрудник издательского департамента Мирового Сообщества. Сообщается, что Уильямс скрывается вместе с раввином Ционом Бен-Иегудой в доме нобелевского лауреата Хаима Розенцвейга. Далее верховный главнокомандующий Леон Фортунато заявил...

Услышав это, Розенцвейг решительно направился в кладовку, а Бизон с Ционом поспешили за ним. Уильямс первым достиг искомой двери, схватив молоток, лопату и цементный блок.

— А кувалды у вас нет? — спросил он.

— Если ты ее там не видишь, значит, ее нет, — отозвался Хаим. — Надо торопиться. Зазвонил домофон.

— Похоже, они уже здесь, — добавил он.

Видимо, звонил Иона, привратник, потому что говорили они на иврите, и Бизон разобрал только слова «Розенцвейг» и «Фортунато».

— Эй, принесите мне телефон, — распорядился Розенцвейг. — Я в дальнем коридоре.

Затем, обернувшись к раввину и Бизону, он знаком приказал им идти к двери, ведущей на крышу. Как только ему принесли радиотелефон, старик отпустил охранника и последовал за остальными, яростно артикулируя.

— Конечно, он здесь, Леон, — говорил Хаим. — И похоже, крепко спит. И не вздумай врываться ко мне в дом посреди ночи! Я даю тебе слово, что завтра утром он по-прежнему будет здесь. Тогда вы сможете его допросить. Более того, я сам приведу его к вам... Леон, это полная ерунда, и ты сам это знаешь. Он такой же подозреваемый в убийстве, как и я. Вашего человека пристрелили свои же... Вы нашли оружие убийства? Отпечатки пальцев? Проверьте пули, которые

убили того человека, и убедитесь, что они были выпущены из вашего оружия. Я знаком с мистером Уильямсом многие годы и ни разу не видел, чтобы он даже притрагивался к оружию. Предупреждаю тебя, Леон! Они мои гости, я и не подумаю их будить!.. Да, я тебя предупредил! Никакой ты мне не верховный главнокомандующий... Ты мне угрожаешь? Ты забыл, что я сделал для этой страны и, позволю себе сказать, для Николае?! Знаешь, что будет, если я всем расскажу про твои гестаповские методы и попытки врываться посреди ночи... Преступление? Ты обвиняешь меня в том, что я недостаточно уважительно с тобой разговариваю? Ты звонишь мне в полночь-заполночь! Требуешь, чтобы я задержал одного из моих гостей как подозреваемого в убийстве, и ждешь от меня уважительного к тебе отношения? Знаешь что, Леон, если ты лично явишься ко мне в приличное время, я, несомненно, позволю тебе встретиться с моими гостями... Что ж, я могу тебе обещать, что сегодня ночью я никого не впусти, кого бы ты ни послал.

Бизон жестами отчаянно пытался заставить Розенцвейга отойти, чтобы в трубке не было слышно грохота выламываемой двери. Когда тот наконец понял, чего от него хотят, и удалился, Бизон вставил раздвоенный конец молотка под верхнюю дверную петлю. Но это не помогло. К этому моменту Хлоя уже принесла сумки с их вещами и отправилась за чемоданом Циона.

Цион попытался поддеть язычок замка лопатой, но также не преуспел.

— Отойди-ка на секунду, — попросил Бизон.

С трудом подняв цементный блок у себя над головой и едва не потеряв равновесие, он обрушил его на дверь, так что она громко затрещала. Он очень надеялся, что пары подобных ударов хватит, чтобы ее выломать.

* * *

Когда Рэйфорд заправлялся, позвонил Кен.

— Лечу на место, — отчитался тот.

— Бог в помощь.

Он постоянно поглядывал на часы, борясь с искушением позвонить дочери, так чтобы быть с ней на связи, пока она не окажется на борту вертолета. И в то же время прекрасно понимал, что нельзя ее отвлекать. Отсутствие второго вертолета его изрядно беспокоило, ведь это могло означать все, что угодно. Успокаивало только подтверждение Мака, что все в порядке. И все же ему не терпелось узнать, где же второй борт.

* * *

— Выключите весь свет в доме! — проревел Бизон, высадив наконец дверь.

Ответом ему были поспешные щелчки выключателей. Хаим что-то сказал привратнику по интеркому на иврите.

— Что он там говорит? — спросила Хлоя, внезапно появившаяся из темноты, когда Бизон с Ционом стояли над разнесенной дверью.

У всех троих в руках было по внушительной сумке.

— Он попросил охрану никого не пускать внутрь, потому что все спят. Вряд ли это надолго задержит гвардейцев.

— Пошли, — сказал Уильямс. — Кажется, я слышу шум вертолета.

— Тебе показалось, — возразила его жена. — Думаю, это подъехали солдаты.

— У вас обоих паранойя, — прокомментировал Цион, перелезая через обломки двери.

— Милая, дай мне свою сумку, — предложил Бизон.

— Прекрати обращаться со мной как с ребенком!

— Но я беспокоюсь именно о ребенке! Пошли.

— Мы не простились с Хаимом!

— Думаю, он все поймет. Пошли быстрее!

Когда она уже перелезала через дверь, вернулся Хаим.

— Жду вестей от привратника, — прошептал он. — Машины Мирового Сообщества только что подъехали.

Бизон обернулся к нему и крепко обнял:

— За всех нас...

— Знаю, — отозвался Хаим. — Мне очень жаль, что все так получилось. Дайте мне знать, когда будете в безопасности.

* * *

Рэйфорд чувствовал нервное покалывание по всему телу. Заправившись и расплатившись карточкой Ритца, он отогнал «гольфстрим» подальше от центра, расположившись ярдах в двухстах от того места, где согласно договоренности должен приземлиться Кен. Со своей позиции он без труда сможет увидеть вертолет и подрулить к нему.

Зазвонел мобильный.

— Рэйфорд, это Мак. Наконец-то я один. Молчи и слушай. Леон по собственной инициативе вызвал одного из моих людей из Хайфы и куда-то вылетел с ним на вертолете. Там что-то случилось в районе стадиона, поэтому они не рискнули задействовать меня: мне завтра везти Карпати обратно в Новый Вавилон. Я предполагал, они вернутся до вашего прибытия, но, видимо, этого не произошло. Когда ты звонил, я этого не понял и, как оказалось, дал добро взять борт один. Да, твой друг сейчас в вертолете Карпати, но никто ни о чем не догадается, если он все сделает быстро. Когда ты позвонил, я был в машине с Фортунато, поэтому пришлось шифроваться.

А теперь о главном. Леон отправил к дому Розенцвейга пару машин с гвардейца-

ми, чтобы арестовать Бизона по какому-то ложному обвинению. Сам слышал, как они обсуждали, что доказательства сфабрикованы. Они предполагают, что старик никого не впустит и что наши попробуют сбежать. Поэтому Леон распорядился, чтобы вертолет освещал окрестное пространство с воздуха. Увидев второй вертолет в небе, он наверняка предположит, что это я, пока не убедится в обратном.

Я помогу, чем смогу, Рэй, чтобы отвлечь их, и постараюсь себя не выдать. Просто хотел сообщить тебе, что происходит. У меня есть еще пара секунд на случай, если ты хочешь о чем-то меня спросить.

— Спасибо, Мак. Хорошо, что нас не могут подслушать. У них есть оружие?

— Да, у двоих.

— Что делать Кену, если он с ними все-таки столкнется?

— Косить под дурака, как будто ему положено быть там, и уклоняться от контакта, насколько это будет возможно. К сожалению, мой второй пилот знает, что я не должен быть в воздухе.

— Ясно, тогда давай на этом закончим, а то вдруг мне позвонит Кен.

* * *

— Похоже, мы оба были правы, — шепотом произнесла Хлоя, как только они выбрались на крышу.

Ночь была прохладной. Возле ворот особняка стояли две машины Мирового Сообщества, а зависший в небе вертолет освещал пространство вокруг дома.

— Неужели Кен не знает, где мы?

— Быть того не может, — отозвался Бизон. — Но если мы попробуем подать ему какой-то знак, нас сразу заметят те ребята внизу. Ну что же ты, Кен! Мы же здесь!

И вдруг прямо справа от них на крышу приземлился личный вертолет Карпати, так что мощный поток воздуха разметал их волосы и полы одежды. Дверь открыл Кен.

— Залезайте, живо! — крикнул он.

Бизон закинул внутрь сумки и помог вскарабкаться Хлое. Он не решился взглянуть вниз на гвардейцев, чтобы оценить их реакцию.

Когда они с Ционом забрались на борт, Кен разговаривал по телефону.

— Рэй, мы тут не одни! Двое внизу, один в воздухе!.. Хорошо, влетаю!

Кен резко поднялся в воздух и пошел на север.

Цион, Бизон и Хлоя прижались друг к другу, держась за руки, и стали негромко молиться. Журналист гадал, как быстро находящиеся на земле сообразят связаться с пилотом второго вертолета. Оказалось, через три минуты. Кен в это время уже на полной скорости летел по направлению к иерусалимскому аэропорту. По радио прозвучал экстренный вызов:

— Борт один вызывает борт два, прием.

Кен буквально орал в трубку, чтобы перекрыть оглушительный шум винта:

— Не беспокойся, Рэй. Я не буду отвечать ему. И вообще я думал, что это мы борт два... Потом расскажешь. Мы в пути... Голос Мака? Но как?! Я с ним общался один раз и то по телефону... Хорошо, я попробую! Скорость у нас хорошая, будь наготове!

— Борт два борту один, прием!

— Слышу вас, второй, — отозвался Кен, пытаясь имитировать шотландский акцент.

— Не знал, что вы в воздухе, капитан.

— Принято, второй. — Кен отвечал, щелкая по микрофону. — Плохая... связь... прием?

— Повторите, капитан.

В их общение вклинился чей-то безумный голос:

— МакКаллам на базе! Борт два! Он здесь, у нас! Выясните, кто там на борту один?!

— Борт два борту один, назовите себя, прием.

Кен растерялся.

— Назовите себя, первый. Иначе вас обвинят в воздушном пиратстве!

— Говорит первый, слушаю вас.

— Пилот, назовите себя.

— Проблемы со связью, повторите.

Все услышали, как выругался пилот второго вертолета.

— Я требую, чтобы вы немедленно сели и сдались, первый.

— Следую в Тель-Авив, второй. Увидимся там.

— Отставить! Садитесь в аэропорту Иерусалима и оставайтесь на борту!

— Отставить, второй. Увидимся в Бен Гурионе.

Борт два запросил помощи у всех воздушных судов, находящихся в секторе.

— И что теперь? — спросил Бизон.

— Выключим огни и уменьшим высоту, — невозмутимо ответил Кен.

— Но ведь мы не будем садиться?

— Нет, конечно, полетим прямо над линией электропередачи, — пояснил Кен. — Так чтобы находиться за пределами радиуса действия их радаров.

— Думаешь, получится?

— Зависит от того, где он находился, когда первый раз связался с нами. Если рядом с домом Хаима — тогда мы намного опередили его. Не думаю, что он полетит с той же скоростью, что и мы, да еще на такой высоте. Конечно, он сообразит, что мы направляемся не в Бен Гурион. Как только нас кто-нибудь заметит, он явится и будет преследовать нас до самого аэропорта. Так что особо не рассчитывайте, что будет время зайти в туалет или перекусить.

Рэйфорд сидел в самолете рядом со взлетно-посадочной полосой, слушая обмен сообщениями по радио и борясь с искушением позвонить Кену, чтобы подсказать, как

следует действовать. Он внушал себе, что если тот сам не сообразил спуститься пониже и на всей скорости гнать в аэропорт, никакие советы ему не помогут.

Внезапно он услышал сообщение, что кто-то заметил низко летящий вертолет Мирowego Сообщества с выключенными огнями.

— Второй преследует нарушителя. Первый, вы нарушаете международные законы воздушного сообщения, потому что на высокой скорости летите с выключенными огнями на малой высоте и незаконно используете летательный аппарат, принадлежащий государству. Немедленно проследуйте в аэропорт Иерусалима и не покидайте борт воздушного судна, или вы понесете заслуженное наказание.

Персонал аэропорта засуетился, на взлетно-посадочной полосе появились машины скорой помощи.

— Внимание, внимание, аэропорт Иерусалима временно закрыт из-за чрезвычайной ситуации. Все взлеты и посадки временно откладываются до следующего уведомления. Сессна Икс Браво, прием?

— Принято.

— Пайпер Два Девять Чарли Альфа?

— Принято.

— Гольфстрим Альфа Танго?

— Принято, — отозвался Рэйфорд, но радио не выключил. Он очень надеялся, что Кен сообразит, почему он вроде бы так неудачно выбрал место стоянки самолета. Отсюда он мог взлететь без необходимых формальностей против привычного направления.

И тут появился вертолет. Очевидно, что времени на телефонные разговоры у Кена не было, а радио не подходило тем более. Капитан Стил проверил двигатели: все было готово к взлету.

Кен начал снижаться в запланированном месте.

— Я вижу «гольфстрим»! — крикнул Бизон. — Но сюда едут полицейские машины!

Кен дал задний ход и приземлился рядом с Рэйфордом. Дверь «гольфстрима» была опущена. Бизон, Хлоя и Цион уже приготовились выпрыгнуть из вертолета, когда Кен крикнул:

— Стойте! Если они увидят, как мы забираемся в «гольфстрим», они не позволят ему взлететь! Я поиграю с ними в кошки-мышки, так чтобы они не сообразили, что Рэйфорд с нами заодно!

Когда машины подъехали, Кен поднял вертолет, зависнув над тем местом, где приземлился ярдях в двухстах от самолета Рэйфорда.

— Немедленно садитесь, борт один! — потребовало радио уже знакомым голосом помощника Мака. — И не покидайте борт вертолета. Повторяю, оставайтесь на борту!

Кен приземлился, но оставил винт включенным, несмотря на приближающиеся к нему полицейские машины.

— Выключите двигатель, первый! — разрывалось радио.

У них на глазах второй вертолет начал снижаться так, чтобы оказаться между ними и самолетом.

— Постарайтесь, чтобы вас не заметили, и забудьте о багаже, — сказал Кен. — Как только я подберусь поближе, бегите к «гольфстриму» что есть мочи.

— Но ведь это безнадежно! — запаниковала Хлоя. — Как же мы это сделаем?!

— Пока дышу, надеюсь, — ответил Кен.

Рэйфорд наблюдал за происходящим через ветровое стекло, каждую минуту ожидая, что Кен и оставшиеся члены его семьи будут окружены гвардейцами Мирового Сообщества. Он знал, что они ни за что не станут подвергать опасности его. И все же неужели он так и будет просто сидеть и ждать, пока ему не разрешат взлететь? Он мучительно жаждал сделать хоть что-нибудь.

Кен действительно оказался удивительно находчивым парнем. То, что он не выключил винт, это подтверждало. Что он задумал? Хочет заставить второго еще за ним погоняться? Но это же было безнадежно!

— Первый, выключите двигатель! — приказывали ему. — Вы окружены!

Второй вертолет приземлился в тридцати футах от Кена, также оставив винт включенным. Рэйфорд со смешанным чувством удивления и восхищения наблюдал, как Кен поднял вертолет в воздух вертикально вверх, а затем

как будто упал, направив нос на «гольфстрим». Он приземлился под таким углом, что вертолет по инерции проскользил еще несколько десятков футов и остановился прямо перед распахнутой дверью самолета.

— Бегом! — скомандовал Кен. — Быстро!

Он открыл дверь, как если бы это случилось из-за инерции, и вытолкнул Бизона из вертолета. Тот задержался на земле, чтобы поймать Циона. Раввин немедленно забрался в самолет и стал наготове, чтобы закрыть дверь. Бизон был мысленно благодарен Кену за то, что с Хлоей тот обращался гораздо нежнее.

— Забирайтесь на борт! — орал Кен. — Цион держит дверь!

Рэйфорд с ужасом наблюдал, как к ним приближается целый эскорт машин. Надо было скорее взлетать. Он был уверен, что в центре управления полетами ничего не знали про людей, которые забирались сейчас в его самолет, он включил радио и произнес:

— Гольф Альфа Танго, прошу разрешения покинуть зону чрезвычайной ситуации.

— Подтверждаю, Гольф. Только не попадайтесь на пути машин службы безопасности.

Он начал разгоняться, хотя знал, что на борт успели подняться всего двое. Самолет как будто стонал и жаловался, медленно про-

двигаясь вперед, оставляя вертолет позади, а открытая дверь, искря, терлась о землю. Рэйфорд не мог улететь, пока все не будут в самолете, но ему неизбежно придется закрыть дверь перед тем, как набирать высоту.

Перед мысленным взором Бизона проносилось множество образов, но он был на удивление спокоен. Ему почему-то вспомнилось, как его подстрелили в Египте, когда они с Ционом забирались на борт самолета Кена. Обернувшись, чтобы ухватиться за дверь взлетающего самолета, он заметил, что к ним бегут гвардейцы, прицеливаясь на ходу.

Увидев вылезающего Кена, он заорал что есть мочи:

— Кен! Скорее!

Сам Бизон поскорее подтянул ноги, а их героический друг изо всех сил мчался к самолету, такой длинноногий и нескладный. «Гольфстрим» набирал обороты, так что Уильямс на себе почувствовал воздействие ускорения. Когда он обернулся, лицо Кена, исполненное отчаянной решимости, находилось всего в нескольких сантиметрах от него.

Бизон уже готов был подняться, чтобы уступить ему место, когда лоб Ритца внезапно как будто взорвался. Пуля, убившая его, снесла журналисту ухо, хотя тот успел только почувствовать жар и запах металла, а все его лицо было забрызгано кровью Ритца.

Бизон навсегда запомнил его глаза, расширившиеся и пустые, а затем потерял его из виду.

Самолет уносил его все дальше и дальше. Задыхаясь от слез и крика, Бизон не заметил, как его рука зацепилась за механизм, обеспечивающий закрывание двери самолета. Ему мучительно хотелось спрыгнуть, побежать туда к Кену, убить кого-нибудь, хотя он понимал, что был безоружен, да и Кен умер еще до того, как его тело коснулось земли. Несмотря на застилавшие разум Бизона боль, гнев и ужас, его инстинкт самосохранения сработал безотказно.

«Гольфстрим» двигался уже настолько быстро, что Бизон не мог поспевать за ним. Цион, насколько мог, наклонился вперед, чтобы поднять дверь и его вместе с ней. Но чем больше он тянул, тем сильнее зажимало руку Бизона. Вскоре к Циону присоединилась Хлоя, она плакала и что-то кричала, так что он всерьез забеспокоился за их еще не рожденного ребенка.

Бизон подтянул ноги, чтобы не стереть подметки ботинок вместе с кожей. Самолет постепенно набрал скорость, необходимую для взлета, но дверь по-прежнему была открыта, потому что Бизон блокировал подъемный механизм. Выбора не оставалось: либо Бизон должен попасть в кабину, либо Рэйфорду придется сбросить газ и приземлиться.

Бизон попробовал рывком забросить ноги наверх, чтобы зацепиться за дно кабины, но

не смог сопротивляться ветру и силе инерции. Он висел практически горизонтально, чувствуя, как изменилась вибрация обшивки самолета, как только колеса оторвались от земли. Несмотря на ветер и летящий в лицо песок, он увидел, что Рэйфорду предстоит перелететь через десятифутовый забор, который ограничивал взлетно-посадочную полосу.

Самолет прошел над самой верхушкой забора, так что Бизону показалось, что выпрями он ногу, то непременно бы его коснулся. Одно было понятно наверняка: теперь, когда самолет в воздухе, забраться в него он точно не сможет. Дверь закрывалась автоматически. А значит, рано или поздно ему либо оторвет руку, и он неизбежно упадет и разобьется, либо есть шанс рискнуть и прыгнуть вниз в заросли за забором, пока еще не слишком высоко.

Ему пришлось порядком повозиться, чтобы высвободить свой зажатый локоть. Последнее, что он увидел перед тем, как начал стремительно падать, были искаженные ужасом лица его жены и раввина. В итоге, весь в изорванной одежде и крови, он упал на какой-то огромный куст.

Его буквально колотило, он опасался, как бы не впасть в состояние шока. Услышав, как «гольфстрим» разворачивается в воздухе, он понял, что это Хлоя заставила отца вернуться за ним. Но отправляться на его поиски было равносильно смерти! Кен уже погиб. На сегодня этого более чем достаточно.

Преодолевая боль, он высвободился из веток, осознав, что ему необходима медицинская помощь. Встав, он понял, что, кажется, ничего не сломал. Ночь была на удивление холодной. Почувствовав тяжесть в одном из карманов, Бизон, к огромному удивлению, обнаружил, что его мобильный каким-то чудом не выпал и пережил падение.

Дрожащими руками открывая телефон, он не верил собственному везению. Экран ожил, и Бизон набрал номер Рэйфорда.

— Мак? — услышал он. — У нас тут проблемы, нужна помощь!

— Это не Мак, — отозвался Бизон, голос звучал непривычно хрипло. — Это я, и со мной все в порядке. Улетайте, я потом к вам присоединюсь.

* * *

Рэйфорду показалось, что это какая-то шутка. Только что он был уверен, что убил собственного зятя.

— Это точно ты? — спросил он.

Хлоя, которая была на грани истерики, вырвала у отца телефон:

— Бизон! Где ты?

— В каких-то кустах недалеко от забора! Не думаю, что меня кто-то заметил, дорогая. Сюда вроде никто не торопится. Если они и видели, как я направляюсь к самолету, то, должно быть, решили, что я улечу вместе с вами.

Аваддон

— Но как тебе удалось выжить?

— Понятия не имею! С вами все в порядке?

— В порядке ли я? О да! Пару секунд назад я считала себя вдовой! Кен с тобой?

— Нет.

— Боже, нет! Неужели его схватили?

— Он погиб, Хлоя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рэйфорд решил лететь на север, рассудив, что в Мировом Сообществе, скорее всего, решат, что они направятся на запад.

— Цион, покопайся в вещах Кена, ищи любое упоминание о его друге в Греции. Он говорил, что в случае необходимости мы можем остановиться там или в Турции.

Цион с Хлоей взяли за летную сумку Кена.

— Господи, какой ужас, — с болью в голосе произнес Цион. — Ведь этот человек спас мне жизнь! За мою голову была объявлена награда, а он не побоялся вывезти меня из страны.

Сам Рэйфорд с трудом мог говорить. Они с Кеном быстро поладили и мгновенно подружились. Благодаря совместным полетам он, наверное, провел с ним больше времени, чем все остальные члены Отряда, за исклю-

чением разве что Бизона. Незначительная разница в возрасте также способствовала их взаимопониманию. И хотя умом Рэйфорд понимал, что смерть и насилие — всего лишь цена, которую все они платят за жизнь в это ужасное время, но все равно не мог привыкнуть к шоку и горечи от потерь. Он начинал сходить с ума, когда пытался себе представить, скольких дорогих людей он потерял с момента Восхищения — сначала Ирэн и сына, потом Брюса, Лоретту, Донни и Аманду, его вторую жену... И этот список постоянно рос.

Он убеждал себя, что Кен сейчас в лучшем из миров, но на поверку это звучало слишком банально, чтобы поверить. И все же ему надо было заставить себя поверить, что это действительно так, что для Кена, наконец, эта пытка окончилась и это он, Рэйфорд, страдает от горечи потери.

День был длинным, и Рэйфорд чудовищно устал. Предполагалось, что на обратном пути управлять самолетом будет Кен. Но выбора не было.

— О боже, что это? — удивилась Хлоя. — Тут какие-то списки, идеи, бизнес-планы...

— Я вам позже объясню, — ответил Рэйфорд. — Кен был настоящим бизнесменом.

— И похоже, превосходным, — отозвался Цион. — Никогда бы не предположил, что он настолько талантлив. Здесь есть отличная программа выживания для верующих.

— А имена? Или что-нибудь похожее на адрес в Греции? В любом случае я направля-

юсь туда. Потому что куда-либо дальше мне вряд ли удастся долететь.

— А нам нельзя приземляться, не имея связей среди местных?

— Ну, скажем, нам лучше этого не делать.

— Может, обратиться к Маку?

— Если бы он мог говорить, то давно позвонил бы. Наверняка его заподозрят в связи с этим происшествием, так что давайте молиться, чтобы ему удалось выйти сухим из воды.

* * *

Бизон, как мог, осмотрел себя. На щеках были глубокие царапины, но они почти не кровоточили. Большой палец правой руки был сильно вывихнут. Хуже всего было то, что он не мог остановить кровь из левого уха, которое наполовину снесла пуля, убившая Кена. На автомате он стянул с себя рубашку и майку. Надев рубашку обратно, вытер майкой лицо и приложил ее в кровоточащему уху. Он попытался представить, как выглядит со стороны, получилось плохо, поэтому он молился, чтобы это не было настолько жутко, чтобы отпугнуть тех, кто потенциально мог ему помочь.

Он вернулся обратно к взлетно-посадочной полосе, но к забору подойти не рискнул. Хотя вроде никто не проявлял никакого интереса к этому участку леса, любое движение на фоне забора могло привлечь

ненужное внимание. Бизон ненадолго присел, опершись на ствол дерева, чтобы перевести дыхание. Колени, лодыжки и правый локоть саднили. Правым боком он, похоже, упал в какой-то колючий кустарник. Открыв мобильный, Бизон безуспешно попытался разглядеть собственное отражение в его освещенном экране. Голени пронзала боль, и, закатав брюки, он обнаружил, что они сильно кровоточат. Все тело ныло, но все же ему невероятно повезло. Он был жив, у него был работающий мобильный, и он мог ходить.

* * *

— Похоже, мы что-то нашли, — сказал Цион.

Краем глаза Рэйфорд увидел, как раввин указывает Хлое на какой-то номер в телефонной книге.

— Похоже на греческий. Пап, что ты думаешь? Здесь номер какого-то Лукаса Миклоса, по прозвищу Ласлос.

— Откуда?

— Не написано.

— Есть какие-нибудь еще пояснения? Это друг или деловой партнер?

— Только номер телефона. Попробую его набрать.

— погоди, — остановил ее Цион. — Рядом с его именем нарисована звездочка и стрелка, указывающая на слово «лигнит». Понятия не имею, что это такое.

— Я тоже, — отозвался Рэйфорд. — Похоже на название какого-то минерала или чего-то в этом роде. Позвони ему, дочка. Если нам придется приземляться в Греции, у меня осталось всего несколько минут до того, как начинать идти на посадку.

* * *

Бизон не смог вспомнить, как звали тещу Иакова, а фамилии Стефана он и вовсе не знал. К Хаиму он ехать не хотел, потому что у него в доме наверняка было полно солдат. Он брел в темноте, стараясь оставаться в тени, и, сделав огромный крюк, вышел на шоссе, ведущее к аэропорту. Здесь вполне можно было попробовать поймать машину. Так как ехать ему особо было некуда, он решил отправиться к Стене Плача. Карпати потребовал, чтобы Эли и Моше покинули это место по окончании собрания свидетелей, а значит, Бизон непременно найдет их там.

* * *

— Алло, здравствуйте, мэм, — начала Хлоя. — Вы говорите по-английски? Английский!.. Извините, я не понимаю. У вас там... — Она прикрыла трубку ладонью. — Кажется, я ее разбудила. И напугала. Она пошла звать кого-то. Похоже, его тоже приходит-

ся будить. Да! Алло! Сэр?.. Вы мистер Миклос?.. Вы говорите по-английски?.. Плохо? Вы понимаете меня?... Отлично! Простите, что разбудила вас, я знакомая Кена Ритца из Америки! — Оторвавшись от трубки Хлоя пояснила: — Он знает Кена!

Хлоя спросила, где он живет, есть ли там аэропорт и не могли бы они приземлиться там и заехать к нему, чтобы поговорить о Кене. Через несколько минут Рэйфорд уже связывался с диспетчерской в Птолемаиде в Северной Греции.

— Македония, — с облегчением произнес Цион. — Слава богу.

— Мы еще не в безопасности, — предупредил его пилот. — Мы ведь полагаемся на доброту совершенно не знакомого нам человека.

* * *

Впервые в жизни Бизон был рад, что в качестве единой валюты Мировым Сообществом был выбран доллар. Наличности у него при себе было достаточно, а это лучший способ отвести любопытные взгляды и убедить людей не болтать. А где-то в бумажнике лежало фальшивое удостоверение личности... Правда, если его будут обыскивать, то неизбежно обнаружат и настоящее.

— Мистер Миклос очень подозрителен, — сообщила Хлоя. — Но, кажется, мне удалось его убедить, что мы друзья Кена, он объяснил мне, что нужно сказать диспетчерской. Передай, что ты «леарджет» Фокстрот Фокстрот Зулу. Это самолет одного из его клиентов. Оказывается, мистер Миклос владеет горнодобывающей компанией. Он встретит нас в аэропорту.

— Но «гольф» совсем не похож на «леар», — возразил Рэйфорд.

— Мистер Миклос уверен, что никто не обратит на это внимания.

Добравшись до шоссе, Бизон с интересом обнаружил, что там полно машин. Похоже, участники собрания все еще покидали Иерусалим. А судя по отлетающим самолетам, аэропорт снова открыли. Никаких заграждений на дороге он не заметил. Значит, в Мировом Сообществе решили, что он успел подняться на борт самолета.

Он направился по той стороне шоссе, что вела к Иерусалиму и выглядела менее загруженной. Постаравшись выпрямиться и выглядеть лучше, чем на самом деле себя чувствовал, Бизон начал махать майкой, пытаясь привлечь внимание такси, возвращавшихся из аэропорта, надеясь, что кровь не

так заметна. Наконец, четвертая по счету машина затормозила, разбрасывая придорожный гравий, рядом с незадачливым авто-стопщиком.

— Деньги-то у тебя есть? — поинтересовался таксист, прежде чем открывать дверь.

— Конечно.

— В эту сторону обычно пешеходы не попадают, ты первый, которого я вижу за последние месяцы.

— Пропустил автобус, — парировал Бизон, залезая в машину.

— Похоже, ты где-то порезался?

— Все в порядке. Налетел на колючий кустарник.

— По тебе видно.

— Ты австралиец?

— Как ты догадался? Кстати, куда едем?

— К Стене Плача.

— Да туда сегодня не подберешься ближе чем на полмили.

— Чего так?

— Такое творится... Ты ведь слышал о тех двоих...

— Да, и что?

— Они там.

— И что?..

— Но их же не должно быть там.

— Ну, вроде да.

— Говорят, потентат все еще в Иерусалиме, но не у Стены, нет. А там собралась огромная толпа вооруженных людей. Не только военные, но и даже гражданские. Настоящее столпотворение. Должен ска-

зять, я считаю Карпати великим человеком, но все же понимаю, что предлагать награду за головы этих двоих было не слишком мудро.

— Почему?

— Ну, ты сам подумай. Сегодня ночью кто-нибудь наверняка попытается их убить, чтобы стать вроде как национальным героем. Военные или там гражданские. Каковы шансы, что они там в неразберихе не перестреляют друг друга?

— Думаешь, тех двоих сегодня убьют?

— Все к тому идет. Они засели, где обычно, против них ополчился весь город, потому что они взяли на себя ответственность за превращение воды в кровь и засуху. Как будто это повод для гордости! Эти вроде как пророки, конечно, убили многих из тех, кто пытался на них напасть, но сейчас у них нет никаких шансов. Сидят себе за ограждением, как мишень на стрельбище.

— Готов спорить, что завтра утром они будут там же, живые и невредимые.

— Да ну брось.

— Если так и будет, сделаешь мне одолжение?

— Смотря какое.

— Если я окажусь прав, ты признаешь, что это просто сверхъестественно...

— Это уже точно!

— Так что ты найдешь Библию и прочтешь Книгу Откровения.

— А, так ты один из них?

— Них?

— Ну, этих, с собрания. Я сегодня раза три точно возил их в аэропорт, и все они пытались меня обратить в свою веру. Ты тоже попытаешься меня спасти, дружище?

— Нет, спасти тебя за пределами моих возможностей. Но я не могу понять, как ты, такой наблюдательный, до сих пор не обратил внимания на кары Господни.

— Не могу отрицать, что происходит нечто странное. Но я столько всего натворил, что Господь вряд ли окажется ко мне благосклонен, если ты понимаешь, о чем я. Опять же мне и так неплохо платят.

— Больше, чем стоит твоя душа?

— Возможно. Вот что я тебе скажу, если те двое на утро окажутся живыми и здоровыми, я сделаю так, как ты просишь.

— У тебя есть Библия?

— Я же говорил, что возил сегодня таких, как ты. Так что у меня есть целых три Библии. Хочешь предложить мне четвертую?

— Нет, но я бы с удовольствием воспользовался одной из твоих, если тебе не жалко.

— Я бизнесмен, парень. Готов тебе продать одну по сходной цене.

* * *

Рэйфорд поставил самолет в дальней части аэродрома рядом с другими подобными, и они втроем осторожно направились к полупустому зданию терминала. За каждым их движением с опаской наблюдала пожилая

пара. Невысокий, коренастый мужчина с копной темных кудрявых волос и полноватая женщина с платком на голове, прикрывающим бигуди.

Обменявшись робкими рукопожатиями, Лукас Миклос спросил:

— Вам мое имя сказал Кен Ритц?

— Мы нашли ваше имя в его записной книжке, — пояснил Рэйфорд.

Миклос вздрогнул и чуть отступил назад.

— Откуда мне знать, что вы с ним знакомы?

— Боюсь, что у нас для вас плохие новости.

— До того, как вы расскажете мне свои новости, я должен удостовериться, что могу вам доверять. Расскажите мне о Кене что-нибудь, что знали только его друзья.

Рэйфорд взглянул на товарищей и произнес:

— Бывший военный, наемный пилот, многие годы владел собственной авиакомпанией, совершавшей чартерные рейсы. Высокого роста, за пятьдесят.

— Вы знаете, что он работал на одного из моих поставщиков, когда я только начал заниматься обслуживанием электростанций?

— Нет, этого он не упоминал.

— Он никогда не называл меня?

— Не по имени. Он говорил, что в Греции у него есть надежный друг, у которого можно остановиться на пути из Штатов.

— На пути куда?

— В Израиль.

— А зачем вам было туда нужно?

— На собрание свидетелей.

Миклос с женой переглянулись.

— Вы верующие?

Рэйфорд кивнул.

— Повернитесь к свету.

Рэйфорд сделал, как он просил.

Миклос внимательно посмотрел на него, потом на жену и, повернув лицо так, чтобы его хорошо было видно, убрал волосы со лба.

— Вы же не хотите сказать, что с вами тот самый доктор Бен-Иегуда?

— Это именно он.

— Боже мой! — воскликнул Миклос, падая на колени прямо на кафельный пол. Он исступленно схватил обеими руками ладонь Бен-Иегуды и поцеловал, а его жена поднесла руки к лицу и закрыла глаза. Ее трясло, как будто от беззвучных рыданий. — Мне сразу показалось, что вы очень похожи на того, кого я видел по телевизору, но я просто поверить не могу, что это действительно вы?!

— Полно, полно, — успокаивал его раввин. — Я тоже очень рад встрече с вами, но, боюсь, у нас для вас плохие новости о нашем брате Кене.

* * *

Предприимчивый таксист остановил машину в каком-то переулке за ночным клубом. Его встретил вышибала. До того, как

громила успел что-то произнести, водитель затараторил:

— Это не коп, Сталлион, и внутрь он тоже заходить не будет. Добудь ему какой-нибудь тюрбан и шарф, я потом тебе заплачу.

Сталлион схватил австралийца за горло.

— Я тебя прирежу, переросток, — прохрипел тот. — Дай мне какую-нибудь одежду, и я уберусь отсюда.

Минутой позже Сталлион просунул какое-то тряпье Бизону через окно заднего сиденья, попутно сделав угрожающий жест таксисту.

— Я вернусь, обещаю, — заверил тот. — Я ведь твой должник.

Бизон замотал голову арафаткой так, чтобы не было видно ни ушей, ни шеи, а если он наклонял голову, то и лица.

— Откуда он это взял?

— Ты действительно хочешь знать?

— Похоже, какой-нибудь пьяница на утро сильно удивится.

Ухо Бизона наконец перестало кровоточить, но он понимал, что нуждается в медицинской помощи.

— Не знаешь, где мне могут продезинфицировать раны и наложить пару швов без лишних вопросов?

— Деньги — отличный способ ответить на все вопросы.

В три часа ночи австралиец подвез Бизона так близко, как мог, к Стене Плача, и они, наконец, расстались. Бизон щедро ему заплатил.

— За поездку, за Библию и за одежду, — пояснил он.

— А как на счет медицинской помощи?

И хотя Бизон уже дал денег врачу в какой-то подпольной клинике, он все же решил, что проводник заслужил пару лишних долларов.

— Спасибо, друг. Я сдержу свое обещание. Буду внимательно следить за новостями. Но я не удивлюсь, если твои лжепророки уже мертвы.

* * *

У Миклоса был превосходный автомобиль и роскошный дом, уже восстановленный после землетрясения. Он чуть ли не умолял членов Отряда задержаться на неделю, но Рэйфорд твердо дал понять, что им нужно всего лишь передохнуть и завтра вечером они должны отправиться дальше.

— Кен ведь не знал, что вы верующий?

Миклос кивнул. Его жена собиралась отправиться спать, и Рэйфорд с Ционом встали, чтобы пожелать ей спокойной ночи, а она только робко улыбалась и кланялась в ответ.

— Она занимается всей бумажной работой, — пояснил Миклос. — Ей вставать раньше меня. — Он откинулся в кресле. — Кен писал мне о том, что с ним произошло. Мы решили было, что он сошел с ума. Я знал, что режим Карпати не одобряет теории о Восхищении Церкви и Апокалипсисе. Что

скрывать, благодаря Мировому Сообществу мой бизнес процветает, так что мне не хотелось иметь ничего общего с его врагами.

— Вы активно сотрудничали с Мировым Сообществом?

— Да, и до сих пор продолжаю. У меня нет никаких угрызений совести по поводу использования денег врага. Они закупают огромное количество энергетического угля для своих тепловых электростанций. Кен всегда говорил, что здесь у нас в Птолемиаде бурый уголь растет на деревьях. Хотел бы я, чтобы это действительно было так! Но в чем-то он прав. Угля здесь достаточно, и я один из крупнейших поставщиков.

— Почему вы не рассказали Кену, что стали одним из нас?

— Потому что, мистер Стил, это случилось буквально вчера, когда я смотрел выступление доктора Бен-Иегуды по телевизору. Нам не удалось связаться с Кеном по телефону, поэтому я послал ему сообщение по электронной почте. Жаль, что он его так и не успел прочесть.

* * *

Бизон хотел подобраться к Свидетелям как можно ближе, но в конечном итоге ему все-таки пришлось проталкиваться сквозь толпу. Никто не осмеливался подойти к

Эли и Моше ближе чем на двести футов, даже гражданские, не говоря о гвардейцах Мирового Сообщества. У большинства было оружие, и атмосфера была крайне напряженной.

В темноте, пробираясь сквозь толпу, не смотря на всю ругань и болезненные пинки, Бизон чувствовал себя почти в полной безопасности. Время от времени, поднявшись на цыпочки, он даже мог видеть Эли с Моше, освещенных телевизионными софитами. Не пользуясь никакими техническими средствами, они говорили так, что их было слышно повсюду.

— Где царь мира сего? — вопрошал Эли. — Где восседающий на троне? Люди Израиля, змии, порождения ехиднины, оскорбляющие Господа вашего жертвоприношениями животных. Вы поклоняетесь врагу Господа, который бросил вызов Ему! Господь, который избавлял меня от льва и медведя, избавит меня и от руки обманщика.

Толпа смеялась в ответ, но все оставались на своих местах. Уильямс продолжил пробираться вперед, и хотя каждый шаг давался ему крайне болезненно, он пытался оказаться как можно ближе к Господним посланникам. По мере его продвижения толпа становилась все менее враждебной и более осмотрительной.

— Осторожней, парень, — говорили ему. — Осторожней! Не подходи слишком близко, у них там спрятаны огнеметы.

Возможно, в другое время Бизон считал бы эти предупреждения смешными, а поведение Свидетелей вдохновляющим, но смерть Кена оказалась слишком тяжелым испытанием для него. Он по инерции вытер лицо, как если бы на нем по-прежнему была кровь Кена, и случайно задел свежие швы. Больно было до слез.

Тут заговорил Моше:

— Слуга Сатаны идет против меня с мечом и копьем и щитом. А мы идем против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств Израильских, которые ты поносил. У тебя нет власти над нами, пока не придет положенный срок.

Толпа ответила свистом, неодобрением и криками:

— Убейте их! Пристрелите! Ракетами их! Бомбами!

— Люди Израиля, — ответил Эли. — Заботит ли вас вода, которую вы хотите пить, или дождь, который будет питать ваши посевы? Покуда мы пророчествуем об истинном Боге в Израиле, ваши посевы будут сгорать, а вода — обращаться в кровь. И узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь, ибо это война Господа и Он предаст вас в руки наши.

— Дайте им прикурить! Убейте их! Уничтожьте!

Когда Бизон отделился от толпы и пошел на десять футов вперед к ограждению, люди, оставшиеся за его спиной, как будто вздохнули от ужаса и отступили назад. Он

был все еще достаточно далеко от Свидетелей, но события прошедшей ночи наполняли его смелостью и благородным безумством. Толпа умолкла.

Моше и Эли стояли плечом к плечу, не двигаясь. Они смотрели мимо Бизона, всем своим видом бросая вызов Карпати. Он санкционировал их убийство, если они появятся где-либо после собрания свидетелей. И вот они стояли, целые и невредимые, там, где были со дня подписания договора с Израилем.

Бизона буквально тянуло к ним, несмотря на желание остаться неузнанным. Он сделал еще шаг вперед, на что толпа ответила издевками и насмешками над его безрассудством.

Ни один из Свидетелей не открыл рта, но Бизон ясно слышал сказанное ими, потому что это предназначалось только ему. Он мог только гадать, слышал ли это кто-либо еще.

— Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее.

Неужели они знали про смерть Кена? Неужели пытались его утешить?

Внезапно Моше посмотрел на толпу и крикнул:

— Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном,

того постыдится и Сын Человеческий, когда придет во славе Отца Своего со святыми Ангелами.

Затем они оба снова заговорили хором, но тише, не раскрывая рта, как будто опять обращались к Бизону лично:

— Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.

Уильямс понимал, что должен ответить, и прошептал тихо, одними губами, чтобы люди за его спиной не могли его услышать:

— Мы хотим быть среди тех, которые не вкусят смерти, но сегодня мы потеряли одного из нас. — Он осекся.

— Что он там бормочет? — бросил кто-то.

— Похоже, ему не терпится, чтобы его поджарили.

И Свидетели ответили Бизону:

— Нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной.

И действительно, Господь даровал Бизону новый дом и новых сестер и братьев по вере! Ему очень хотелось прямо спросить Эли и Моше, что делать дальше и куда идти. Как ему вернуться к жене, если он вынужден прятаться от сил Мирового Сообщества? Сможет ли он тайно скрыться, подобно Циону?

Но тут к нему и остальным через громкоговоритель обратились представители Мирового Сообщества, призывая отойти назад от «находящихся под арестом».

— У вас есть шестьдесят секунд, чтобы мирно сдаться. Здесь все заминировано в радиусе двухсот ярдов. Немедленно покиньте территорию, или вы рискуете погибнуть! Отсчет времени начнется, как только закончится последний повтор этого сообщения. Пока не начался отсчет времени старшие по званию офицеры Мирового Сообщества должны обеспечить эвакуацию мирного населения к ожидающим транспортным средствам.

Это объявление было произнесено на нескольких иностранных языках. Толпа немедленно рассосалась. Люди, потирая руки в превкушении, покидали заминированную территорию, прячась за своими машинами и цементными стенами, чтобы продолжить наблюдение. Бизон медленно отступал, не отрывая взгляда от Эли с Моше. Те, однако, никак не отреагировали.

Внезапно из строя гвардейцев отделился один, с обилием знаков отличия на форме. Очевидно, невооруженный, он, размахивая руками, поспешил к Свидетелям. Когда он находился на расстоянии десяти ярдов, Эли крикнул так громко, что мужчине, казалось, буквально парализовало звуковой волной.

— Не смей приближаться к слугам Господа Всемогущего даже безоружный! Спа-

саясь! Найди себе убежище в пещерах или скалах!

Гвардеец поскользнулся и упал, затем еще раз, уже на пути обратно. Бизон тоже прибавил шагу, хотя и продолжал двигаться спиной вперед, не отрывая взгляда от Свидетелей. Откуда-то справа прозвучало два громких выстрела из винтовки, которые эхом отразились в ночной тишине. Снайпер был всего в пятидесяти футах от Эли и Моше, и Бизон мог только гадать, что случилось с пулями. Из рта Моше вырвалась струя пламени, которое охватило солдата. Удивительно, что, когда его пылающее тело упало на камни, он все еще сжимал свое оружие. Потом винтовка отлетела футов на двадцать в сторону. Стрелок мгновенно обернулся кучкой пепла. Оружие расплавилось.

И тут наступила полная тишина: все замерло в ожидании обещанных взрывов. К этому моменту Бизон уже догнал основную толпу, скорчившись под каким-то невысоким портиком через дорогу.

Прошла минута. Внезапно резко похолодало.

Бизон невольно поежился, рядом раздавались испуганные возгласы и даже плач. А обжигающе холодный ветер завывал все сильнее, и люди жались друг к другу, пытаясь кое-как укрыться от него одеждой. С небес посыпался град размером с хороший шар для гольфа, и казалось, что он погребет под собой всех находившихся там.

Но через десять секунд все закончилось так же неожиданно, как и началось, и ничто не напоминало о происходившем, кроме стремительно тающего льда.

Генератор, обеспечивавший электричеством телевизионные софиты, с шипением и треском выключился, и все погрузилось во тьму. В тот же момент в трех местах, где, видимо, были заложены дистанционно управляемые бомбы, раздались какие-то негромкие хлопки, свидетельствующие, что смертоносное оружие рассыпалось в прах.

Таков был итог нападения на Свидетелей.

Два вертолета направили свои огромные бортовые прожекторы на Храмовую гору, и сразу стало безумно жарко. Град мгновенно растаял и утек звенящим ручьем. Грязь за минуты обернулась пылью, как если бы всю светило солнце. Каждый раз, когда вертолеты освещали пространство перед Стеной, толпа раздражалась криками и столами. Потому что Эли и Моше за все прошедшее время даже не пошевелились.

* * *

Перед тем как направиться в отведенные им комнаты отдыхать, Рэйфорд тепло поблагодарил Лукаса Миклоса за гостеприимство.

— Тебя нам просто Господь послал, — сказал он.

Цион, пообещав прислать Миклосу список братьев по вере в Греции, предложил:

— Вы помолитесь с нами за мужа Хлои?

— Конечно, — ответил Миклос, взявшись с ними за руки и склонив голову, как остальные. Когда пришел его черед, он произнес: — Дорогой Иисус, защити этого парня. Аминь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Эта ночь была слишком богатой событиями, и силы Бизона были практически на исходе. Его терзали страх и горечь утраты. Он заставил себя поймать машину, чтобы добраться до района, где жил Розенцвейг, но предусмотрительно вышел за пару кварталов от его дома. Арафатка по-прежнему была на нем, так что он без труда добрался до места неузнанным и обнаружил, что гвардейцы давным-давно уехали. Привратник Иона мирно дремал на своем посту.

Ни он, ни Хаим еще не стали его братьями по вере, поэтому Бизона мучили сомнения, можно ли им довериться. Во втором он был практически уверен, хотя бы потому, что Розенцвейг узнал правду о Карпати. Но реакцию Ионы предсказать было невозможно. Бизон понятия не имел, говорит ли тот по-английски, потому что слышал только,

как тот общается на иврите. Здравый смысл подсказывал, что хотя бы пару слов он просто должен знать. Ведь именно Иона первым встречает всех гостей.

На память ему пришло то, как смело Эли и Моше отражали все сыпавшиеся на них нападки, и это как будто придало ему сил. Глубоко вздохнув и проверив, целы ли швы на лице, Бизон решительно направился к привратницкой будке. Иона никак не отреагировал ни на камушек, брошенный в окно, ни на стук разной степени настойчивости. Все было без толку, поэтому Уильямс не придумал ничего лучше, чем войти и осторожно тронуть Иону за руку.

Тот, несмотря на возраст и изрядный вес, мгновенно вскочил, выкатив от испуга глаза. Бизон стянул с себя арафатку, и только потом сообразил, что со всеми своими синяками, отеками и швами, должно быть, выглядит просто ужасно.

Наверное, Иона увидел в его жесте угрозу, потому что, не имея под рукой никакого оружия, выхватил из-за пояса фонарь и замахнулся им. Журналист отшатнулся, опасаясь, что, не дай бог, его опять ударят по лицу.

— Иона, это я! Кэмерон Уильямс! — воскликнул он.

— Ох, мистер Уильямс, — облегченно выдохнул Иона, схватившись за сердце.

От неожиданности он даже не опустил руку с фонарем. Произношение его было настолько ужасным, что Бизон с трудом узнал собственное имя. Немного придя в

себя, привратник убрал фонарь и продолжил общаться, отчаянно жестикулируя обеими руками. — Они, — зловеще сказал он, указывая наружу и жестом изображая толпу, — вас искать.

И он указал на свой глаз.

— Лично меня? Или всех нас?

Иона определенно его не понял.

— Что?

— Искали именно меня? — Бизон осознал, что невольно помогает себе жестами, указывая на себя. — Или Циона и мою жену тоже?

Иона закрыл глаза, отрицательно потряс головой и предъявил ему пустые ладони.

— Их здесь нет, — выговорил он. — Цион, жена, ушли. Улетели.

Он замахал руками в воздухе, изображая полет.

— А Хаим? — спросил Бизон.

— Спит, — как бы в подтверждение своих слов Иона изобразил спящего.

— Можно я зайду в дом поспать?

Казалось, этот вопрос озадачил привратника.

— Я позвоню. — Он потянулся к трубке.

— Нет! Не будите Хаима. Потом ему скажете.

— Потом?

— Утром, — попытался объяснить Бизон. — Когда он проснется.

Иона кивнул, но по-прежнему держал руку на телефоне, как если бы собирался звонить.

— Я пойду в дом спать, — повторил Бизон, пытаясь это изобразить. — Я оставляю записку на двери Хаима, чтобы он не удивлялся. Хорошо?

— Хорошо!

— Ну, я пошел?

— Хорошо!

— Все в порядке?

— Все в порядке.

Направляясь к входной двери, Бизон украдкой наблюдал за Ионой. Тот тоже смотрел на него, опустив трубку телефона и с улыбкой махая ему рукой. Бизон помахал в ответ и, обернувшись, обнаружил, что входная дверь заперта. Ему пришлось вернуться и объяснить Ионе, что тому придется открыть для него дверь. И вот наконец впервые с того момента, как вертолет поднялся в воздух, Уильямс наконец мог отдохнуть. Он, как и обещал, оставил на двери спальни Розенцвейга короткую записку, что занял комнату для гостей и все объяснит, когда проснется.

Даже беглого взгляда в зеркало было достаточно, чтобы понять, что все гораздо хуже, чем он предполагал, и оставалось только надеяться, что там, где его зашивали, было хотя бы какое-то подобие стерильности. Швы были наложены грамотно, но выглядел он чудовищно. Белки глаз покраснели от крови. Лицо было расцвечено всеми цветами радуги. Успокаивало только то, что Хлоя не видела его в таком состоянии.

Заперев дверь спальни и сбросив одежду, он растянулся на кровати. Все тело болело.

И тут зазвонил мобильный. Наверняка это Хлоя, но ему так не хотелось вставать. Он перекатился, чтобы дотянуться до штанов, но, вытаскивая телефон из заднего кармана, потерял равновесие и упал с кровати.

Ударился он не сильно, но шум разбудил Хаима. Отвечая на звонок, Бизон услышал, как хозяин дома кричит по внутренней связи:

— Иона! Иона! Воры!

К тому моменту, как улеглась паника, они с Хлоей уже обменялись последними новостями, а когда он дорассказал обо всех своих злоключениях Хаиму, на горизонте уже показалось солнце. Сошлись на том, что Рэйфорд, Хлоя и Цион вернутся в Маунт-Проспект, а Хаим поможет Бизону вернуться в Штаты, как только тот поправится.

Хаим был просто вне себя. Бизон не видел его таким разъяренным даже во время телефонных баталий с Леоном. Как оказалось, по телевизору постоянно крутили запись разговора Уильямса с гвардейцем, которого убили несколько секунд спустя.

— Судя по записи, — возмущенно объяснял Хаим, — ты очевидно безоружен, и когда вы расстались, он был в полном порядке. И ты определенно не пытался ни обернуться, ни вернуться. Да, он стрелял поверх твоей головы, а секундой позже его прошили пули, выпущенные из мощной винтовки с близкого расстояния. Все понимают, что его пристрелили свои же. Но вряд ли они допустят, чтобы об этом узнали. Конечно, дело быстро прикроют, того несчастного обвинят

в том, что он был твоим сообщником или в чем-нибудь подобном, но непонятно, к каким последствиям это приведет?

И последствия не заставили себя ждать в виде истории, состряпанной пиарщиками Мирового Сообщества. По телевидению сообщалось, что американский террорист Кеннет Ритц угнал личный вертолет Николае Карпати, чтобы организовать побег из-под домашнего ареста Циона Бен-Иегуды и его приближенных. По версии Мирового Сообщества Бен-Иегуда, Кэмерон Уильямс, подозреваемый в убийстве, и его жена находились под домашним арестом в доме доктора Розенцвейга. В репортажах крупным планом показывали вышибленную дверь на крышу как подтверждение того, что американцы сбежали, применив насилие.

Представитель Мирового Сообщества заявил, что Ритц был ликвидирован снайперами после того, как открыл пальбу в аэропорте Иерусалима. Бизон, его жена и Цион Бен-Иегуда были объявлены в международный розыск. Предполагалось, что Уильямс, который прежде работал на Мировое Сообщество, был первоклассным пилотом, благодаря чему им и удалось скрыться.

* * *

Члены Отряда, которым удалось вернуться в Штаты, внимательно следили за новостями, стараясь поддерживать постоянную

связь с Хаимом и Бизоном. Хэтти чувствовала себя на удивление неплохо, хотя после ее выкидыша прошло совсем немного времени. Ее болезнь, отчаяние и упрямство волшебным образом преобразовались в яростную ненависть и решимость. Тем не менее она по-прежнему тяжело переживала потерю ребенка и частенько плакала по ночам, что тревожило Рэйфорда.

А Хлоя просто рвала и метала.

— Конечно, пап, я понимаю, что ничего другого от этой системы ожидать и не стоило, — возмущалась она. — Но я чувствую себя такой беспомощной, что готова буквально взорваться от ярости. Если мы не найдем способ в ближайшее время доставить Бизона сюда, я отправлюсь к нему туда сама. Тебе когда-нибудь хотелось стать тем, кому Господь дарует право убить Карпати, когда настанет время?

— Хлоя! — оборвал ее отец, надеясь, что его голос прозвучал достаточно резко и не выдал того, что в глубине души он молился об этой привилегии. Да что с ними со всеми происходит? В кого они превращаются?

Бизон сообщил, что Иаков помог ему тайно перебраться к Стефану. Рэйфорду эта новость принесла значительное облегчение. Очевидно, что в органах безопасности Мирового Сообщества считали, будто Уильямс бежал из страны вместе с остальными, но очевидно, что жить под вымышленным именем среди представителей среднего класса для него было безопасней, чем находиться

рядом с Хаимом. Так у него появлялся реальный шанс залечить свои раны. Бизон намеревался через пару недель попробовать вернуться в Штаты каким-нибудь регулярным рейсом через одну из европейских столиц.

— Коль скоро они меня здесь не ищут, я вполне смогу ускользнуть под каким-нибудь липовым именем, — рассуждал он.

Рэйфорд по возможности регулярно созванивался с Маком и Давидом Хассидом. Следуя инструкциям последнего, он сумел заменить их компьютеры на более новые, а также добавить в их арсенал компьютеры карманного формата, которые работали от солнечных батарей, позволяли подключаться к Интернету через спутник из любой точки мира, тем самым обеспечивая бесплатную международную телефонную связь.

Цион был просто в восторге от своего нового ноутбука с системой спутниковой связи. Это было буквально последнее слово техники: сверхбыстрый и сверхмощный, обеспечивающий, не выходя из дому, мгновенный доступ ко всем необходимым ресурсам. Именно с этим чудом техники Бен-Иегуда проводил большую часть дня, общаясь со своей многомиллионной паствой по всему миру. Число его прихожан, резко увеличившееся перед собранием свидетелей, по-прежнему стремительно росло.

Что касается Хэтти, то если не моральное, то, по крайней мере, физическое состояние ее значительно улучшилось, поэтому доктор Флойд Чарльз смог заняться решением раз-

личных технических вопросов существования Отряда, которые раньше были прерогативой Кена. Первым делом он установил на все их новые компьютеры и телефоны специальные кодирующие программы, так чтобы их нельзя было отследить.

Все члены Отряда очень переживали потерю Кена, неудивительно, что на краткой поминальной службе, проведенной Ционом, все плакали. Но сложнее всех смириться с его смертью было Рэйфорду.

Хлоя потратила два дня на поиски каких-либо родственников Ритца, но безуспешно. Ее отец связался с Эрни из Палуоки и попросил его сообщить хозяину аэропорта о смерти Кена, а также присмотреть за его вещами. Он не стал упоминать о золоте, понимая, что, даже будучи братьями по вере, они вряд ли близко друг друга знали.

* * *

Бизон купил себе компьютер, так что у него опять появился доступ к Интернету и ежедневным проповедям Циона. К сожалению, у него не было программы, защищающей от отслеживания местонахождения пользователя, поэтому общаться с женой он мог только по телефону. Он ужасно скучал по ней, утешая себя тем, что она и ребенок здоровы, хотя, по словам Хлои, ее хужоба вызывала у доктора некоторые опасения.

Она в это время занималась разработкой бизнес-модели на основе записей Кена и рассчитывала в течение месяца приступить к практической деятельности, координируя действия верующих по всему миру через Интернет.

— Одни будут заниматься сельским хозяйством, а другие продавать и обменивать выращенное ими, — объясняла она. — Только наладив кооперативное сотрудничество между верующими во всем мире, мы сможем выжить в то время, когда понадобится печатать зверя, чтобы покупать или продавать.

Ее первоочередной задачей было составить список людей, которые располагали производственными мощностями, будь то фермы, ранчо или рыболовецкие хозяйства. После этого она планировала напрямую заняться освоением рынка.

— Но что ты будешь делать, когда родится ребенок? — поинтересовался Бизон.

— Я надеюсь, к тому времени мой муж уже вернется домой, — беззаботно ответила она. — А так как муж у меня, по сути, безработный, ведь его интернет-журнал серьезной работой считать нельзя, я объясню ему, как со всем справиться.

— С чем именно? С твоим новым бизнесом или с заботой о ребенке?

— И с тем, и с другим.

Во время одного из разговоров она упомянула, что ее отец на следующий день собрался в Палуоки.

— Он хочет взглянуть на самолеты Кена и получше познакомиться с тем парнишкой, Эрни. Может, он и отличный механик, но не похоже, чтобы они с Кеном хорошо друга друга знали.

Тем же вечером, читая ежедневную проповедь Бен-Иегуды, Бизон сразу догадался, что его друг и учитель все еще глубоко скорбит по постигшей их недавно утрате, хотя вряд ли это мог заметить кто-то, за исключением близко знавших его людей. Цион писал о том, как больно терять друзей, родных, любимых. И хотя он не упоминал напрямую имени Кена, Бизон отлично понимал, кто имелся в виду.

Завершал свою проповедь он нападением читателей, что прошло ровно двадцать четыре месяца с момента подписания договора между Израилем и Мировым Сообществом, которое еще два года назад называлось ООН.

— Не забывают, возлюбленные братья и сестры, что от того периода, который в Писании назван «Великой Скорбью», нас отделяет всего полтора года. Мы живем в тяжелое время. Мы пережили худшие два года за всю историю нашей планеты, и следующие полтора года будут еще хуже. Но на фоне того, что принесут с собой три с половиной года Великой Скорби, которые еще только грядут, все наши текущие невзгоды покажутся детским пикником.

На прощание Цион всегда говорил ободряющие слова, какую бы суровую истину

ему ни приходилось доносить до людей. Бизону казалось, что в этом было что-то необыкновенно трогательное, так что он невольно улыбался в такие моменты. Цион цитировал двадцать первую главу Евангелия от Луки:

— «И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания [бедствий], грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою. Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше».

Утром во всех новостях сообщали о реакции Николае Карпати на действия террористов у Стены Плача. Репортер цитировал слова верховного главнокомандующего, который выступал от имени потентата:

— Его святейшество объявил этих проповедников врагами существующего режима и уполномочил верховного понтифика мировой религии Сокровенного Вавилона Петра Второго избавиться от этих преступников так, как тот сочтет нужным. Потентат не видит необходимости лично участвовать в делах, которые относятся к юрисдикции религиозного департамента Мирового Сообщества. И я полностью разделяю его точку зрения. Накануне вечером его святейшество дословно сказал мне, что вмешается лично, только если: «Наш верховный понтифик

окажется бессилен против тех, кто с помощью трюков и массового гипноза парализует целую страну...»

Это был смонтированный релиз, и следующим на экране появился яростно брызжащий слюной Питер Мэтьюз:

— Значит, теперь это моя проблема? Его святейшество, наконец, передал полномочия тем, кому давно следовало? Разумеется, предварительно удостоверившись, что его военные бессильны против этих проходимцев. Когда эти двое будут мертвы, над землей Израиля снова будут идти дожди и повсюду будет чистая, освежающая вода, тогда мир узнает, кто обладает реальной властью!

* * *

Как раз за неделю до этого выступления Бизону удалось убедить Хаима съездить к проповедникам. Вернулся профессор глубоко потрясенным. Очевидно, что все его иллюзии относительно Карпати развеялись, но кое-что его по-прежнему связывало:

— Понимаешь, Кэмерон, я вынужден доверять Николае до тех пор, пока он выполняет свою часть сделки и соблюдает договор. У меня просто нет выбора.

Бизон продолжил настаивать:

— А если он предаст Израиль? Неужели вы ничего не поняли из того, что рассказывал Цион и мой тесть? Что мешает вам вступить в наши ряды?

Но Розенцвейг упорствовал.

— Я старик, — оправдывался он. — И все для себя решил. Мне жаль, что вы тратите на меня столько сил. Ты и твои товарищи произвели на меня очень сильное впечатление, но вопреки всему я надеюсь, что вы все же ошибаетесь, иначе мне ужасно жаль самого себя. Но я связал свою судьбу с реальным миром, который я могу пощупать, почувствовать, увидеть. И пока не готов отказаться от завоеваний разума ради слепой веры.

— По-вашему, Цион поступил именно так?

— Только не передавайте ему мои слова. Он блестящий ученый и совсем не согласуется с моим представлением о верующих людях. Как, впрочем, и остальные люди из его ближайшего окружения. Наверняка это неспроста.

— Господь пытается сделать так, чтобы вы Его слышали, доктор Розенцвейг. Надеюсь, для того, чтобы это произошло, не потребуется ничего ужасного.

Хаим привычно отмахнулся:

— Спасибо тебе за заботу.

* * *

Бизон обдумывал последние новости, осознавая, что в Иллинойсе уже было одиннадцать вечера, а значит, его друзья и близкие этого сообщения еще не видели. Хотел бы он послать им письмо по элек-

тронной почте, но это сразу выдало бы его нахождение спецслужбам Мирового Сообщества.

Он подумал, не оставить ли сообщение на автоответчике, но вовремя вспомнил, что Хлоя стала очень чутко спать и отвечала на звонки даже среди ночи, а ей надо было как следует отдыхать.

Кроме него, дома никого не было, так что от нечего делать Бизон вышел на балкон полюбоваться утром. Глядя в сияющее безоблачное небо, он наслаждался теплом солнечных лучей. На него нахлынуло мучительное желание оказаться вновь в убежище, среди друзей. Он чуть не расплакался от охвативших его эмоций. И вдруг, как будто кто-то набросил штору на небосвод, и солнечный день обратился сумерками.

Солнце по-прежнему стояло высоко, но утро почему-то стало по-вечернему сумрачным, а температура резко упала. Бизон тут же понял, что происходит: исполнялось пророчество, описанное в двенадцатом стихе восьмой главы Книги Откровений: «Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд». То же случилось с луной и звездами. Если раньше в большей части мира световой день длился около двенадцати часов, но теперь солнце будет светить не более восьми и только на две трети прежней яркости.

Конечно, Бизон знал и ждал, что это произойдет, но все равно испытал благоговей-

ный ужас перед силой Господней. Задыхаясь от беззвучных рыданий, он бросился в дом, упал на колени и взмолился:

— Господи, Ты столько раз доказывал мне Свою силу, и все же моя вера в Тебя крепнет каждый раз, когда я вижу деяния Твои. Все совершается по слову Твоему. Я молюсь, чтобы это знамение, истолкованное Ционом и другими свидетелями, обратило к Тебе сердца миллионов людей. Разве может кто-нибудь отрицать Твою силу и величие? Ты внушаешь ужас, но Ты же даруешь любовь, милосердие и доброту. Благодарю Тебя за то, что у меня есть Хлоя и будет ребенок. За то, что есть Рэйфорд, Цион и Док. Благодарю Тебя за то, что подарил мне возможность быть знакомым с таким человеком, как Кен. Защити верующих в Тебя, где бы они ни были, дай мне возможность увидеться с Маком и Давидом. Укажи нам, что делать. Научи нас, как лучше служить Тебе. Предаю себя в руки Твои, я готов идти, куда бы Ты меня ни послал, и делать все, о чем Ты меня попросишь. Благодарю Тебя за Иакова, Ханнелору и Стефана, наших новых братьев и сестру, которые приютили меня. Господи, как я хочу, чтобы Хаим уверовал в Тебя. Благодарю Тебя за Твою милость и доброту.

Его переполняли эмоции, и в то же время он осознавал, как сильно затемнение повлияет на все в мире. Не только на освещение и температуру воздуха, но и на транспорт, сельское хозяйство, коммуникации, пере-

мещения — на все, от чего зависело его воссоединение с любимыми.

Он захотел немедленно предупредить товарищей по Отряду, но предпочел дожидаться, когда в Чикаго наконец наступит утро. Они любили просыпаться на рассвете, но сегодня он, похоже, откладывался. Бизон пытался себе представить потускневшие звезды, как бы глупо это ни было. Ведь совсем скоро он сможет их увидеть собственными глазами.

И как только часы показали семь по чикагскому времени, он набрал номер жены и, конечно же, разбудил ее.

* * *

Рэйфорд проснулся рано и сразу посмотрел на часы. Было без четверти семь, но за окном все еще было темно. Он лежал, уставившись в потолок и гадая, была ли тому причиной плохая погода или просто сильная облачность. В семь он услышал, как в комнате Хлои зазвонил телефон. Наверняка это ее муж, а Рэйфорду надо было с ним поговорить. Он даст им пару минут, а затем спустится и попросит передать трубку ему.

Поэтому Рэйфорд не спешил вставать и просто расслабленно валялся в постели. Все его мысли занимала предстоящая поездка в Палуоки. Стоит ли рассказывать Эрни о спрятанном богатстве? Надо посмотреть, как пойдет разговор. Он справедливо полагал,

что на завоевание взаимного доверия уйдет какое-то время, ведь Эрни был очень молод.

Судя по голосу Хлои, она была чем-то обеспокоена. Он услышал, как она зовет его, и немедленно поднялся. Для родов было рановато. Неужели что-то случилось с Бизоном?

— Папа! Спускайся сюда!

Он одним движением натянул халат.

Она встретила его внизу лестницы вопросом:

— Тебе не кажется, что для семи утра несколько темновато? Бизон говорит, яркость солнца уменьшилась на треть в семь утра по их времени. Пока мы еще спали. Дорогой, пообщайся с отцом. А я пойду всех разбуджу.

* * *

Судя по голосу, Рэйфорд был всерьез ошарашен.

— Это просто невероятно, — повторял он снова и снова. — Надо еще понять, чем это все грозит нашей технике, работающей от солнечных батарей.

— Я думал, Док уже занялся этой проблемой.

— Занялся-то занялся, но его выводы не слишком радуют. Оказывается, все совсем не линейно. У нас не просто будет меньше энергии. Доктор использовал для расчетов наш самый мощный компьютер и учел не только сокращение энергии, но и уменьше-

ние светового дня на треть. Только тот математический прогноз, который он получил по итогам, совсем не радует. Спорить с ним сложно, и энергию особо не запасешь, но мы очень надеемся, что он ошибается.

— Это вряд ли, — возразил Бизон. — Такие умники обычно всегда оказываются правы. Погоди секунду, у меня второй звонок. Хочу выяснить, кто это.

Бизон на секунду оторвался от телефона.

— Звонит Розенцвейг, — произнес он. — Я лучше перезвоню вам позже.

— Я предупрежу Хлою. Не забывай подзаряжать свой телефон.

— Конечно. — И Бизон переключился на второй звонок: — Доктор Розенцвейг?

— Кэмерон, мне необходимо тебя увидеть. Мне очень нужен твой совет.

— Вы хотите встретиться прямо сейчас?

— Ты можешь приехать?

— Вы ведь понимаете, что происходит? — спросил Бизон.

— Конечно! Я же слышал, что говорил Циюн о том пророчестве!

— Вы согласны, что ничем иным это быть не может?

— Конечно, это ясно любому здравомыслящему человеку!

«Благодарю тебя, Господи!» — произнес про себя Бизон.

— Я как раз хотел посоветоваться с тобой о том, что мне сказать обо всем этом прессе! Эта тема у всех на устах, и меня просят прокомментировать это явление завтра в пря-

мом эфире. Я сотню раз им говорил, что всего лишь ботаник и могу объяснить разве что, как это повлияет на процесс фотосинтеза.

— А как, кстати?

— Нарушит все к чертовой матери, если тебя интересует мое мнение как специалиста. Но они припомнили мне, что раньше я частенько высказывался на самые разные темы, даже за пределами моей компетенции как ученого. Помнишь, Николае как-то уговорил меня озвучить свои соображения по поводу причины тех массовых исчезновений? Я ведь почти поверил во весь тот вздор про стихийный атомный взрыв.

— Вы и меня почти в этом убедили, доктор, а я был ни много ни мало журналистом мирового уровня.

— Мне только что звонил Фортунато, он хочет, чтобы я поддержал официальную версию Мирового Сообщества.

— Так как я могу помочь?

— Я хочу продумать стратегию. Ужасно хочется дискредитировать их дутую версию. Я планирую намекнуть, что поддерживаю их — дослушай меня, пожалуйста, — но, когда меня выпустят в эфир, скажу то, что на самом деле думаю. Как минимум Леон такой позор вполне заслужил.

— Вас беспокоит, как к этому отнесется Карпати?

— Да.

— Неплохая будет для него проверка.

— Именно. По крайней мере, выясню, как далеко простираются мои гражданские пра-

ва. Леон обставил ваш побег так, как если бы я пытался помочь ему задержать вас, но я ничего ему не сказал. Я бы без колебаний публично осудил весь этот тоталитарный режим, но Николае лично извинился и попросил меня не делать этого.

— Серьезно? Вы раньше не упоминали об этом.

— Не было повода. Ты даже не представляешь, насколько я был близок к тому, чтобы предложить ему выступить в поддержку их концепции на публике в обмен на то, чтобы одному моему другу позволили выехать из страны. У меня просто пока не хватило смелости напрямую спросить его об этом.

— Возможно, хорошо, что вы этого так и не сделали, — заметил Бизон. — Я не верю, чтобы он согласился. Как только Карпати узнает, что все это время я был прямо у них под носом, то мгновенно впадет в ярость.

— У меня как-то хватило мужества спросить Николае, не думал ли он, что все эти бедствия могут быть как-то связаны с его отношением к Циону и его последователям. Он высмеял меня за то, что я принимаю на веру всякие нелепые фантазии. Кэмерон, мне надо кое-что тебе показать.

— Мы сможем встретиться в каком-нибудь тихом местечке?

Розенцвейг предложил какое-то подвальное кафе, которое неоригинально называлось «Погреб», и влажно там было соответственно. Бизон попросил столик в углу, но освещенный достаточно, чтобы можно было

читать. Розенцвейг принес ему факс с описанием официальной версии произошедшего. Бизону пришлось напрячь всю свою силу воли, чтобы не смеяться в голос, читая его.

Конечно, судя по юридическому жаргону, этот факс предназначался исключительно для Розенцвейга, был строго конфиденциальным и все такое, под угрозой страшных кар со стороны непосредственно верховного главнокомандующего Мирового Сообщества, уполномоченного его святейшеством, и т. д. и т. п.

Сказано там было следующее:

«Доктор Розенцвейг, его святейшество будет крайне благодарен вам за поддержку официальной позиции Управления Мирового Сообщества по вопросам авиации и космического пространства относительно астрономических явлений, которые имели место сегодня в семь утра по нововавилонскому времени...»

— Я, конечно, согласился, только чтобы ознакомиться, но Леон, как ему свойственно, уже сделал свои далекоидущие выводы. Но зато теперь нам известна «линия партии».

Бизон зачитал текст обращения:

— «УМСАКП считает возникшее накануне затемнение результатом естественных причин, поэтому оно ни в коей мере не является поводом для паники. Большинство ученых склоняются к мнению, что в течение двух-трех дней все вернется в норму. Это не окажет серьезного влияния на температуру

воздуха, кроме разве что ближайшего времени, и не следует путать уменьшение яркости и сокращение объема солнечной энергии, хотя возможны временные нарушения в работе мелкогабаритной техники, работающей от солнечных батарей, вроде мобильных телефонов, компьютеров и калькуляторов, но никакого серьезного воздействия на энергетический потенциал Мирового Сообщества это не окажет.

Эксперты считают причиной случившегося взрыв сверхновой звезды, в результате которого возник так называемый магнетар. Подобное небесное тело может иметь до пятнадцати миль в диаметре, а весить в два раза больше Солнца. Ядро магнетара формируется под воздействием гравитации из останков гигантской звезды. Он вращается с огромной скоростью, что создает вокруг него чрезвычайно мощное магнитное поле.

При подобной вспышке высвобождается количество энергии, которое Солнце производит в течение пары сотен лет. Обычно это происходит в далеком космосе, так что вся радиация поглощается. И хотя мы не засекали скачка уровня радиации, по нашим данным, вспышка произошла достаточно близко к Земле, чтобы повлиять на яркость Солнца. Уменьшение яркости приблизительно оценивается в тридцать — тридцать пять процентов.

УМСАКП продолжит наблюдать за развитием этого феномена и сообщать обо всех значимых изменениях. Предполагается, что

ситуация нормализуется к концу следующей недели».

Розенцвейг покачал головой и взглянул Бизону прямо в глаза.

— Похоже на научную фантастику, но звучит вполне правдоподобно.

— Я бы поверил, если бы не знал правды, — ответил тот.

— Конечно, я совсем далек от этой темы, но даже мне это объяснение кажется притянутым за уши. Возникновение магнетара никак не может повлиять на яркость Солнца, Луны, звезд, разве что сделать их ярче. Он бы подействовал на радиоволны, например, вырубил бы спутники. Если бы это случилось так близко к Земле, как они заявляют, это бы уж скорее повлияло на нее, чем на Солнце, возможно, даже изменило бы наклон земной оси. Что бы там ни было, это не возникновение магнетара в результате взрыва суперновой.

— Что значит «что бы это ни было»? Вам же прекрасно известно, что это было!

— Ну, скорее, да.

Доктор Розенцвейг подробно объяснил, что собирается заявить в прямом эфире.

— Я даже торжественно выйду с этой бумажкой, измятой, как если бы я несколько часов заучивал по ней текст, — в завершение пошутил он.

— Отличная идея, — согласился Бизон.

После встречи он позвонил в Штаты, размышляя о том, что чем дальше, тем сложнее ему будет делать это, а со временем вообще станет почти невозможным.

— Да, дорогой, — ответила Хлоя. — Неужели ты так долго говорил с Хаимом?

— Нет, извини. Был немного занят. Хотел предупредить, чтобы вы посмотрели завтра его выступление в прямом эфире с комментариями по поводу затемнения.

— И что же он думает об этом?

— Пусть это будет сюрпризом. Обязательно посмотрите. Вы не пожалеете.

— Бизон, у нас уже проблемы с электроэнергией, связь со спутником очень плохая.

— Придумайте что-нибудь. Оно того стоит.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

За ужином Цион поделился с друзьями последними новостями о сотрудничестве верующих по всему миру.

— Я всего лишь попросил помочь с переводом моих ежедневных проповедей на другие языки — вы все читали это объявление. Вы же знаете, как много в Сети наших братьев, говорящих на языках сино-тибетской семьи, а также испанском, немецком и прочих. И — о чудо! — продолжил он, заговорщицки подмигнув. — Я не просто нашел толпу добровольцев, но даже бесплатные программы, которые позволяют автоматически переводить текст на другой язык. Это как явленное нам чудо Божие, только в Интернете! Только представьте, я могу печатать на совершенно неизвестных мне языках.

Рэйфорда всегда умиляла та искренняя радость, которую Цион испытывал от изуче-

ния Библии и проповедывания слова Господня. И это несмотря на то, что Бен-Иегуда потерял за период Скорби не меньше, чем все остальные члены Отряда, — жену и двоих детей. Хлоя потеряла мать, брата, а теперь двоих друзей. Он сам — двух жен, сына, пастора и гораздо больше новых друзей, чем он мог вспомнить. Все члены Отряда, включая доктора и Хэтти, пережили столько, что немудрено было разума лишиться от горя.

Когда Цион пытался подбодрить товарищей рассказом об очередном нелепом комментарии, их едва хватало на то, чтобы выдавить из себя улыбку. Скорбь оставила неизгладимую печать на их душах, лишив их жизни беззастенчивого смеха и дурачеств. Рэйфорд с нетерпением ждал того дня, когда наступит конец войны и Господь сотрет слезы с их лиц. А до этого старался во всем искать что-то хорошее.

Он возлагал некоторые надежды на разрекламированную Мировым Сообществом программу, посвященную обсуждению официального заявления властей относительно причин затемнения, воздействие которого становилось все очевидней. Бизон намекнул, что там будет выступать Хаим и это будет интересно. Не то чтобы Рэйфорд рассчитывал от души посмеяться, но как минимум это могло помочь ему отвлечься.

— Очень надеюсь, что Хаим наконец уверовал, — признался Цион. — Я бросил ему

вызов, когда в последний раз излагал ему свои аргументы. Сказал, что такой мудрый человек, как он, не может отрицать математическую невозможность того, чтобы столько пророчеств относились к одному человеку и чтобы он не был Мессией? Он воспользовался классическим аргументом о сомнительности подлинности Библии. На что я возразил: «Мой дорогой учитель! Ты сомневаешься в словах Торы? Как ты думаешь, откуда я взял все эти цитаты?!» Говорю вам, мои юные друзья, он скоро обратится к Богу. Главное, чтобы он не слишком долго раздумывал.

Рэйфорду, который был всего на три года моложе Циона, такое обращение польстило.

Тут заговорила Хэтти, непривычно громко и уверенно:

— А про меня вы тоже так думаете, доктор Бен-Иегуда? Или мне удалось убедить вас, что мой случай безнадежен?

Раввин положил вилку и отодвинул тарелку.

— Мисс Дюрхем, — тихо начал он, — вы действительно хотите услышать мое мнение о вас в присутствии всех?

— Валяйте, — вызывающе бросила она. — У меня секретов нет, у вас, насколько я знаю, тоже.

Цион сцепил руки в замок.

— Хорошо, коль скоро вы подняли эту тему и дали мне разрешение говорить при всех. Мы с вами редко общаемся. Я слышу

то, что вы говорите, и ваша позиция мне известна, как и вам известно, что сейчас я посвящаю всю свою жизнь манифестации своей веры. Мои взгляды вы тоже без труда можете себе представить. Вы практически на тридцать лет меня моложе, да еще и женщина, так что нас разделяет возрастной и половой барьер, поэтому, возможно, с вами я был менее искренен, чем с остальными. Но вас, вероятно, удивит, как часто в течение дня Господь обращает мои мысли к вам.

Рэйфорду показалось, что Хэтти это действительно удивило. Ее рука, подносявшая стакан ко рту, замерла на полпути, а легкая улыбка превратилась в гримасу.

— Поверьте, я не хочу смутить вас...

— Вряд ли у вас получится меня смутить, док. Продолжайте.

Она широко улыбнулась, как будто полностью овладев собой.

— Если вы позволите мне говорить искренне...

— Сделайте одолжение, — ответила она, поставив стакан и усевшись поудобней, как если бы собиралась услышать что-то приятное.

Рэйфорд подумал, что, возможно, ей просто нравилось быть в центре внимания.

— Мне вас очень жаль, — ответил Цион. — Я очень страстно желаю, чтобы вы пришли к Христу.

Внезапно его голос оборвался. У раввина так сильно дрожали губы, что он не в силах

был произнести ни слова. Хэтти смотрела на него с искренним удивлением.

— Прошу прощения, — наконец прошептал Бен-Иегуда, взяв себя в руки и делая глоток воды. В глазах его стояли слезы. — Господь позволил мне увидеть вас Его глазами — напуганную, озлобленную, потрясенную молодую женщину, которую неоднократно использовали и бросали. Но Он любит вас Своей совершенной любовью. Иисус как-то сказал: «Иерусалим! Иерусалим! Избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» Мисс Дюрхем, вы знаете истину. Я сам слышал, как вы об этом говорили. И все же вы отказываетесь ее признать. Нет, я не считаю ваш случай безнадежным. Я молюсь за вас так же, как за Хаима. Как Иисус повторял жесткосердым жителям Иерусалима: «Сказываю же вам, что вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен Грядый во имя Господне!»

Когда я смотрю на вашу хрупкую красоту и то, что жизнь сделала с вами, я от души желаю вам мира. Я могу представить, чем вы можете помочь нам в эти трудные времена, и страстно хочу, чтобы вы стали одним из членов моей семьи. Вы рискуете жизнью, отворачиваясь от Бога, и мне страшно подумывать, как вы можете пострадать до того, как примете Его в своем сердце. Простите, если

заставил вас почувствовать себя неловко, но вы сами попросили.

Хэтти сидела, покачивая головой, похоже, она была больше удивлена, чем смущена. Она никак не ответила на слова Циона, кроме разве что короткого кивка.

— Когда там начинается та программа? — как ни в чем не бывало поинтересовалась она.

— Прямо сейчас, — ответила Хлоя, и все поспешили очистить свои тарелки.

* * *

Бизон удобно устроился перед телевизором, с ноутбуком на коленях. Вид зловеще сумрачного рассветного неба пугал и завораживал одновременно. Хорошо еще, что у Иакова со Стефаном был выходной, так что они могли посмотреть пресс-конференцию вместе.

В названии этого мероприятия заключалась горькая ирония, потому что теперь, когда все средства массовой информации принадлежали Мировому Сообществу, называть его пресс-конференцией вряд ли было уместно. По телевидению транслировали исключительно официальную трактовку событий. Об истинном положении вещей можно было узнавать только из подпольных изданий, вроде того, что издавал Бизон. Именно поэтому предстоящее выступление Хаима имело такое огромное значение. Если

у Розенцвейга хватит мужества осуществить задуманное, это будет самое скандальное выступление со времен шокирующего заявления Циона. Конечно, почтенный доктор еще не уверовал, но он определенно устал от того, что представители господствующего режима его безнаказанно используют.

Программа началась с уже ставшего обязательным перечисления заслуг участников дискуссии. Каждый раз, когда Мировому Сообществу надо было убедить людей в достоверности той или иной абсурдной теории, они собирали перед камерой побольше знаменитостей и осыпали их похвалами.

Ведущий представил глав УМСАКП и УМСЭ, разнообразных ученых, писателей, официальных лиц и даже представителей шоу-бизнеса. Каждая звезда отвечала на перечисление его или ее достоинств и достижений скромной улыбкой.

Бизон фыркнул от возмущения, услышав затасканное «Последний, но от этого не менее важный» и понимая, к кому это относится. Камера показала крупным планом хрупкого старика, чем-то напоминающего Альберта Швейцера, внизу экрана появилась табличка с его именем. Хаим не выглядел ни робким, ни смущенным, было похоже, что он полностью погружен в свои мысли, как если бы все это ему порядком надоело.

Хаим покачивал головой, перечисление собственных регалий вызывало у него ско-

рее саркастическую усмешку: бывший профессор, писатель, ботаник, лауреат Нобелевской премии, почетный член того-сего, спикер, дипломат, посол, личный друг и советник его святейшества потентата. Хаим сделал знак, что им пора бы закругляться. Ведущий подытожил:

— Лауреат звания «Человек года» по версии журнала «Глобал уикли» и изобретатель формулы, которая вывела Израиль в ряд ведущих стран мира, доктор Хаим Розенцвейг!

Зрителей в студии не было, представители пресс-корпуса Мирового Сообщества были противниками аплодисментов, поэтому энергичное восклицание ведущего повисло в неловком молчании, а затем шоу продолжилось.

Сперва ведущий зачитал текст официального обращения Мирового Сообщества, а на экране его продублировали субтитрами. К досаде Бизона, хотя именно этого он и опасался, ведущий начал опрашивать гостей слева направо. Если он продолжит в том же порядке, в котором гости были представлены, то к тому моменту, как очередь дойдет до Хаима, зрители потеряют всякое терпение и заснут от скуки. Неоспоримым достоинством контроля над СМИ было то, что эту программу сейчас транслировали все каналы без исключения.

Бизон напомнил себе, что для миллионов людей, которые считали заявления Бен-Иегуды бредом сумасшедшего, вне-

запное потемнение, очевидно, было пугающим. И все эти люди хотели услышать ответы правительства на свои многочисленные вопросы, поэтому так важна была для них эта программа. Уильямсу оставалось только надеяться, что все эти напуганные и потерянные люди досмотрят передачу до конца, потому что, по его мнению, выступление Хаима откроет зрителям истину.

Конечно, все присутствовавшие в студии хвалили быструю и качественную работу УМСАКП, заверяя публику, что они столкнулись с явлением незначительным и временным.

— Хотя потемнение внушает всем некоторое беспокойство, — вещала какая-то женщина из Управления Мирового Сообщества по вопросам энергоснабжения, — мы считаем, что оно не окажет существенного влияния на нашу жизнь и все в течение нескольких дней придет в норму.

Когда очередь наконец дошла до Хаима, Бизон испытал удивительное чувство единения с теми, кто был в Штатах. Они все сейчас смотрели и слушали одну и ту же программу, и как будто не было между ними этих тысяч миль. В этот момент ему мучительно хотелось обнять жену.

— Кто я такой, чтобы добавлять что-то или опровергать сказанное до меня блестящими специалистами по поводу этого астрономического феномена? — в лучших традициях риторики начал Хаим. — Но я искренне разочарован заверениями той милой дамы,

что это явление не окажет никакого воздействия на нашу жизнь. Откровенно говоря, последние пару лет качество нашей жизни оставляло желать лучшего.

Я всего лишь ботаник, которому удалось получить формулу, оказавшуюся поистине волшебной. И всех внезапно заинтересовало мое мнение по самым разным вопросам — от цен на колбасу до того, являются проповедники у Стены Плача подлинными посланниками Господа или мошенниками.

Что ж, если вас так интересует мое мнение, я его выскажу. Так вот, я не знаю. Я понятия не имею, из-за чего стало темнее и кто те двое у Стены. Я всего лишь хочу, чтобы можно было снова пить воду и на земле израильской пошел дождь. Неужели я прошу слишком многого? Похоже, мне удалось вас заинтересовать, так что я продолжу. Вы заинтригованы?

Камера показала растерянного, потерявшего дар речи ведущего и потрясенные лица гостей. У всех в глазах читалось, что Розенцвейг вышел за рамки дозволенного.

— Как вы все наверняка знаете, я человек, далекий от религии. Я еврей по праву рождения и горжусь этим. И не хотел бы никакой иной судьбы. Но для меня это обозначение национальной принадлежности, а не веры. К чему я это все? Многие, включая меня, были шокированы тем, что случилось с семьей моего любимого ученика и протеже, который сейчас стал уважаемым лингви-

стом и специалистом по Библии, рабби Циона Бен-Иегуды.

Признаюсь, мне приходило в голову, что он сам мог навлечь это на себя. Но убийство?! Можно ли его оправдать? Нет, по крайней мере, я в этом глубоко убежден. Разве стал бы я советовать кому-либо признаваться в прямом эфире международного канала, в стране, где само имя Иисуса равносильно проклятию, что он стал ренегатом, христианином и уверовал в Христа как Мессию?! Конечно же нет! Ведь это безумие! Но в гораздо больший ужас меня повергло то, что Бен-Иегуду вынудили бежать со своей родины, как преступника. Перестал ли я его уважать? Или стал меньше им восхищаться? Да ничуть не бывало! Потому что он отстаивал свою точку зрения, понимая, чего это будет ему стоить!

— Благодарю вас, доктор Розенц... — начал было ведущий, которому, очевидно, по рации передали соответствующие инструкции.

— Погодите благодарить! — перебил его Розенцвейг. — Я заслужил право на пару-другую минут прямого эфира и требую, чтобы меня не отключали. Хочу еще раз повторить, я человек отнюдь не религиозный, но мой верующий друг, ранее упомянутый раввин, немало высказывался по теме нашей сегодняшней дискуссии. Осталось немного, я уже подошел к самому главному.

Все смеялись над верой Бен-Иегуды и его утверждением, что пророчества Писа-

ния стоит понимать буквально. И что же? Он сказал, что будет землетрясение. И оно произошло! Он сказал, что град, кровь и огонь поразят растения. Так и случилось! Он сказал, что на Землю падут метеоры, которые отравят воду, убьют людей, затопят корабли. И они упали.

А еще он сказал, что Солнце, Луна и звезды будут поражены и в мире станет темнее на треть. Пожалуй, на этом все. Не знаю, какие выводы из всего этого можно сделать, а я так день ото дня чувствую себя все большим идиотом. И знаете, мне интересно, что еще нам предскажет доктор Бен-Иегуда! А вам?

Хаим скороговоркой произнес адрес веб-сайта Циона.

Ведущий по-прежнему беззвучно шевелил губами, пытаясь подобрать слова и ошеломленно уставившись на Розенцвейга.

— Продолжайте шоу, — бросил Хаим. — Мой микрофон можно отключить.

* * *

Затемнение настолько выбило Рэйфорда из колеи, что он так и не поехал в тот день в Палуоки. Как и на следующий, и потом. Уменьшение солнечной энергии серьезно усложнило их и без того непростую жизнь, и в частности, публикацию в Сети проповедей доктора Бен-Иегуды. Выступление Розенцвейга вызвало сильный резонанс в

обществе: сайт посетило рекордное количество человек, хотя он и без того был самым посещаемым за всю историю человечества. Обеспечение работы Интернета и публикации ежедневных наставлений раввина отнимало у Рэйфорда столько сил, что он был вынужден отложить все остальные дела.

Из-за сокращения количества солнечной энергии проблемы с доступом в Сеть возникли повсеместно. Верующие по всему миру собирались, чтобы копировать и распространять тексты проповедей, но невозможно было узнать, помогало ли это кому-то прийти к Христу.

Хлоя вынуждена была временно оставить свои попытки по организации экономического сотрудничества между верующими. Всего за несколько недель во всем мире произошли серьезные климатические изменения. Города Среднего Запада стали как две капли воды похожи на Аляску в разгар зимы. Запасы энергии были исчерпаны. Сотни тысяч людей погибли, потому что не были готовы к подобным погодным изменениям. Даже хваленое руководство Мирового Сообщества, не потрудившееся внести поправки в свое первоначальное заявление по поводу затемнения, искало кого-либо, на кого можно было бы свалить вину за происходящее. Поддавшись панике, люди не могли понять, какова на самом деле была роль рабби Бен-Иегуды в разразившейся катастрофе. Предсказал ли

он это, как утверждал Розенцвейг, или призвал эту кару на Землю?

Петр Второй обвинял Бен-Иегуду и Эли с Моше в использовании черной магии, подтверждая свои заявления съемками со Стены Плача. В Израиле снег шел и не таял, люди за баснословные деньги покупали теплую одежду, старались не покидать домов, жгли мебель, чтобы как-то согреться, а проповедники оставались там же, где появились. Судя по видео, они, как и прежде, были босы. На них не было другой одежды, кроме привычных хламид из мешковины, не прикрывавших рук. Их длинные волосы и бороды также вряд ли могли служить защитой от холода, но они, как будто не чувствуя мороза, продолжали проповедовать.

— Если и существует дьявол, — неистовствовал самопровозглашенный верховный понтифик, — то эти двое явно служат ему! Кто, кроме сумасшедших бесовских созданий, мог бы выдержать подобное и продолжать свои бессмысленные речи?

Сам потентат был непривычно молчалив и мало появлялся на публике. В итоге, когда бессилие Мирового Сообщества перед силами природы стало очевидно, он решил обратиться к народу.

Днем, когда на Ближнем Востоке солнце светило чуть ярче, Маку удалось дозвониться до Рэйфорда. Тот использовал допотопный аккумуляторный телефон, заряженный от генератора. Связь была плохой, так что общались они недолго.

— По возможности посмотрите сегодня выступление Карпати, Рэй! — прокричал Мак, стараясь перекрыть треск в трубке. — Мы тут от холода не страдаем, потому что кто-кто, а Карпати в энергии недостатка не испытывает. Зато в эфир он выйдет в длинной парке с капюшоном, которую специально выписал из Арктики.

Рэйфорду с Флордом удалось сэкономить достаточно энергии, чтобы обеспечить работу самого маленького телевизора в доме. Все сгрудились вокруг экрана не только чтобы было лучше видеть, но и потому, что так было теплее. Хэтти привычно прокомментировала:

— Не знаю, как вы, а я всего лишь получаю по заслугам.

Цион ответил:

— Хэтти, милая, никто из запечатленных слуг Господа не погибнет от этой кары. Это всего лишь способ привлечь внимание неверующих. Мы страдаем, поскольку эта кара касается мира в целом, но она не причиняет нам смертельного вреда. Неужели ты не хочешь такой же защиты?

Она в ответ промолчала.

* * *

У Бизона, мерзнувшего в подвале вместе с Иаковом и Стефаном, не было возможности посмотреть обращение Карпати по телевизору, поэтому они слушали его по

радио. Сигнал был настолько слабым, что они едва дышали, чтобы ненароком его не заглушить.

В Маунт-Проспект члены Отряда Скорби наблюдали за тем, как Карпати, ровно как предсказывал Мак, зашел в пустую студию, похлопывая одетыми в рукавицы ладонями и приплясывая, как будто только что с мороза.

— Граждане Мирового Сообщества, — обратился он, — я преклоняюсь перед вашим мужеством, готовностью к сотрудничеству, верностью и единением перед лицом очередной катастрофы.

Я здесь, чтобы сообщить о своем намерении посетить проповедников у Стены Плача, которые во всеуслышание заявили о своей причастности к тем бедам, что обрушились на Израиль. Я хочу заставить их признать, что за этой подлой попыткой разрушить наш новый мировой порядок тоже стоят они.

По всей видимости, им невозможно причинить физического вреда. Я попробую воззвать к их порядочности, справедливости и состраданию, я пойду туда с открытым сердцем, чтобы вести переговоры. Очевидно, они чего-то хотят. Если я смогу предложить им что-то без ущерба для нашей системы и граждан, ради которых я живу, я готов их выслушать и рассмотреть любые условия.

Завтра я отправлюсь туда в сопровождении телевидения. У нас в штаб-квартире в Новом Вавилоне достаточно энергии, чтобы

обеспечить запись этого исторического события на пленку, так что, когда это испытание окончится, все граждане смогут увидеть его воочию.

Мужайтесь, возлюбленные мои. Я верю, что конец этого кошмара близок.

— Он собирается отправиться к Стене? — переспросил Бизон. — Мне не послышалось?

Стефан кивнул.

— Давайте и мы туда сходим.

— Они же там все оцепят и никого не будут пускать, — возразил Иаков.

— Это верно, — заметил Бизон. — Но...

И он предложил им одеться потеплее и отправиться к Стене прямо сейчас, чтобы заранее найти укромное место в непосредственной близости от ограждения, за которым находились Эли и Моше.

— Мы можем сделать себе некое подобие укрытия, которое со стороны будет выглядеть просто как деревянный ящик.

— Но у нас осталась всего пара листов фанеры, которые мы собирались пустить на обогрев. Помнишь, та, зеленая, в подвале, — вставил Стефан.

— Мы принесем ее с собой обратно, — уверенно заявил Бизон. — А потом сожжем.

План на поверку оказался совершенно безрассудным. Хотя за несколько недель раны Бизона начали заживать, швы все равно немилосердно болели, мешали работе лицевых мышц и, конечно, были крайне чувствительны к холоду. А в планы Кэмерона вовсе

не входило что-нибудь себе отморозить. Но отступить было поздно.

Втроем с товарищами они нашли лестницу, ведущую к заброшенному зданию совсем недалеко от Стены. Карпати должен был объявиться в полдень, поэтому в кромешной предрассветной темноте у них было достаточно времени, чтобы устроить себе некое подобие укрытия. Даже если бы кто-нибудь случайно оказался там, то вряд ли заметил бы их из-за метели.

Место их засады представляло собой грубо сколоченный ящик с щелями для обозрения, и к тому моменту, когда они наконец забрались в него, все насквозь промокли и замерзли. Но журналистское чутье подсказывало Бизону, что надо проверить, как сооруженная ими конструкция выглядит со стороны.

— Я сейчас вернусь, — шепнул он товарищам.

— Ты хочешь снова вернуться в этот ад? — удивился Иаков.

— Всего лишь на минуту.

Отойдя на сотню футов, он попытался сквозь метель разглядеть их укрытие на фоне лестницы в слабом свете фонаря.

«Идеально», — подумал он. Вряд ли кто-то обратит внимание на их ящик. Пробираясь обратно, Бизон невольно оглянулся на Стену, где должны были находиться Свидетели, но их самих не увидел и решил подойти поближе.

У ограждения пророков не было. Бизон приблизился, уверенный в том, что вряд ли

удивит или напугает их, ведь они без труда распознают в нем верующего. Подойдя практически вплотную к ограждению, журналист невольно вспомнил свой самый первый разговор с Эли и Моше, когда он тоже находился всего в нескольких футах от них.

Метель на секунду утихла, и ему удалось разглядеть проповедников. Они расслабленно сидели, опершись на стену здания и положив руки на колени, и о чем-то разговаривали. Они не пытались жаться друг к другу, чтобы сохранить тепло, — погода явно не оказывала на них никакого воздействия. Бизон хотел что-нибудь им сказать, но в голову ничего не приходило. Да и не похоже было, чтобы Свидетели нуждались в его поддержке. Они, видимо, вообще ни в чем не нуждались.

И тут они одновременно посмотрели в его сторону. У Бизона разом как будто все мышцы свело, так что он смог только кивнуть и потрясти кулаком в знак поддержки. Впервые на его памяти они улыбнулись, а Эли поднял руку, приветствуя его. Сердце Кэмерона готово было выскочить от восторга, и он бегом рванул к месту, где прятались его товарищи.

— Где тебя носило? — обеспокоенно спросил Иаков. — Мы уж было подумали, что ты потерялся, или замерз, или еще чего похуже.

Бизон уселся рядом с ними, сгорбившись и обняв руками колени.

— Я в порядке, — счастливо улыбаясь, ответил он.

Как только прибыл автобус с Карпати и сопровождающими, войска Мирового Сообщества оттеснили толпу любопытных на безопасное расстояние. Снегопад прекратился, но полуденное солнце едва ли давало сколько-нибудь тепла.

Пока телевизионщики расставляли свои софиты, микрофоны и камеры, потентат оставался в автобусе. Когда все было готово, из автобуса вышли Фортунато и еще несколько высших сановников. Карпати появился последним и направился прямо к ограждению, за которым как ни в чем не бывало сидели Свидетели.

Весь мир наблюдал, как Карпати произнес:

— Сердечно приветствую вас от имени Мирового Сообщества. Полагаю, что вы предвидели мой приход благодаря своим сверхъестественным способностям.

Ни один из пророков не потрудился встать.

— Лишь Господь всемогущий, всезнающий и вездесущий, — сказал Моше.

— И все же я здесь представляю граждан Земли, чтобы выяснить, какие действия нам следует предпринять, чтобы избавить нашу планету от этого проклятия.

Свидетели встали и сделали шаг вперед.

— Мы будем говорить только с тобой.

Карпати кивком отослал сопровождающих, и Фортунато с явной неохотой отвел их обратно к автобусу.

— Ну что ж, продолжим? — предложил Карпати.

— Мы будем говорить только с тобой.

Похоже, это его озадачило. Осознав, что они имеют в виду, потентат попробовал возразить:

— Но здесь только телеоператоры и прочие техники.

— Мы будем говорить только с тобой.

Николае подчеркнуто покорно опустил голову и отправил телевизионщиков вслед за остальной свитой.

— Можно оставить камеры включенными? Вы не против?

— Ты не нам объявил войну, — произнес Эли.

— Прошу прощения. Разве не вы стоите за этим затемнением, которое привело к хаосу во всем мире?

— Только Господь Всемогуший.

— Я прошу вашей помощи, потому что вы утверждаете, что говорите от имени Бога. Если все это послано Богом, то прошу вас, давайте договоримся, заключим сделку, найдем какой-нибудь компромисс.

— Ты не нам объявил войну.

— Хорошо, я понял, но если вы имеете доступ к Нему...

— Ты не нам...

— Я вас понял! Прошу вас...

Внезапно Моше заговорил так громко, что шумомеры зашкалило.

— Как смеешь ты что-то говорить избранным Господа Всемогущего?

— Прошу прощения, я...

— Ты, который угрожал нам смертью до положенного срока?

— Хорошо, я признаю, что...

— Ты, который отрицает единого истинного Бога, Бога Авраама, Исаака и Иакова!

— Я исповедую экуменизм и веротерпимость, поэтому, да, я не считаю, что человек должен быть ограничен в выборе своего божества. Но...

— Есть один Бог и один заступник за род человеческий перед Богом — Иисус Христос.

— Это такая же разумная точка зрения, как и многие другие...

— Ибо написано: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу».

— Неужели вы настолько ограни...

— Ты не нам объявил войну.

— Вы опять об этом? Позвольте мне предложить для...

Свидетели отвернулись и сели на прежние места.

— Что это все значит? На глазах у всего мира вы отказываетесь говорить со мной? Отказываетесь от переговоров? Все, что вы мне сообщили, — это что я кому-то, но не вам объявил войну. А кому же? Что ж, ладно!

Карпати подошел почти вплотную к центральной камере и уставился прямо в нее. Говорил он устало, но со своей обычной безупречной дикцией.

— На основании последних данных я должен сделать следующее заявление. Никто из свидетелей, присутствовавших на собрании на стадионе имени Тедди Колле-

ка, а также членов ближайшего окружения доктора Бен-Иегуды не несет ответственности за смерть гвардейца сил Мирового Сообщества, случившуюся там. Человек, убитый войсками Мирового Сообщества в аэропорту Иерусалима, не был террористом. Мой хороший друг доктор Розенцвейг никогда не пытался задержать по моему приказу рабби Бен-Иегуду и его приспешников. С этого момента сочувствующие доктору Бен-Иегуде и его учению перестают считаться преступниками и врагами Мирового Сообщества. Все граждане могут жить согласно своим убеждениям и свободно перемещаться между странами Сообщества. Не знаю, к кому мне следует обращаться, но надеюсь, меня слышат. Я пойду на любые уступки, чтобы избавить мир от этой ужасной тьмы.

Он развернулся на каблуках, насмешливо отсалютовал Свидетелям и вернулся в автобус. Когда телевизионщики рванули собирать свою аппаратуру, Эли и Моше внезапно начали громогласно проповедовать, так что их услышал даже ретировавшийся потентат.

— Горе всем вам, которые не хотят поклониться и поднять головы ваши!

Два дня спустя солнце снова засияло в полную мощь, и земля начала оттаивать. Бизон решил лететь домой под своим собственным именем.

— У меня все равно не получается добратся до Чикаго напрямую, — сетовал он. — Даже

теперь, когда границу открыли, все равно придется добираться через Европу.

— Афины подойдут?

— Я уточню. А почему именно Афины?

Рэйфорд рассказал про Лукаса Миклоса и обещал связаться с ним.

— Я спрошу, сможет ли он встретить тебя в аэропорту. Тебя это несильно задержит, а ему встреча с тобой доставит огромную радость.

* * *

Цион признался Рэйфорду, что изучает, наверное, самое страшное и зловещее из всех предупреждений Господних. А тем временем своим читателям в Интернете он писал следующее:

«Мы все знаем, что все описанное в двадцать первой главе Евангелия от Луки истинно, и я призываю всех, и верующих, и неверующих, внимательно смотреть на небо. Думаю, это же имели в виду Его Свидетели».

Доктор Чарльз откопал телескоп Донни Мура и привел его в порядок, чтобы, как и миллионы людей по всему миру, наблюдать за звездами. В одной из своих проповедей Цион объявил, что изучает возможность создания сайта для трансляции того, что видно через их телескоп. Рэйфорду немедленно позвонил Давид Хассид.

— Как хорошо, что я тебя поймал, — запыхавшись, проговорил он. — В каком со-

стоянии ваша идея с сайтом, транслирующим картинку с телескопа?

— Через пару дней запустим. Не хотим заставлять людей ждать.

— Не делайте этого ни в коем случае! Толковая программа с картой звездного неба и опытный астроном без особого труда по этой картинке вычислят, где вы находитесь.

Рэйфорд стукнул себя по лбу.

— Вот спасибо, Давид. Сам бы я ни за что не додумался.

— Кстати, Карпати тоже себе заказал мощнейший телескоп, я работаю с теми, кто будет его обслуживать. Мы можем наблюдать его показания с нескольких компьютеров одновременно.

— Давид, ты же знаешь, что искать.

— О да.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На следующей неделе в новостях сообщили, что астрономы по всему миру зафиксировали некое небесное тело, которое поначалу приняли за метеорит. Впервые его заметили в Азии. Но в отличие от обычных метеоров этот почему-то не исчез через пару секунд, прочертив сияющую полосу в атмосфере. Орбитальной траекторией этот удивительный движущийся объект также не следовал...

Ученые восторженно объясняли, что сейчас мир наблюдает одно из астрономических явлений, произошедшее годы назад, но в силу удаленности Земли от звезд только сейчас ставшее доступным нашему глазу.

Однако после наблюдения за этим объектом не только профессионалу, но и любителю становилось очевидно, что это вовсе

не обычная звезда. И уж тем более не воспроизведение того, что произошло какое-то время назад.

Эксперты не смогли его идентифицировать, но пришли к единому мнению, что объект был крохотным и двигался прямо по направлению к Земле. Он выделял сравнительно мало тепла, но светился, а также отражал свет звезд или Солнца в зависимости от времени суток.

Чем пристальнее его изучали, тем меньше видели в нем угрозу планете. Глава УМСАКП заявил, что с большой вероятностью этот объект сгорит в атмосфере Земли.

— Но даже если этого не произойдет, скорее всего, он приземлится в воду, не причинив никакого вреда. Судя по тому, что нам известно о его массе и плотности, ударившись о поверхность планеты, он скорее сам пострадает, нежели сможет нанести ущерб. Но, вероятнее всего, неизвестный объект просто обратится в пар.

И тем не менее все продолжали за ним наблюдать. Предполагалось, что неопознанный объект приземлится где-то на Ближнем Востоке, в районе так называемого Плодородного полумесяца, который, по мнению большинства ученых, был колыбелью цивилизации.

Ученые, работающие на Мировое Сообщество, отправились на место предполагаемого падения объекта, чтобы наблюдать за возможными последствиями. Согласно их сообщениям, он проскользнул в глубо-

кую трещину в земной коре. Обследование поверхности с воздуха показало, что подобраться к объекту поближе, чтобы детально изучить его, ни на транспорте, ни пешком не представляется возможным.

Когда самолеты производили фото- и видеосъемку местности, сейсмографы в разных уголках мира зафиксировали начинающееся в том районе мощнейшее извержение. Чем бы ни было упавшее на землю, оно спровоцировало небывалый всплеск вулканической активности.

Сначала ударной волной накрыло пилотов: им едва удалось выбраться из опасной зоны. Затем над местом падения сформировалось грибовидное облако как физическое подтверждение того, что под землей что-то происходит. Облако возникло так стремительно и было настолько огромным, что, по мнению ученых, превосходило все когда-то произведенные взрывами либо естественными явлениями. Последовавшее извержение тоже было совершенно уникально, потому что его источником был не вулкан, а обычная трещина в земной коре.

В течение двенадцати часов камеры, расположенные в тысяче миль от зоны сейсмической активности, фиксировали все происходящее там. Огромное облако, подпитываемое вырывающимися из-под земли газами, вопреки всем законам, равномерно распространилось по всему небу, угрожая перекрыть солнечный свет.

Это было совсем не похоже на облако дыма, постепенно тающее на ветру. Оно было плотным и черным, как от сожженного бензина. Ученые опасались, что источником этого дыма может быть огромный подземный пожар, который в конечном итоге вырвется на поверхность.

Это облако, плотной пеленой затянувшее небо, спутало все планы Бизона. Он уже взял билеты и предвкушал встречу с Лукасом Миклосом. В Афинах он должен был пересесть на прямой рейс до Чикаго, а оттуда, убедившись, что за ним нет слежки, отправиться в Маунт-Проспект. Они заранее обстоятельно продумали, как замести следы. Но, увы, рейс отменили из-за нелетной погоды.

Бизон не придумал ничего лучше, чем воспользоваться темнотой, чтобы отправиться к Хаиму Розенцвейгу и поделиться с ним своими бедами.

— Кэмерон, это даже к лучшему, поверь, — уверенно заявил тот. — То, что Карпати официально исключил тебя из списка подозреваемых, ничего не значит. Со мной он отказывается говорить. Леон тоже темнит. Они, конечно, не могут открыто нарушить свое слово, но рано или поздно они найдут способ его обойти.

— Да черт с ними. Я так хочу увидеть жену, что готов хоть вплавь туда отправиться.

— Опасайся фанатиков религии Сокровенного Вавилона.

— Что там выдумал Петр Второй?

— Неужели ты не слышал?

Бизон признался, что был слишком занят подготовкой к отъезду. Хаим включил телевизор:

— Я могу уже это цитировать наизусть, так много раз слышал за сегодня. В новостях, кроме дымящегося вулкана, только об этом и говорят.

Мэтьюз, облаченный во все свои регалии, вещал перед журналистами:

— Может, Мировое Сообщество и заключило с этими колдунами-террористами негласное соглашение, но закон есть закон. Официальной верой всего мира признана религия Сокровенного Вавилона. Внимательное изучение Устава Мирового Сообщества подтверждает, что вопросы веры входят в сферу моей компетенции, и я в меру своих возможностей накажу нарушителей. Во избежание домыслов и недопонимания хочу заявить, что любые вероучения, претендующие на монополию и проповедующие нетерпимость, противоречат догматам нашей истинной веры. Если Мировое Сообщество считает необходимым ради неуместной дипломатии отклониться от вселенской истины, самое время перейти в наступление религии Сокровенного Вавилона.

Одно дело — быть атеистом или агностиком. Даже их мы приветствуем в своих рядах. Но исповедовать религию, которая прямо противоречит нашей миссии, незаконно! И все ее последователи должны быть наказаны.

В качестве первого шага по истреблению религиозной нетерпимости начиная с noon часов по Гринвичу вторника посещение сайта так называемого Отряда Скорби будет расцениваться как нарушение закона. Поучения гуру этого культа доктора Циона Бен-Иегуды отравляют души людей, исповедующих истинную любовь и веру, и мы не позволим, чтобы этим ядом торговали как наркотиком.

Мы располагаем технологиями, которые позволяют отслеживать все действия любого человека в Интернете. Те, кто продолжит посещать указанный сайт после озвученного срока, будут оштрафованы или заключены в тюрьму.

Его прервал один из репортеров:

— У меня к вам два вопроса, верховный понтифик. Первый: как арест людей за посещение веб-сайта согласуется с доктриной терпимости, веры и любви? И второй: если вы можете отслеживать действия каждого в Интернете, почему до сих пор не прекратили функционирование сайта Бен-Иегуды?

Петра Второго немедленно увели с трибуны, а один из его помощников заявил:

— Прошу прощения, но мы с самого начала предупреждали, что времени на вопросы не будет.

«Хотел бы я взглянуть на лоб того журналиста», — подумал Бизон. Он впервые пожалел, что открыто заявил о своей вере и не может больше заниматься подпольной деятельностью.

Рэйфорд выехал из убежища рано утром на внедорожнике Бизона. Хотя небо было затянуто дымом, он понимал, что дальше откладывать поездку в Палуоки нельзя. Как минимум надо было выяснить, как там машина Кена, потому что ровер явно нуждался в ремонте. Наверное, Отряд мог бы воспользоваться для своих нужд ритцевским джипом, но Рэйфорд слабо себе представлял, как следует распоряжаться наследством погибшего человека, у которого не было никаких родственников.

Внезапно он услышал голос, так четко и громко, как если бы к нему обратился кто-то сидящий рядом. Радио было выключено, и в машине никого больше не было, но звук был как у современной аудиосистемы:

— Горе, горе, горе, живущие на земле, принесут вам три Ангела, которым еще предстоит вострубить!

Зазвонил мобильный. Это был Давид Хассид.

— Капитан Стил, я сейчас не в штаб-квартире и могу говорить. Понятия не имею, как власти будут выкручиваться, но спорю, что в новостях это не покажут.

— Я тоже это слышал. Думаю, это эффективнее любых СМИ.

— А мы все здесь еще и видели это до того, как услышать. Ну, по крайней мере, наши приборы засекли. Так сквозь облако

дыма ничего не было видно. У нас мощные радиолокаторы, направленные в небо, поэтому слышно все было предельно четко. Я спросил турка, на каком языке говорили, он заверил меня, что на его родном. Я, правда, все слышал по-английски, но ты ведь понимаешь, о чем я думаю.

— Это действительно был ангел?

— Мы работали всю ночь, потому что чей-то зонд что-то зафиксировал. На основании этих данных программа выдала изображение чего-то, похожего на некое небесное тело, комету или что-то в этом роде. Мы настраиваем на него приборы, измеряем, все такое. Но я же не астроном, я понятия не имею, куда смотреть. Ну и брякнул, что мне кажется, что это что-то небольшое и узкое. И тут они все начали меня благодарить, потому что это подало их главному отличную идею. Он так и сказал: «Итак, давайте предположим, что объект меньше и находится ближе!»

Они перенастраивают зонд, и внезапно компьютер выдает нам пачку четких картинок. Он как будто прозрачный и немного похож на человека, но не совсем. Мы следим за ним, тут нам приказывают направить на него все наши радиоастрономические спутники, как если бы мы наблюдали за звездами в дневное время. И тут мы все услышали это.

— Конечно, через треск и помехи мы не расслышали первое слово, но я же читал проповеди доктора Бен-Иегуды, поэтому

я знал, о чем речь. Опять же первое слово было повторено еще дважды, так что все стало ясно. Говорю вам, капитан, здесь у всех была истерика, буквально у всех. Без преувеличения люди, рыдая, катались по полу.

Они повторяли запись снова и снова, я даже скопировал ее себе на диктофон. Но удивительное дело, на записи говорят по-гречески. Мы все слышали эту фразу на своем родном языке, но на самом деле это был греческий.

* * *

Бизон тоже слышал слова ангела, но по ошибке принял их за звук телевизора, пока не взглянул на Хаима. На лице у того был написан ужас. Неужели он все еще сомневался в существовании Бога? Судя по всему, нет. И похоже, теперь отказ от истины Господа стал его личным выбором.

* * *

Рэйфорд подъехал к ангару, где жил Кен до того, как перебраться в убежище. Под капотом джипа Ритца копался Эрни. Заметив Рэйфорда, он оторвался от машины, улыбнувшись, энергично пожал ему руку и надел свою засаленную кепку козырьком назад, так что печать на его лбу стала от-

четливо видна, как если бы он гордился ей. Было заметно, что он дрожал.

— Это было так жутко, правда? — сказал он.

— Для тех, кто ждал этого, не особо, — отозвался Рэйфорд. — Тебе нечего бояться. Даже смерти. Никто из нас не хочет умирать, но мы точно знаем, что нас ждет.

— Да, конечно, — поддакнул Эрни, перевернул кепку обратно. — Но аж кровь стынет в жилах!

— Как там машина Кена?

Эрни продолжил ковыряться под открытым капотом.

— После всего того, что с ней приключилось, сейчас я бы сказал, что она в порядке.

— Это для тебя своего рода терапия?

— Простите, я никогда не был прилежным учеником, — смутился Эрни. — Что значит это слово?

— Возня с машиной Кена помогает тебе от болезненных воспоминаний о том, что его больше нет?

— Ну, я не настолько долго его знал. То есть я хочу сказать, что для меня это был шок и мне будет его не хватать. Но я всего лишь работал на него. Он мне платил.

— Но то, что вы братья по вере...

— Да, это было здорово. Он рассказал мне про сайт того парня Бен-Иегуды.

К восстановленной башне диспетчерской через дорогу от них подъехала машина, из которой вышли двое мужчин в рубашках и при галстуках. Высокий афроамериканец

и коренастый белый. Первый отправился внутрь здания, а второй прямым к ним. Эрни обернулся к нему, натягивая кепку на самые брови.

— Привет, Бо, — промямлил он. — Ты слышал тот голос с небес?

— Слышал, — с нескрываемым отвращением ответил Бо. — Если ты веришь, что это был голос с небес, то ты еще более чокнутый, чем я думал.

— А что это могло быть еще? — настаивал Эрни.

Бо в это время оценивающе разглядывал Рэйфорда.

— Какие-нибудь очередные фундаменталисты, которые дураят нам голову. Какой-то фокус с мегафоном. Я на такое не куплюсь.

Подросток неловко хихикнул, искоса взглянув на Стила.

— Здравсте. — Бо приветственно кивнул Рэйфорду. — Чем могу помочь?

— Ничем, спасибо. Я просто друг Кена Ритца.

— Да, ужасное несчастье.

— На самом деле я пришел, чтобы позаботиться о его вещах. Похоже, у него никого не осталось из родственников.

Эрни мгновенно оторвался от машины и обернулся так резко, что даже Бо чуть опешил. Было очевидно, что оба они хотят что-то сказать, но, посмотрев друг на друга, заколебались. А затем заговорили одновременно.

— И ты думал, что просто так придешь и забереешь... — произнес Бо.

— Но так и есть, у него не было родственников. И он мне около недели назад... — заговорил в то же время Эрни.

Потом он все же сдался и умолк, так что Бо, повторив начало фразы, закончил свою мысль:

— И ты думал, что просто так придешь и забереешь все, что хочешь, да?

Рэйфорда подобный цинизм, особенно из уст незнакомца, просто ошарашил.

— Нет, что вы, сэр...

— С чего это ты мне сэркаешь? Я тебя совсем не знаю!

Рэйфорда застали врасплох, поэтому старые рефлексy сработали раньше, чем он собрался.

— А ты не человек, что ли? Или как там на вашей планетке в хорошем обществе принято обращаться к незнакомцам, Бо?

Он вложил в обращение весь свой сарказм. Бо был ниже его, но крепкий, как полузащитник. Короткая стрижка удачно дополняла этот образ.

— Почему бы тебе не взять в руки свою меньшевистскую задницу и не свалить отсюда, пока она все еще при тебе? — рявкнул Бо.

Рэйфорда переполняли одновременно ярость и раскаяние за это чувство, хотя он продолжал изливать яд сарказма на собеседника.

— Почему бы тебе не пойти и не заняться своими делами, пока я спокойно поговорю с Эрни?

Бо начал на него наступать, так что Стил на миг задумался, не придется ли ему всерьез защищаться.

— Потому что Эрни работает на меня, — заявил Бо. — И меня касается все, что здесь находится, включая пожитки Кена.

Рэйфорд сделал глубокий вдох, чтобы взять себя в руки.

— Тогда я с удовольствием поговорю с Эрни вне работы и...

— И значит, не здесь, — закончил за него Бо.

— Хорошо, но что дает тебе право распоряжаться вещами Ритца?

— А тебе?

— Я на них никаких прав не предъявлял, — возразил Рэйфорд. — Я просто счел правильным выяснить, что с ними.

Эрни выглядел как побитая собака.

— Но, Бо, сэр, Кен говорил мне, что, если с ним что-нибудь случится, я могу распоряжаться его наследством.

— Ну конечно!

— Да! Самолетами, этой машиной и прочим барахлом. Всем, чем мне угодно.

Рэйфорд посмотрел на Эрни с подозрением. Не то чтобы он хотел допрашивать своего собрата по вере, особенно в присутствии чужака, но выбора у него не оставалось.

— Ты же утверждал, что вы едва знали друг друга.

— Дай я разберусь, — заявил Бо. — Эрни, мы оба знаем, что это полная чушь! Ритц наполовину владел этим аэропортом и...

Его реплика заинтересовала Рэйфорда, это не совпадало с тем, что говорил Кен о намерении купить Палуоки.

Должно быть, Бо заметил его реакцию и понял, что недооценил, как много тот знал.

— Точнее, — попытался оговориться он. — Он сделал такое предложение. Ну или собирался. Хотя, конечно, он хотел выкупить этот аэропорт. Так что любая его собственность принадлежит Палуоки.

Рэйфорд почувствовал, как кровь опять начинает закипать.

— Да, блистательная аргументация. Он умер до завершения сделки, поэтому в качестве компенсации ты забираешь его собственность? Может, еще переименуешь Палуоки в Мемориальный аэропорт Кена Ритца? Ты, значит, получаешь его активы, а он? Посмертное владение аэропортом, которым управляешь ты и прибыль от которого идет в твой карман?

— А тебе-то какое дело до всего этого, умник?

Рэйфорду внезапно стало смешно. Ей-богу, как дети в песочнице! Как он умудрился докатиться до подобной нелепой разборки с совершенно незнакомым человеком?

— Я же говорил, что ни на что не претендую, но не позволю, чтобы с наследством моего друга случилось что-нибудь, чего бы он не хотел.

— Он хотел, чтобы все принадлежало мне! — попытался вставить Эрни. — Говорю вам!

— Эрни, занимайся машинами и не суй нос не в свое дело, — пригрозил Бо. — И сотри это пятно со лба. С ним ты выглядишь полным идиотом.

Эрни натянул кепку на лоб, отвернулся от них и снова занялся машиной, бормоча:

— Я заберу себе то, что он мне разрешил взять, вот увидите. Вам не удастся угрозами заставить меня отказаться от того, что принадлежит мне по праву! У вас ничего не выйдет!

Рэйфорду было очевидно, что парень лжет, и это вызвало в нем чувство омерзения, но еще больше возмущало его то, что, кажется, Эрни стыдился печати Господа на своем лбу.

И тут его осенило. Ведь печать могли видеть только верующие! Неужели все это время он спорил с одним из своих братьев?! Стил внимательно посмотрел на лоб Бо, что было несложно, учитывая его прическу, цвет лица, а также расстояние между ними.

Кожа Бо была девственно чиста.

* * *

Бизона внезапно охватило странное беспокойство. Они с Розенцвейгом сидели в гостиной, и журналист, повинуясь интуиции, опять поднял вопрос о том, почему его друг все еще отказывается признавать очевидное.

— Доктор, — начал он, — как вы можете после всего того, что вы видели, испытали и узнали за последние годы, по-прежнему отворачиваться от Господа? Пожалуйста, не обижайтесь. Мы все очень переживаем за вас — я, Цион, моя жена и ее отец. Вы на весь мир заявили в прямом эфире, что Бен-Иегуда был прав в своей трактовке пророчеств. Вы простите, что так давлую на вас, но времени становится все меньше и меньше.

— Должен признаться, что я пребываю в некотором смятении, — ответил Розенцвейг. — Особенно после последней беседы с Бен-Иегудой. Ты, конечно, слышал мои аргументы против существования Бога, но сейчас даже я не стану отрицать, что мы наблюдаем Его деяния. Это слишком очевидно. Но должен сказать, что я не понимаю вашего Бога. Мне Он кажется каким-то злонамеренным. Почему не обратить внимания на Себя, творя чудеса, как в Библии? Зачем усложнять жизнь человека так, чтобы у него в итоге не оставалось выбора? Если меня принуждают быть преданным, я испытываю естественное отторжение. Я хочу прийти по своей воле, если таковая вообще будет.

Бизон встал и отдернул штору. Небо стремительно темнело, и в отдалении слышался неясный грохот. Ему невольно захотелось отойти от окна. Это было странно, ведь дождя не ожидалось. Что это за грохот? Мгла была такой плотной, что он едва мог видеть на десять футов вперед.

— Доктор, Господь воистину не обделил вас своими дарами. И тем не менее посланные вам друзья, знания, талант, восхищение, доход и блага не привели вас к Нему! Он не желает никому гибели и прибег к карам только для того, чтобы люди обратились к Нему или навсегда отвернулись. Я и мои близкие молимся, чтобы вы выбрали первое.

Розенцвейг, как будто стал на несколько лет старше. Усталый, изможденный, одинокий, он определенно нуждался в отдыхе. И все же Бизон знал, что дальше будет только хуже. Старик ерзал, пытаясь усесться поудобнее, как будто его что-то смущало. Он явно думал о чем-то своем, но из-за грохота за окном им обоим приходилось почти кричать.

— Должен сказать, что тот факт, что ты молишься за меня, значит для меня гораздо больше, чем я мог... — Тут Хаим нахмурился. — Что это за шум?

Гудение перешло на более высокую частоту и стало похожим на металлический скрежет.

— Похоже на звон цепей, — предположил Бизон.

— Может, какой-нибудь низко летящий вертолет?

— Доктор, все аэропорты закрыты!

— Он становится все громче! И за окном темнеет! Снаружи темно, как ночью. Кэмерон, отдерни полностью штору, пожалуйста. О мой Бог!

За окном было темно, хоть глаз выколи, а грохот был просто оглушающим. Бизон обернулся к Хаиму, увидев на его лице отражение своего собственного ужаса. Металлический звон был настолько невыносимым, что они оба заткнули уши. Грохот, от которого тряслись стекла, перерос в какофонию нестройных пронзительных, раздражающих, гремящих звуков, которые проникали даже сквозь стены зданий.

Бизон выглянул в окно и обмер от страха. Из мглы появились какие-то летающие твари — страшные, уродливые, коричнево-черно-желтой окраски. Это было похоже на рой саранчи, каждая из которых напоминала лошадь не более пяти-шести дюймов величиной, но со скорпионьими хвостами. Самое жуткое, что эти существа как будто атаковали, всеми силами пытаясь проникнуть сквозь стекло. Они напрочь игнорировали его, как если бы их целью был Хаим.

Профессор, стоявший в центре комнаты, заорал:

— Кэмерон! Они охотятся на меня! Скажи мне, что это просто кошмар, я скоро проснусь!

Твари столпились перед окном, отчаянно размахивая крыльями и ударяясь в стекло.

— Мне очень жаль. — По всему телу Бизона прошла дрожь, его буквально трясло. — Но они реальные! Это первая из трех кар, о которых предупреждал ангел.

— Но что им нужно? Они опасны?

— Цион говорил, что они не будут, как обычно, поражать листву и посевы, но тех, у кого нет на лбу Божьей печати.

Тут Хаим побледнел настолько, что Бизон испугался, что тот лишится чувств.

— Присядайте, я открою окно...

— Нет! Не пускай их сюда! Они меня сожрут!

— Может, у нас получится поймать пару между створками окна и мы сможем их рассмотреть?

— Я видеть их не хочу! Я хочу, чтобы их уничтожили до того, как они убьют меня.

— Хаим, они не могут убить вас.

— Откуда ты знаешь? — спросил Хаим, как ребенок, пытающийся врача, будет ли ему больно от укола.

— Я не утверждаю, что они не причинят вам вреда. Согласно Библии те, на кого нападут эти твари, захотят умереть, но не смогут.

— Бог мой. Нет!

Бизон на секунду распахнул окно, так чтобы пара тварей залетела между стеклами, и немедленно закрыл его. Несколько существ оказались в ловушке и начали метаться, ударяясь о стены и друг о друга и пытаясь выбраться. Скрежет от этого только стал еще громче.

— Неужели вам не интересно? — спросил Бизон. Сам он с трудом мог отвести взгляд от этих тварей, они как будто завораживали его. — Фантастические гибриды. Неужели вы как ученый не хотите на них взглянуть?

— Я вернусь через секунду, — крикнул Хаим и выбежал из комнаты. Вернулся он облаченный в какую-то нелепую пчеловодческую экипировку — высокие ботинки, мешковатый комбинезон, перчатки и шляпу с противомоскитной сеткой, которая закрывала лицо и шею. В руках у него была крикетная бита.

Снаружи донесся чудовищный вопль. Хаим бросился к другому окну, выглянул за штору и рухнул на колени как подкошенный.

— Господи, — молился он, — защити меня от этих тварей! И не дай погибнуть Ионе!

Бизон выглянул в окно, отодвинув Розенцвейга. Истошно кричащий Иона корчился и метался по земле, хлопая себя по ногам и груди и в то же время пытаясь как-то защитить лицо. Он был буквально покрыт саранчой.

— Надо занести его в дом! — заявил Бизон.

— Я не могу выходить! Они на меня набросятся!

На мгновение Бизон заколебался. Он верил, что эти твари не смогут причинить ему вреда, но тело как будто отказывалось подчиняться доводам разума.

— Я сам пойду, — наконец произнес он.

— Но как тебе удастся не пустить внутрь этих тварей?

— Пока не знаю, но я сделаю все, что могу. У вас есть еще одна бита?

— Нет, но есть теннисная ракетка.

— Сойдет.

Бизон направился вниз, вооружившись ракеткой, пока Хаим кричал ему вслед:

— Я запрусь в этой комнате. Пожалуйста, перед тем, как заходить ко мне, убедись, что рядом нет этих тварей. Неси Иону в переднюю гостевую комнату. Он умрет?

— Он будет жалеть, что не может умереть, — отозвался Бизон.

Перед входной дверью он остановился. Мгла, которая так долго висела над городом, исчезла, но ей на смену пришел не менее плотный рой этих отвратительных созданий. Произнеся короткую молитву, Бизон резким движением распахнул дверь и со всех ног бросился к Ионе, который уже просто корчился в судорогах.

— Иона! Я помогу тебе добраться до укрытия!

Но тот был без сознания.

Бизон положил ракетку и обеими руками перевернул здоровяка. Все лицо Ионы было искусано и уже начало опухать. Сторож был очень крупным мужчиной, и Бизон прикинул, что для его перемещения потребуются серьезные усилия. Он попытался припомнить, как перетаскивают людей пожарные, но никак не мог сообразить, как оторвать Иону от земли.

Отвратительные создания, так несообразно названные саранчой, угрожающе кружили над Бизоном, а некоторые даже садились на него. Он поразился тому, насколько тяжелы-

ми и большими они были. К его огромному облегчению, они не жалили его, но ему казалось, что своим стрекотом они пытались отогнать его от Ионы. Когда одно из этих созданий зависло над лицом привратника, Бизон схватил ракетку и, отступив, хорошенько размахнулся и ударил по нему со всей силы, отправив его прямо в одно из окон фасада. Ощущение от удара было, как если бы он отбросил игрушечную машинку. Вернувшись в дом, ему надо будет немедленно заколотить окно и избавиться от той твари.

Бизон засунул ракетку под мышку и принялся тащить Иону волоком к дому, крепко держа его за запястья. Но в десяти футах от двери их движение застопорилось: оказалось, ремень Ионы сильно цеплялся за траву. Уильямсу пришлось его развернуть и продолжить тащить за лодыжки. Добравшись до ступенек, он наклонился и, сделав усилие, поднял тело привратника себе на плечи. Похоже, тот весил на сотню фунтов больше его.

Зайдя в дом, он сгрузил Иону на ближайший стул, так что сам едва не упал, с трудом сумев сохранить баланс. До того как он успел захлопнуть дверь, в дом залетела еще одна саранча, и Бизон вырубил ее ракеткой. Она с треском пролетела по полу и отскочила от стены. Очевидно, тварь была оглушена, но по-прежнему жива, потому что ее брюхо все еще вздымалось. В этот момент попробовала атаковать та самая саранча, которой он метким ударом пробил стекло, и он повторно ее обездвижил.

Он попробовал ее раздавить, но панцирь оказался слишком прочным. Тогда он ногой подтолкнул обеих тварей на ракетку и выкинул их за дверь, плотно ее закрыв до того, как другие успели проникнуть внутрь. Затем Бизон законопатил разбитое окно и помог Ионе добраться до гостевой комнаты, уложив его на кровать. Сторож бредил и хрипел, пытаясь сорвать с себя рубашку.

Зная, что нет никакого способа облегчить его страдания и прекратить эту пытку, Бизон неохотно поднялся наверх. Его неудержимо тянуло посмотреть на этих ужасных созданий вблизи, через стеклянный барьер, за которым они были заперты. Наверное, так же людей тянет смотреть на места аварий и авиакатастроф.

Прежде чем отпереть дверь, Хаим потребовал, чтобы Бизон трижды проверил, что с ним нет никакой саранчи. Сам он попрежнему был закутан в пчеловодческую экипировку и сжимал крикетную битку. Удостоверившись, что Иона жив, Хаим схватил Бизона за руку и подтащил к окну. К ним немедленно подлетела запертая между стеклом разъяренная саранча, прямо садись и изучай. Кэмерон прекрасно понимал, что все неверующие, оказавшиеся на улице, уже разделили судьбу Ионы и скоро саранча найдет способ проникать внутрь домов. Но худшее все же было еще впереди.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рэйфорд схватил Эрни за ворот и притянул к себе. В нем клочкотала животная ярость отца, защищающего свою семью.

— Так ты, оказывается, самозванец?

Парень не столько сопротивлялся, сколько пытался удержать обеими руками свою кепку. Рэйфорд потянулся было стащить ее, но его противник, видимо, решил, что ему хотят разбить нос, и попробовал уклониться. Этого оказалось достаточно, чтобы его хватка ослабла, так что Рэйфорду удалось сбросить его головной убор.

Неудивительно, что знак на лбу Эрни был таким ярким. Похоже, он постоянно подновлял его.

— Эрни, как ты посмел подделывать печать? Печать избранных Господа?! Это ж надо было додуматься!

Механик смертельно побледнел и попытался сбежать, но Рэйфорд схватил его одной

рукой за плечо, а другой потер знак у него на лбу. Краска легко стиралась.

— Должно быть, ты действительно внимательно читал проповеди Циона, раз смог воспроизвести рисунок, который никогда не видел.

— Что это еще за черт? — произнес Бо, уставившись на что-то.

— Поддельная печать из...

— Да про это я знаю, — бросил Бо. В его глазах был написан ужас, он указывал на что-то за спиной Рэйфорда. — Я вот то имею в виду!

Стил обернулся и увидел стремительно движущееся облако. По мере приближения стало очевидно, что это рой саранчи. Даже с расстояния нескольких тысяч ярдов было видно, насколько огромны эти существа. А шуму от них было!

— Мне крайне неприятно сообщать вам это, ребята, но, похоже, у вас серьезные проблемы.

— Это еще почему? — прокричал Бо. — Что это, черт возьми, такое?

— Одна из кар. Ну или очередная выходка фундаменталистов. Ты уж сам решай.

— Ты, Бо, делай, что хочешь, а я сваливаю! — заявил Эрни и бегом бросился к диспетчерской. Похоже, Бо тоже пришла в голову эта идея. Мальчишка не сразу смог справиться с дверью, поэтому толстяк налетел на него, буквально впечатав в нее. Оба рухнули вниз. Эрни захныкал, схватившись за колено.

— Давай подымайся, нытик, и лезь уже внутрь.

— А ты жирдай, вот кто ты. Противный жирдай Бо!

Бо рванул дверь на себя, двинув Эрни по голове. Тот выругался, но потерял равновесие и упал, пинком ноги закрыв дверь. Бо присел, слизывая кровь с содранного ногтя, а механик, перепрыгнув через него, понесся внутрь диспетчерской.

К тому времени, как Рэйфорд добрался до двери, помогать Бо было уже поздно: на него набросилась саранча. Толстяк бегал кругами, крича и размахивая руками. Эрни открыл дверь, чтоб поглумиться над ним, и на него тоже немедленно напала саранча. Тут из здания появился чернокожий, приехавший с Бо, и с ужасом уставился на мужчину и подростка, атакованных адскими тварями.

Он медленно покачал головой и взглянул на Рэйфорда. Печати на лбу друг у друга они заметили сразу, и Рэйфорд ни секунды не сомневался, что знак был подлинным, потому что саранча игнорировала их обоих.

Вдвоем они отогнали от Бо и Эрни саранчу и затащили их в помещение. Пострадавших трясло, они с трудом дышали, их тела распухли от укусов, но они были в относительной безопасности. Тогда, наконец, Рэйфорд обменялся рукопожатием с незнакомцем.

— Ти Эм Дилэнти, — представился тот. — Зовите меня Ти.

— Рэйф...

— Я знаю, кто вы, капитан. Кен мне о вас все рассказал.

— Не хочу показаться грубым, — начал Рэйфорд, — но странно, что он никогда не упоминал о вас.

Хотя обстоятельства их знакомства казались ему гораздо более странными, тем более что у их ног корчились от боли два человека.

— Я попросил его об этом и рад, что он оказался тем, кем я его считал, — человеком слова.

Рэйфорду очень хотелось поговорить с Ти, но прежде он считал необходимым как-то помочь Эрни и Бо.

— Куда бы нам их положить?

Ти кивнул в направлении приемной, где стояли удобные диваны и кресла.

— Как я понимаю, они не умрут, хотя страстно будут желать этого?

Рэйфорд кивнул.

— Читаете проповеди?

— Я такой же прилежный ученик Циона, как и любой верующий в мире.

— Кстати, надо выяснить, как они там, — пробормотал Рэйфорд, вытаскивая телефон.

Ответила Хлоя.

— Папа, это так ужасно! Эти существа напали на Хэтти.

Он через трубку слышал ужасные крики в отделении.

— Док как-нибудь может ей помочь?

— Он пытается, но она проклинает Господа и просит помочь ей умереть. Цион говорит, что это только начало и ей придется

так мучиться еще пять месяцев. И вероятно, к тому моменту мы сами уже будем страстно желать, чтобы она избавилась от страданий.

— Мы можем молиться, чтобы она обрела веру до этого.

— Да, но Цион считает, что это не принесет немедленного облегчения.

Рэйфорду это показалось немного странным, и он решил расспросить рабби на эту тему позже.

— С остальными все в порядке?

— Вроде да. Но у меня пока нет новостей от Бизона.

* * *

Бизон был крайне удивлен крепостью собственного желудка. Когда они с Хаимом склонились перед окном, он увидел материальное воплощение слов Писания. Вряд ли он мог бы представить существо более тошнотворное и отвратительное, Цион говорил, что это были не животные, но демоны, принявшие форму живых существ.

Рассматривая этих тварей, он заранее сочувствовал Хаиму. Они оба понимали, что в конечном итоге вряд ли что-то сможет защитить профессора. Эти существа явились затем, чтобы причинить ему боль, и время было на их стороне. Рано или поздно они смогут проникнуть внутрь здания, и вряд ли стоит рассчитывать на их милосердие.

— Бог мой, ты только посмотри на них! — дрожащим голосом воскликнул Хаим.

Бизон в ответ мог только растерянно кивнуть. Это очевидно были адовы создания, ничем не похожие на прекрасные божьи творения. Их тела напоминали лошадей в боевом вооружении с крыльями, как у кузнециков. Когда одна из этих тварей опустилась на стекло, Бизон наклонился к ней.

— Хаим, — позвал он, собственный голос казался ему каким-то далеким и испуганным. — У тебя есть лупа?

— Неужели ты хочешь посмотреть на них поближе? Я вообще видеть их не могу.

— Они похожи на лошадей, но у них совершенно другие морды.

— У меня в кабинете есть хорошая лупа, но я не хочу выходить отсюда.

Бизон бросился в кабинет за лупой. По дороге обратно он услышал ужасный нечеловеческий вой, и грохот, как если бы что-то неистово билось о пол. К несчастью, оказалось, что эти звуки производил Хаим и звук был вполне человеческого происхождения. Одно создание как-то умудрилось проникнуть в комнату и вцепиться в запястье Розенцвейга прямо между перчаткой и рукавом. Старик с воплями корчился на полу, судорожно стуча рукой по полу в отчаянной попытке стряхнуть тварь.

— Кэмерон, пожалуйста, сними это с меня! Я умираю! — кричал он.

Бизон попробовал оторвать саранчу, которая держалась на удивление крепко, как

если бы присосалась. По ощущениям она как будто состояла из металлических сочленений и была покрыта какой-то слизью. Бизон просунул пальцы между тварью и запястьем Хаима и резко дернул. Как только жало высвободилось, саранча начала отчаянно дергаться, пытаясь одновременно кусать и жалить руку Бизона. И хотя она не могла причинить ему вреда, он инстинктивно швырнул мерзкое создание в стену с такой силой, что оно оставило вмятину на штукатурке. Отрикошетив, саранча с грохотом упала на пол.

— Оно мертво? — стонал Хаим. — Скажи мне, что оно сдохло!

— Я не знаю, можем ли мы это убить, — признался Бизон. — Но мне удавалось оглушить парочку, эта, похоже, тоже вырубилась.

— Уничтожь эту тварь! — настаивал Хаим. — Раздави ее! Битой ее!

Сам он корчился в судорогах, катаясь из стороны в сторону. Бизон очень хотел как-то ему помочь, но Цион говорил, что в Писании нет никакого упоминания о том, как облегчить страдания жертв укусов.

Лупа лежала рядом на полу. Не спуская глаз с твари, Бизон осторожно поднес увеличительное стекло так, чтобы не заслонять себе свет люстры и получше разглядеть существо. От увиденного его чуть не стошнило.

Тварь лежала на боку и как будто перегруппировывалась. У нее было вроде как лошадиное тело с двумя брюшными полостями

и четырьмя конечностями. Передняя часть туловища состояла из семи сегментов и была покрыта металлическим нагрудником, который и создавал столько шума при полете. Задняя часть состояла из пяти сегментов и заканчивалась скорпионьим хвостом. Тот был практически прозрачным, так что было видно даже яд внутри его.

Глаза твари были открыты, как будто она рассматривала Бизона. Вероятно, в каком-то смысле это так и было. Цион утверждал, что это были демоны, то есть существа, жаждущие убивать верующих, но по воле Господа вынужденные жалить только тех, в чьем сердце нет Бога. То, что Сатана создал для дел злых, Господь использует для добрых. А эти твари, должно быть, сами не понимают, как так получилось.

Наклонившись поближе, Бизон невольно задержал дыхание. Подобной головы он никогда не видел ни у одного другого животного существа. Его лицо отдаленно напоминало человеческое, но постоянно искажалось гримасами. Тварь злобно пялилась на Бизона, и тот невольно обратил внимание, насколько огромные у нее зубы. Совсем как у львов, с длинными клыками, выпирающими над нижней губой. Самое странное, что у этой саранчи были длинные, как у женщины, волосы, а поверх них словно было надето что-то, напоминающее не то золотой шлем, не то корону.

Существо было величиной не более ладони и являло собой удивительное сочета-

ние гигантского насекомого, членистоногого и млекопитающего. То, что их можно было оглушить сильным ударом, не могло не радовать, но Бизон понимал, что до сих пор ему не удалось ни причинить серьезный вред, ни тем более убить ни одного из этих созданий.

Однако с обездвиженной саранчой надо было срочно что-то сделать, а Бизон понятия не имел, как выкинуть эту тварь наружу, не запустив в дом еще дюжину. Внимательно изучив обстановку комнаты, он заметил фикус в тяжелом горшке. Хаим к тому времени был уже мало вменяем и пытался ползти в направлении двери, бормоча: «Кровать... Воды...»

Не теряя времени, Бизон вытащил фикус из кадки, бросив его прямо на ковер, рассудив, что чистота сейчас не главное. Он успел накрыть саранчу перевернутой цветочной кадкой как раз вовремя, потому что тварь опять обрела способность двигаться, о чем свидетельствовало характерное металлическое позвякивание, которым сопровождалась ее попытка выбраться из-под горшка.

Существо попыталось вылезти сквозь отверстие на дне горшка, который стал его импровизированной тюрьмой, но смогло просунуть в него только голову. Бизон невольно споткнулся, услышав, что оно верещит, будто призывая на помощь. Было похоже, что саранча произносит раз за разом одну фразу.

— Вы слышите это, доктор Розенцвейг?

Хаим лежал около самой двери, тяжело дыша.

— Да, — хрипло простонал он. — Сделай что-нибудь! Я не могу выносить этот крик. Сожги ее, утопи, что угодно! Помоги мне лечь и принеси воды.

Создание в своем мрачном призыве, как будто, скандировало: «А вот он! А вот он!»

— Да оно точно говорит! — потрясенно произнес Бизон. — Похоже на английский.

Розенцвейга трясло, как от мороза.

— Это иврит, — с трудом отозвался он. — Оно призывает Аваддона.

— Ну конечно же! — воскликнул Бизон. — Цион ведь нам рассказывал. Главный демон адовой бездны, повелитель воинства павших, включая этих тварей. На греческом его имя звучит как Аполлион.

— Какое мне дело до имени чудовища, которое убивает меня? — простонал Хаим.

Ему удалось дотянуться до дверной ручки, но надетые перчатки мешали ее повернуть. К тому моменту, как доктору удалось избавиться от перчаток, у него уже не осталось сил, чтобы подняться самому.

Бизон помог старику встать и выйти из комнаты. Оглянувшись, он увидел, как саранча изо всех сил пытается пролезть в дыру. Они встретились глазами, и Кэмерон невольно вздрогнул от ненависти и презрения, которые излучало это существо.

— Аваддон! — призывала тварь, так что ее тонкий, скрипучий голос эхом отдавался в коридоре.

Бизон пинком закрыл дверь гостиной и буквально потащил Хаима в спальню. Избавив профессора от противомоскитной защиты, он уложил его на постель прямо поверх покрывала. Розенцвейга опять скрутили судороги, а рука, шея и лицо начали опухать.

— Т-ты не мог-г б-бы пр-ринес-сттти мне в-во-д-ды?

— Это не поможет, — сообщил Бизон, но пошел за водой.

У него самого в горле пересохло, поэтому сперва он налил стакан себе из первой попавшейся в холодильнике бутылки. Затем, налив воды в чистый стакан, вернулся в спальню. Хаим, похоже, был без сознания. Затем он повернулся на бок, прикрывая голову подушкой, как если бы продолжал слышать жуткие крики из гостиной.

— Аваддон! Аваддон! Аваддон!

Бизон прикоснулся к плечу старика.

— Хаим, ты меня слышишь? Хаим?

Розенцвейг чуть отодвинул подушку.

— Что?

— Не пей воду. Она обратилась в кровь.

* * *

Рэйфорд и Ти Эм Дилэнти стояли в холле диспетчерской Палуоки, глядя на то, как на полу, проклиная друг друга, корчатся Бо и Эрни.

— Неужели мы никак не можем им помочь? — спросил Ти.

Рэйфорд покачал головой.

— Мне жаль их и всех, кому придется это испытать. Почему же они не прислушались! Ведь все было известно задолго до Восхищения. Кстати, ты был в курсе происходившего? Я был уверен, что Эрни такой же верующий, как и мы, у него ведь была печать и все такое.

— Я был в шоке, увидев, что на него напала саранча, — признался Ти. — Но в том, что ему удалось нас всех провести, есть и моя вина. Он так убедительно изображал интерес, рассказал, что Кен надоумил его изучить сайт Бен-Иегуды. Задавал много вопросов, особенно про печать. Сопоставив то, что он узнал из проповедей Циона и наших с Кеном рассказов, Эрни смог подделать знак Божий.

Рэйфорд выглянул наружу. В небе по-прежнему было темно от саранчи, но большая часть уже направилась дальше.

— Мне в голову не могло прийти, что кто-то вздумает подделать печать. Я считал, что, коль скоро она видна только верующим, это надежное доказательство того, что человек является одним из нас. Что же нам теперь делать? Вручную проверять знак на лбу каждого нового знакомого?

— Нет, не придется, — ответил Ти.

— Почему?

— Ты ведь не сомневаешься в том, что моя печать подлинна.

— Ну да, тебя ведь саранча не тронула.

— Именно. На ближайшие десять месяцев это станет лакмусовой бумажкой для истинно верующих.

— Почему десять?

— Похоже, ты не читал сегодняшнее наставление Бен-Иегуды?

Рэйфорд кивнул.

— Он рассказал, что саранче отведено пять месяцев на то, чтобы выискивать и жалить лишенных веры, и жертвы будут страдать еще столько же. Он верит, хотя признает, что это всего лишь догадка, что на уже ужаленных не нападают повторно.

— Ты видел этих существ вблизи? — поинтересовался Рэйфорд, разглядывая одно из существ через окно.

— А надо? — Ти подошел к нему. — Мне и читать-то про них было противно. Ты только посмотри! Что за отвратительная тварь!

— Остается радоваться, что они на нашей стороне.

— Кстати, об иронии, — заметил Ти. — По словам доктора Бен-Иегуды, это демоны.

— Ну да, но сейчас для разнообразия выполняют волю Господа.

Оба мужчины прислушались.

— Что это за звук? — удивился Рэйфорд. — Цион упоминал, что саранча будет издавать звуки, подобно запряженным лошадьми колесницам, несущимся в битву, но мне кажется, я слышу нечто иное.

— Они как будто поют? — предположил Ти.

Они приоткрыли дверь всего на пару сантиметров, и одна из тварей немедленно попыталась проникнуть внутрь. Рэйфорд прижал ее дверью. Саранча начала корчиться и вырываться и, едва давление ослабло, броси-

лась наружу. Но за это время они успели все расслышать.

— И правда, — заявил Рэйфорд. — Похоже, так и есть.

Мужчины замерли, глядя, как мимо проносится рой саранчи, ищущей новые жертвы и взывающей в унисон: «Аваддон! Аваддон! Аваддон!»

* * *

— Почему Господь так со мной поступил? — рыдал Хаим. — Что я такого сделал? Ты же знаешь, Кэмерон, я ведь не плохой человек!

— Это не Он так с вами поступил, доктор Розенцвейг. Это вы сами.

— Какую такую ужасную ошибку я совершил? Какое прегрешение?

— Для начала, гордыня, — придвинув стул, пояснил Бизон. Он понимал, что ничем не может помочь старому другу, кроме как просто быть с ним рядом, и не пытался обманывать старика ложными надеждами.

— Гордыня? Неужели я такой гордый?

— Возможно, ненамеренно, доктор, но вы проигнорировали все, что говорил вам Цион о том, как можно прийти к Богу. Вы полагали, что вас минует общая чаша страданий, потому что вы хороший, умный, обаятельный человек. Вы проигнорировали все доказательства того, что Иисус был Мессией, потому что всю жизнь верили только в то, что можно увидеть, услышать или почувствовать. Сколько раз

Цион цитировал вам пятый стих из третьей главы послания к Титу и восьмой-девятый стихи второй главы послания к Ефсеянам? И все же вы...

Хаим вскрикнул от боли.

— Ты не мог бы напомнить мне их? Кэмерон, пожалуйста.

— «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом... Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился».

Хаим с горечью кивнул.

— Кэмерон, мне так больно!

— Как ни жаль, я должен предупредить, что будет еще хуже. В Библии сказано, что вы захотите умереть, но не сможете убить себя.

Хаим корчился от боли.

— Приметли меня Господь, если я уверую в него, только чтобы облегчить мои муки?

— Друг мой, Ему все известно. Он читает в сердцах людей. Вы бы уверовали в Него, если бы знали, что вам предстоит еще пять месяцев гораздо более худших страданий?

— Не знаю! — воскликнул Хаим. — Боже, прости меня, я не знаю!

Бизон включил радио и поймал пиратскую станцию, транслировавшую проповедь Эли и Моше со Стены Плача. Эли вещал с привычной суровостью:

— Вы ропщете на Господа за ту кару, что Он наслал на вас. Вы не первые, но послед-

ние, кого Он призвал к порядку своей любящей рукой. Слушай, что сказал давным-давно Всемогуший Господь Бог Израиля: «И удерживал от вас дождь за три месяца до жатвы; проливал дождь на один город, а на другой город не проливал дождя; один участок напояем был дождем, а другой, не окропленный дождем, засыхал».

«Сходились два-три города в один город, чтобы напиться воды, и не могли досыта напиться; но и тогда вы не обратились ко Мне...»

«Я поражал вас ржою и блеклостью хлеба; множество садов ваших и виноградников ваших, и смоковниц ваших, и маслин ваших пожирала гусеница, и при всем том вы не обратились ко Мне... Посылал Я на вас моровую язву, подобную Египетской, убивал мечом юношей ваших, отводя коней в плен, так что смрад от станов ваших поднимался в ноздри ваши; и при всем том вы не обратились ко Мне... Производил Я среди вас разрушения, как разрушил Бог Содом и Гоморру, и вы были выхвачены, как головня из огня, и при всем том вы не обратились ко Мне...»

«Посему так поступлю Я с тобою, Израиль; и как Я так поступлю с тобою, то приготовься к сретению Бога твоего, Израиль, ибо вот Он, Который образует горы, и творит ветер, и объявляет человеку намерения Его, утренний свет обращает в мрак, и шествует превыше земли; Господь Бог Саваоф имя Ему...»

«Ибо так говорит Господь дому Израилеву: взыщите Меня, и будете живы. О вы,

которые суд превращаете в отраву и правду повергаете на землю! Кто сотворил семи-звездие и Орион, и претворяет смертную тень в ясное утро, а день делает темным как ночь, призывает воды морские и разливает их по лицу земли? Господь имя Ему!»

«Поэтому разумный безмолвствует в это время, ибо злое это время. Ищите добра, а не зла, чтобы вам остаться в живых, и тогда Господь Бог Саваоф будет с вами, как вы говорите. Возненавидьте зло и возлюбите добро, и восстановите у ворот правосудие; может быть, Господь Бог Саваоф помилует остаток Иосифов»¹.

«Если вознесете Мне всесожжение и хлебное приношение, Я не приму их и не призрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших. Удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать».

«Пусть, как вода, течет суд, и правда как сильный поток!»

— Потрясающе! — выдохнул Бизон.

— Пожалуйста, Кэмерон, — попросил Хаим. — Выключи. Я не могу это больше выносить.

Следующие пару часов Бизон провел рядом с постелью старика, не в силах облегчить его мучений. Тот метался, обильно потел и тяжело дышал. Когда на мгновение наступило облегчение, старик пробормотал:

¹ Свидетели цитируют избранные стихи из 4—5-й глав Книги пророка Амоса (*Ветхий Завет*).

— Ты уверен, что будет так плохо, что я захочу умереть?

Бизон кивнул.

— Но откуда ты знаешь?

— Я верю в то, что написано в Библии.

— И там прямо так сказано? Дословно?

Бизон помнил этот отрывок наизусть.

— В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них, — процитировал он.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В последующие пять месяцев демоны нападали на всех, у кого на лбу не было печати Господней. И все ужаленные после этого страдали еще пять месяцев.

Члены Отряда Скорби могли наблюдать живой пример бесконечности и чудовищности этих мучений на примере Хэтти, которая по-прежнему оставалась с ними в убежище в Маунт-Проспект. Ее боль была столь очевидно непереносима, что все буквально умоляли ее открыть свое сердце Богу, но она упорствовала, утверждая, что получает по заслугам.

Смотреть на ее страдания было просто невыносимо, поэтому Рэйфорд принял волевое решение переселить ее в подвал, который когда-то занимал Кен. За прошедшие недели она буквально истаяла, хотя и до этого выглядела не лучшим образом. Каждый раз

спускаясь к ней, Рэйфорд не мог избавиться от ощущения, что перед ним живой труп, поэтому он прекратил навещать ее в одиночку. Это было слишком страшно.

Доктор Чарльз пытался давать ей обезболивающее, но достаточно быстро понял, что это бесполезно. Они все по очереди приносили ей еду, хотя Хэтти едва ли к ней притрагивалась. Ела она явно недостаточно, чтобы поддерживать свои жизненные силы, но, как и было предсказано в Библии, не умирала.

Несмотря на то что Рэйфорд не виделся с ней наедине, после каждого такого визита ему снились кошмары. Хэтти была похожа на скелет с темными, глубоко запавшими глазницами. Ее губы истончились до того, что обтягивали зубы, как если бы те были слишком велики для ее рта.

Временами она не могла говорить и общалась с помощью нечленораздельных звуков и жестов. В конечном итоге она перестала даже оборачиваться, если кто-то приходил к ней. Хэтти смогла себя пересилить, только когда Хлое удалось обнаружить ее сестру Нэнси, которая работала в абортарии где-то на Западе. Все остальные ее родственники умерли при различных обстоятельствах до появления адской саранчи. Ради сестры Хэтти впервые за несколько месяцев заговорила. Нэнси на протяжении нескольких месяцев счастливо удавалось избегать смертельного укуса, но в итоге эта участь ее тоже не минула.

— Нэнси, ты должна поверить в Иисуса, — убеждала сестру Хэтти, хотя каждое слово давалось ей с болью. — Он — единственный выход. Он любит тебя. Пойми это.

Флойд случайно услышал конец их разговора и предложил Рэйфорду и Циону втроем поговорить с ней. Она восприняла их слова враждебней, чем когда бы то ни было.

— Но ты ведь, очевидно, знаешь истину, — настаивал Цион. — И эта истина освободит тебя от страданий.

— Неужели вам не понятно, что я не хочу, чтобы меня освобождали? Я хочу одного: прожить достаточно долго, чтобы убить Николае, и я сделаю это. А что случится со мной потом, меня не волнует.

— Но волнует нас, — возразил Рэйфорд.

— Займитесь лучше своими делами, — ответила она и отвернулась, дав понять, что разговор окончен.

Хлоя была уже на последнем месяце и была крайне ограничена в своих перемещениях. Она призналась отцу, что сильнее всего молится о том, чтобы ее муж вернулся домой до рождения ребенка.

Цион был занят, как никогда. Он получал удивительные сообщения от ста сорока четырех тысяч свидетелей, которые начали проповедовать по всему миру. Рассказывали даже, что какие-то примитивные племена понимали проповедников, как если бы те говорили на их родном языке, и обретали веру в Христа.

В течение дня сайт Циона посещало более миллиарда человек. Бен-Иегуда хотел

донести до своей паствы, что сейчас они наслаждаются последними моментами относительной свободы.

«Настал ответственный момент, возлюбленные братья и сестры, — писал раввин. — Сейчас те, кто опасается нападения саранчи, стараются не покидать пределы зданий либо делают это, должным образом защитившись. Это наш шанс наладить механизмы, которые позволят нам выжить в дальнейшем, когда существующий режим введет свой собственный опознавательный знак. Без него мы не сможем ни продавать, ни покупать, и этот знак определяет судьбу своего носителя раз и навсегда, так же как и печать, которую все мы носим на лбу.

Умоляю вас, не считайте Господа подлым и мелочным, глядя на страдания ужаленных саранчой. Это все часть его великого замысла, чтобы люди обратились к Нему и Он мог показать им всю силу Своей любви. В Писании сказано, что Господь всепрощающий, милостивый и милосердный, терпимый и бесконечный в своей доброте. Поймите, что Он сам страдает из-за того, что вынужден прибегнуть к подобным мерам, чтобы те, кого Он любит, услышали Его!

Конечно, нам больно наблюдать, что даже те, кто обрел веру в результате этой беспрецедентной акции по привлечению внимания, продолжают страдать вплоть до истечения пяти месяцев, как и предсказано в Библии. И все же мы верим, что это не что иное, как демонстрация того печального факта, что лю-

бой грех и сопротивление имеют свои последствия. Остаются шрамы. Но Господь спасет душу, так что пред небесами человек предстает совершенным. Но до этого ему придется терпеть последствия своего греха.

Возлюбленные мои, с замиранием сердца я узнаю о том, что сейчас число последователей Христа превысило то, что было до Восхищения. Даже среди тех народов, на которые христианство ранее имело ничтожное влияние, появляются тысячи верующих.

Помните, зло усиливается с каждым днем. В Писании сказано, что те, кто продолжит упорствовать в свете вселенской чумы, просто слишком любят себя и свой грех. Что бы ни говорила официальная пропаганда, наше общество погрязло в наркомании, разврате, убийствах, воровстве, идоло- и демонопоклонничестве.

У нас, возлюбленные мои, есть повод для радости даже посреди этого хаоса и чумы. Из Писания мы знаем, что демон, владыка преисподней, именуемый на иврите Аваддон, а на греческом Аполлионом, что означает Разрушитель, будет действовать в полном соответствии со своим именем. Он приведет за собой полчища адской саранчи. Но нам, запечатленным слугам Господа, нечего бояться. Ибо написано: «Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире... Мы от Бога; знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. По сему-то узнаём духа истины и духа заблуждения...»

Всегда читайте названные мной главы Писания. Читайте Библию ежедневно. Все

недавно обретшие веру, а мы все в какой-то мере таковыми являемся, со временем понимают важность регулярного изучения Священного Писания. Глядя, как землю захватывают чудовища, мы понимаем, что пришло время и нам вступить в войну.

И наконец, возлюбленные мои, вместе с апостолом Павлом я призываю вас: «Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебной.

Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете утасить все раскаленные стрелы лукавого.

И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие. Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедывал, как мне должно».

Остаюсь вашим и Его преданным слугой до нашей следующей встречи благодаря этому

чуду техники, которое Господь использовал, чтобы построить великую церковь, несмотря на все препоны. Ваш Цион Бен-Иегуда».

* * *

Бизон осознал, как сильно укрепились в своей вере Иаков, Стефан и Ханнелора, когда те настояли на том, чтобы переехать к Хаиму и ухаживать за ним с Ионой. Они взяли с собой мать Ханнелоры, которая обрела веру в день нападения саранчи. Несмотря на страдания, она упорно читала Писание и молилась, пытаясь убедить Хаима и Иону обратиться к Христу. Со временем Иона внял ее словам, но Хаим оставался непреклонен.

Бизону никак не удавалось найти коммерческий рейс с командой до США. Он отчаянно искал среди верующих кого-нибудь, кто бы доставил его домой до рождения ребенка. Ситуация была настолько безвыходной, что он даже пытался связаться с Маком, но не смог дозвониться. Отчаявшись, Бизон отправил ему старательно закодированное письмо, и полчаса спустя получил ответ.

«Надеюсь, мы все-таки увидимся с тобой, Уильямс. Конечно, твой тесть много мне рассказывал о тебе, но не бойся, я не поверил ни единому его слову.

Давид создал нам гениальную систему защиты электронной почты. Она настолько совершенна, что, даже если кто-то за-

станет меня за написанием этого письма, они не смогут прочесть ни строчки.

Слышал, ты ищешь возможность улететь из Израиля. Свяжись с Абдуллой Смитом в Иордане. Имечко у него странное, но на то есть свои причины. Он один из нас. Сошлитесь на меня, и он запросит вдвое дороже (шучу). Он поможет, если сможет.

Я отправлю копию этого письма твоим родным, чтобы они были в курсе. Нам с Хассидом приходится симулировать боль от укусов, чтобы нас не раскрыли. Но зато мы обнаружили еще пару братьев здесь в штаб-квартире. Карпати с Леоном успели запереться в ядерном бункере, который защитил их от саранчи, но все остальные, включая десятерых царей и Петра Второго, получили по заслугам и ужасно мучаются. Не верь Карпати, который с саранчой на плече, как если бы это была его любимая домашняя зверушка, заявляет в новостях, что истории об укусах преувеличены. Это всего лишь коллаж. Хотя, наверное, настоящие твари не стали бы кусать его и Леона из профессиональной солидарности.

Нам, верующим, которых здесь, правда, совсем не много, удалось успешно притвориться, что мы просто быстрее других поправляемся, поэтому нам не приходится торчать в лазарете под аккомпанемент душераздирающих стонов. Карпати регулярно отправляет меня на помощь тем правителям, которым приходится тяже-

лей всего. Но он понятия не имеет, что стараниями Давида, который набил грузовой отсек «Кондора-216» распечатками проповедей Цiona на разных языках, я занимаюсь контрабандой запрещенной литературы. Там, где я приземляюсь, находятся верующие, которые забирают их для последующего распространения.

Слухи о том, что христианская пропаганда наводнила весь мир, дошли даже до Фортунато. Конечно, он немедленно впал в ярость. А уж Петр Второй... Надеюсь, наступит день, когда эти двое узнают правду об этом. Но пока еще рано. Молитесь за нас. Мы ваши глаза и уши в стане врага, и как бы я ни храбрился, положение наше крайне шатко. Лазутчиков здесь карают смертью. Недавно казнили двоих приближенных Петра Второго только за то, что они нечаянно упомянули при представителях Мирового Сообщества нечто, что великий понтифик считал частной информацией. Карпати, узнав об этом, послал ему личное поздравление. Сам Петр если и не на первом месте в расстрельном списке Карпати, то в леоновском уж точно. Тот свято уверен, что никакая религия не нужна, поскольку можно поклоняться потентату.

Я-то шучу, а главнокомандующий так считает на полном серьезе. Давид собственными ушами слышал, как Фортунато предложил принять закон, согласно которому люди должны кланяться в при-

сутствии Карпати. Если его, не дай боже, введут, я себя немедленно выдам.

Мы, верующие, к сожалению, не можем встречаться, чтобы нас не заподозрили и не обнаружили, но стараемся как-то поддерживать друг друга. Недавно Давида повысили до должности, которая сопоставима по уровню доступа с капитаном самолета потентата (вашего покорного слуги), так что, надеюсь, мы будем с ним часто общаться. Нам нравится идея Кена о товарообмене между верующими, раз уж иначе будет нельзя, а твоя жена блестяще справится с этим проектом. Знаешь, с кем ей придется соперничать? С самим Карпати, который взялся лично управлять мировой экономикой и, похоже, неплохо справляется. Считай это информацией из первых рук. Определенно он хочет, чтобы мировые правители были у него в кармане.

Знай, Уильямс, за несколько дней до нападения саранчи на борту «кондора» я услышал кое-что, что подтвердило одно из высказываний доктора Бен-Иегуды. Помнишь, он писал, что это не просто война добра со злом, но и зла со злом? Думаю, он имел в виду, что нам следует возлюбить ближних своих и сделать так, чтобы текущие бедствия не обратили нас друг против друга и не стали причиной вражды между добром и добром. Так вот, на борту собрались Мэтьюз, Святой Ник, который совсем не Санта, и вездесущий Леон-мать-его-Фортунато, вечно следующий за его святей-

шеством. Кстати, я наконец сообразил, почему Карпати так дорого это число, так что даже самолет называли «Кондор-216». Хотя, если честно, мне Давид сказал. Он считал, что все в курсе. Попробуй и ты догадаться.

Так вот, тогда в самолете Мэтьюз как-то особенно активно бычил на Карпати. Просил того-другого, требовал большей доли налогов за все то прекрасное, что возглавляемая им религия делает для Мирового Сообщества. Николае поддакивал и во всем с ним соглашался, но стоило понтифику выйти в туалет, как Карпати шепнул Фортунато: «Если ты его не убереешь, я сделаю это сам». На что Леон ответил: «Он нам и правда уже не нужен, я от него избавлюсь».

Прости, что так много болтаю, но сейчас, когда меня окружают страдающие от боли люди, я, как никогда, предоставлен сам себе. Желаю всего наилучшего вашему малышу. Мы все молимся, чтобы тебе удалось вернуться домой вовремя и чтобы твоя супруга побыстрее оправилась от родов и вернулась к своему бизнес-проекту. Передавай всем от меня привет. Благослови тебя Иисус, Мак М.».

* * *

Может, потому, что он до сих пор переживал потерю Кена, или потому, что скучал по Маку, а еще сходил с ума при мысли, что в их ряды мог проникнуть чужак, Рэйфорд доста-

точно медленно сходилась с Ти Дилэнти. Пока Эрни и его ретивого босса увезли в больницу в Палантине, Рэйфорд несколько раз наведывался в Палуоки, чтобы осмотреть наследство Кена. Через раз он сталкивался там с Ти.

Они пару раз обедали вместе и болтали за жизнь, но по-настоящему сблизились, когда Рэйфорд отважился спросить:

— А что значит Ти?

Ти взглядом дал ему понять, что вопрос глупый.

— Неужели ты думаешь, что если бы я хотел, чтобы кто-то знал мое полное имя, я бы пользовался инициалами?

— Прости. Мне было просто интересно.

— Мне просто очень не повезло с именем. Моя мать была афроамериканкой, а отец — наполовину ирландец, наполовину шотландец. И пьяница к тому же. Она назвала меня в честь какого-то своего учителя. Как фамилия это еще ничего, но ты представляешь, как жить с таким именем?

— Я бы просто уехал из родного города. Прости, Ти. Зря я спросил. А второе имя?

— Марк.

Рэйфорд недоуменно пожал плечами.

— А с этим-то что не так?

— Ничего, но разве я похож на Марка? Признайся, имя Ти мне идеально подходит.

Тайрола Марк Дилэнти был членом крохотной церкви. После Восхищения из всех ее прихожан остался только он.

— Я думал о самоубийстве, — рассказывал Ти. — Мне пришлось очень тяжело, даже

после того, как я обрел веру. Ведь я потерял жену, с которой мы вместе прожили четырнадцать лет, и шестерых детей, всю мою семью, включая друзей и братьев по вере, всех!

Рэйфорд поинтересовался, с кем он сейчас общается.

— По соседству со мной живут порядка тридцати верующих, и их количество множится. Конечно, мы весьма условные соседи. Живем в своих собственных домах, точнее, в том, что от них осталось. Землетрясение не разрушило их до основания, так что есть где жить.

После нескольких подобных разговоров они, наконец, вернулись к теме Кена и его собственности. Оказалось, что аэропорт принадлежит Ти, тот выкупил его у местной администрации за пару лет до Восхищения.

— Особого дохода он никогда не приносил. Но удавалось сводить концы с концами, главным образом благодаря Кену и несколькими другим постоянным клиентам. Как ты знаешь, Кен даже жил здесь, пока землетрясение не вынудило его переехать к вам.

Бо был сыном достаточно состоятельного человека, которому принадлежала миноритарная доля акций¹ аэропорта. Он погиб в момент Восхищения, когда водители машин, находившихся перед и за ним, исчезли.

¹ Миноритарная доля — размер пакета акций, который не позволяет акционеру напрямую участвовать в управлении

— После массовых исчезновений везде творился хаос, Бо объявился здесь, утверждая, что он единственный наследник, и начал вести себя как член совета директоров, строя из себя главного босса. Я над ним посмеивался, пока он не привел Эрни. Сперва я был против. Ему было всего девятнадцать, он вылетел из школы в четырнадцать, но его считали механиком от бога. Оказалось, так оно и было, и он действительно очень во многом нам помог. Только когда напала саранча, я осознал, что они с Бо сговорились с самого начала.

— Почему они хотели, чтобы Эрни проник в наш круг?

— Поговаривали, что у Кена полно денег. Думаю, Эрни пытался втереться к нему в доверие. Они что-то задумали, чтобы заставить его раскошелиться. Когда Кена убили, они занервничали и выдали себя. Результат, как ты помнишь, был плачевным.

Рэйфорд внимательно посмотрел на Ти, размышляя, стоит ли спросить, что тот сам думал по поводу слухов о богатстве Кена. А когда уже решил оставить этот вопрос, Ти сказал вместо него:

— Знаешь, а ведь это было правдой.

— Если честно, знаю, — признался Рэй. — А вот откуда тебе это известно?

— Кен хотел выкупить у меня этот аэропорт, а я, что скрывать, был только рад сбыть его с рук. Только об этом и мечтаю, правда сейчас по иным соображениям. Его восстановление после землетрясения оставило меня без гроша, так что наличность мне не мешает.

Я думал вложить полученные деньги в нашу маленькую общину, чтобы мы могли послужить делу Господа, покуда у нас есть время. Я спросил Кена, сможет ли он его выкупить по рыночной цене, и он заверил меня, что да.

— А он не упоминал, где хранит свои сбережения?

Ти улыбнулся.

— Может, хватит играть в кошки-мышки?

— Я просто спросил, — простодушно улыбнулся Рэйфорд.

— Ну да, но я думаю, мы оба в курсе ответа на этот вопрос.

— Как, по-твоему, следует поступить с наследством Кена?

— Использовать во благо Господа. До последнего цента. Он наверняка хотел бы именно этого.

— Согласен. Эти деньги кому-то принадлежат? Я имею в виду по закону.

— Нет.

— Ты знаешь, как до них добраться?

— Поможешь мне их откопать?

— Даже не знаю. А что мне за это будет?

— Я считаю, что эти деньги по праву принадлежат мне, если Кен не сказал тебе обратного. Они находятся на моей земле. Я не знаю точно где и сколько, но определенно хочу добраться до них до того, как это смогут сделать Бо или Эрни.

Рэй кивнул.

— Вы сможете все деньги пустить в дело?

— Я уже говорил, мы хотели бы сделать что-то значимое. Не просто построить церковь или восстановить свои дома.

— Ты хоть представляешь, о какой сумме идет речь? — поинтересовался Рэйфорд.

— Миллион с небольшим.

— Тебя сильно удивит, если на самом деле там в пять раз больше?

— Мы что с тобой торгуемся? Ты хочешь часть его денег, потому что считаешь, что у тебя есть на это право, или что?

Рэйфорд отрицательно покачал головой.

— Я бы хотел получить его самолеты. Больше я ни на что не претендую.

— Вот что я тебе скажу, — начал Ти. — Если там даже половина от той суммы, что ты говоришь, я отдам тебе самолеты.

— Сколько стоит «гольфстрим»?

— Если там столько, сколько ты говоришь, его я тоже отдам.

— И я смогу пользоваться аэропортом?

— Да, можешь ставить здесь самолеты, заправляться и даже жить, если хочешь.

— А может здесь без лишних вопросов приземлиться иорданский самолет, на котором прилетит мой зять?

— Без проблем, брат.

Рэйфорд упомянул о сотрудничестве и товарообмене между верующими, которые будут координироваться из убежища Отряда Скорби.

— Вы не хотели бы в этом участвовать? Перевозки, чартерные рейсы и тому подобное?

— Вот это действительно отличная идея, — с энтузиазмом отозвался Ти. — Думаю, моим товарищам по общине она тоже понравится.

* * *

Бизон встретился с Абдуллой Смитом в летнем кафе, принадлежавшем молодой женщине, которая явно пострадала от саранчи, но, похоже, практически поправила свое здоровье. Скрытность и немногословие пилота поразили Бизона, хотя видал он всякое. Но печать на лбу Абдуллы была совершенно очевидна. И несмотря на всю свою молчаливость, при встрече он тепло обнял Бизона.

— Сэр, мне достаточно, что вас ко мне направил МакКаллам. Мы, все трое, братья по вере. И вы мне заплатите. О чем еще говорить?

На этом собственно Абдулла свою речь и закончил. Бизон сообщил ему, что ему нужно нанести еще один визит, но к шести вечера он будет в аэропорту Аммана.

— Было бы неплохо, если бы мы сделали остановку в Северной Греции, а затем направились прямо в Чикаго.

Абдулла согласно кивнул.

Улицы Иерусалима были практически безлюдны. Бизон думал, что никогда не сможет привыкнуть к плачам и завываниям, доносящимся отовсюду. Складывалось ощущение, что буквально в каждом доме страдали люди. Он слышал, что в Иерусалиме тысячи

людей пытались покончить с собой: резали себе вены, вешались, принимали яд, засовывали головы в газовую плиту, травились выхлопными газами собственных автомобилей, даже бросались под поезда и прыгали с крыш. Все они сильно травмировали себя, а некоторые вообще практически потеряли человеческий облик. Но никто не умер. Все продолжали жить и мучиться.

В доме Розенцвейга было тише, чем в других, хотя Хаим умолял положить конец его страданиям. Иаков сообщил, что тот уже больше недели отказывался от еды и воды. Вероятно, хотел уморить себя голодом или обезвоживанием. Выглядел он ужасно, невероятно худой и изможденный.

Иона и теща Иакова терпели страдания более стойчески. Они явно испытывали боль, но старались как-то облегчить свои муки: ели, спали, поддерживали какую-то активность, даже принимали лекарства, хотя те, похоже, не помогали. Важно было то, что они не сдавались и ждали того дня, когда последствия укусов наконец исчезнут. Иона, как ребенок, радовался совместному чтению Библии с Иаковом и ежедневным онлайн проповедям Бен-Иегуды.

А Хаим просто хотел умереть. Бизон сидел на краю его кровати, когда старик буквально закричал от боли:

— Кэмерон, у меня все так болит! Если я тебе хоть сколько-нибудь дорог, освободи меня от этих мук. Прояви сострадание! Это будет правильно. Господь простит тебе это.

— Вы просите невозможного, но я все равно бы не стал этого делать. Я бы ни за что не простил себе, если бы лишил вас возможности обрести веру.

— Дай мне умереть!

— Хаим, я вас не понимаю, правда. Вы ведь знаете истину. И через несколько недель ваши страдания прекратятся...

— Я столько не выживу...

— Вы должны обрести стимул к жизни.

На какое-то время Хаим успокоился и замолчал, как будто его душа, наконец, обрела умиротворение. Но на самом деле этого не произошло.

— Честно говоря, мой юный друг, я тоже не понимаю. Я признаюсь, что хотел бы уверовать во Христа. Но это почему-то вызывает во мне столько отторжения, что я буквально не могу!

— Вы можете!

— Да нет же!

— Так в чем же проблема?

Хаим горько покачал головой:

— Я не хочу.

— И вы по-прежнему отрицаете, что вам мешает обратиться к Богу гордыня?

— Нет, сейчас я признаю это! Конечно, это гордыня! Она действительно мне мешает. Как человек не может стать тем, кем не является?

— Здесь вы ошибаетесь, Хаим! Апостол Павел, который по рождению был ортодоксальным евреем, писал: «Итак, кто во Христе, [тот] новая тварь; древнее прошло, теперь все новое».

Некоторое время Хаим корчился от боли, но не издал ни звука. Бизон счел это хорошим знаком.

— Хаим, — мягко обратился он.

— Оставь меня, Кэмерон!

— Я буду о вас молиться.

— Это пустая трата времени.

— Нет. Я люблю вас, как и все мы. И Господь больше всех.

— Если бы Господь любил меня, он бы позволил мне умереть.

— Не раньше, чем Он получит вашу душу.

— Этого не будет никогда.

— Надеюсь, что будет! До свидания, друг мой. Буду ждать нашей следующей встречи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Рэйфорд безумно любил свою единственную дочь. Так было всегда. Не только сейчас, когда, кроме нее, у него никого не осталось. И дело было не в том, что он испытывал недостаточно сильные чувства к своему сыну или к обеим женам. Конечно, он любил их всех, и боль от их утраты будет терзать его вплоть до самого второго пришествия.

Но их отношения с Хлоей всегда были особенными. Конечно, на стадии ее взросления случалось всякое, особенно когда она стремилась сбежать от семьи и стать независимой. И все же она пошла в него.

Поначалу она не верила, что причиной исчезновений был Господь. И хотя Рэйфорду было по душе, что она унаследовала от него практицизм, его повергало в ужас, что он помешает ей уверовать в Христа. Тот день,

когда она обрела веру, стал для него вторым по важности после дня его собственного обращения к Христу.

Рэй очень переживал за ее брак, ведь Бизон был на десять лет старше ее. О чем они только думали, сообщая ему, что ждут ребенка и он вскоре станет дедушкой?! Ведь им всем оставалось менее пяти лет!

Но, едва увидев беременную Хлою, Рэйфорд испытал бурю положительных эмоций. На память сразу пришла Ирэн, которая, несмотря на тяжелые беременности и все изменения фигуры по мере приближения родов, все время как будто лучилась от счастья. Рэйфорд много читал о психологии беременных и понимал, что Ирэн не верила ему, когда он искренне говорил ей, что ее положение необыкновенно ее красит.

Она твердила примерно то же, что и Хлоя сейчас, что чувствует себя огромной и неуклюжей, как корова. Ее ужасно раздражали опухающие суставы, боли в спине, отдышка и ограничения в передвижении.

— Я даже рада, что Бизон там застрял, — признавалась дочь. — Конечно, я хочу, чтобы он вернулся, и как можно скорее, но, едва увидев меня, он решит, что я увеличилась вдвое.

Рэйфорд воспользовался ее жалобами, чтобы посидеть с ней.

— Милая, можно я скажу, что думаю? — произнес он. — Наверное, так говорить не

совсем корректно, но ты исполняешь свое предназначение как женщина. Да, конечно, я не считаю тебя просто машиной, производящей детей, и не отрицаю, что у тебя масса талантов. Ты и до Восхищения была сильной личностью, но сейчас ты стала воином Отряда Скорби. Твоя программа сотрудничества верующих спасет жизни миллионам. Но сделай мне одолжение и прекрати страдать по поводу того, как беременность изменила твое тело.

— Знаешь, папа, — начала она. — Это все потому, что я такая...

— Прекрасная, — закончил за нее отец. — Необыкновенно прекрасная.

Он произнес это с таким чувством, что она невольно осеклась. Конечно, ее внешность очень сильно изменилась. За пару недель до родов она опухла и как будто округлилась. Но Рэйфорд по-прежнему узнавал в ней свою маленькую девочку, свою Хлою такой, какой она была еще младенцем, любопытной и энергичной.

— Знаешь, мне жаль, что Бизон не может видеть тебя сейчас. Не надо на меня так смотреть! Я говорю серьезно. Можешь мне не верить, но ты ему покажешься необыкновенно привлекательной. Ты не первая женщина, которая видит в беременности главным образом излишний вес. Но мы, мужчины, воспринимаем это совершенно иначе. Поверь, глядя на тебя, он будет испытывать те же эмоции, что и я, когда мама была беременна тобой. Его будет перепол-

нять восторг от того, что ты носишь вашего с ним ребенка.

Кажется, ему удалось ее убедить.

— Я очень переживаю по поводу возвращения Бизона, — сменила тему Хлоя. — Я знаю, что он вылетает в шесть вечера по Израилю, но неизвестно, сколько он пробудет в Греции...

— Вряд ли долго. Ему не терпится попасть домой.

— Ну да, это же чартерный рейс, значит, они не должны задерживаться. Как бы я хотела встретить его в аэропорту...

— Доктор считает, что тебе не следует...

— Ездить на машине, особенно при теперешнем состоянии дорог, я в курсе. Мне действительно не хочется подобного испытания. Но мы с ним так давно не виделись! Мы так переживаем за нашего ребенка, потому что он рождается в такой страшный момент, и все же нам не терпится, чтобы он или она поскорей появился на свет.

— Я жду не дождусь того момента, как стану бабушкой, — ответил Рэйфорд. — Я молился об этом ребенке с тех пор, как узнал, что ты беременна. Боюсь только, что нам придется настолько туго, что я не смогу сделать для него всего, что хотел бы.

— Не сомневаюсь, ты будешь прекрасным дедом, и я безумно рада, что ты больше не работаешь на Карпати и мне не приходится постоянно волноваться за тебя.

Солнце светило прямо в окно. Рэйфорд поднял голову и произнес:

— Мне пора возвращаться в строй.

— Что ты имеешь в виду?

— Это ты во всем виновата. Ты начала воплощать идею Кена, так что теперь у меня будет полно работы. Похоже, мне придется летать не меньше, чем в те времена, когда я работал на Пан-Континентал.

— Чтобы обеспечивать обмен между верующими?

Он кивнул.

— Я тебе говорил о Ти?

— Угу.

— Мы договорились осуществлять воздушные перевозки через Палуоки. Я буду летать по всему миру. Если те рыбаки в Беринговом проливе так хороши, как ты думаешь, я буду занят все время вплоть до Явления во Славе.

В дверь негромко постучали, а затем к ним заглянул доктор Флойд.

— Пора сделать небольшой осмотр. Хочешь, чтобы твой отец вышел?

— А что вы собираетесь делать? — поинтересовалась Хлоя.

— Проверить пульс у тебя и у малыша.

— Тогда он может остаться. А можно ему послушать?

— Конечно.

Сначала доктор проверил пульс Хлои вручную, зачем через стетоскоп. Он намазал живот Хлои специальным гелем и приложил к нему монитор, чтобы усилить едва различимое сердцебиение плода.

У Рэйфорда от этого звука на глаза навернулись слезы. Хлоя широко улыбалась.

— Похоже, будет крупный мальчик, — произнес доктор.

Когда он закончил осмотр, Хлоя спросила:

— Все по-прежнему в порядке?

— Никаких серьезных проблем, — ответил доктор.

Рэйфорд беспокойно взглянул на Флойда. В его тоне не было привычной беспечности. Он даже не улыбнулся, когда шутил насчет того, что это будет мальчик. Хлоя не хотела выяснять пол будущего ребенка, поэтому доктор не мог знать наверняка.

— А какие несерьезные проблемы, Флойд? — ровно произнесла Хлоя. — Обычно вы говорите, что все прекрасно.

Она буквально озвучила мысли Рэйфорда. Когда доктор придвинул стул и сел, сердце у Рэйфорда упало.

— Похоже, от вас ничего не скроешь, — произнес он.

— Бог мой, нет, — охнула Хлоя.

Флойд положил руку ей на плечо.

— Послушай, Хлоя...

— О не-ет..

— Что я такого сказал? Я сказал, что серьезных проблем нет, и это действительно так. Неужели ты считаешь, что я бы стал тебя обманывать?

— Так в чем же проблема?

— Пульс плода несколько замедлился.

— Ты шутишь? — не понял Рэйфорд. — По мне, так он был безумно быстрым.

— Пульс плода более частый, чем у нас, — объяснил доктор. — Замедление настолько

ничтожно, что на прошлой недели я едва его заметил.

— Так это продолжается уже неделю? — воскликнула Хлоя.

Флойд кивнул.

— За прошедшие шесть дней пульс замедлился на долю процента. Это может ничего не значить.

— И все же это вас беспокоило... — настаивала Хлоя. — Объясните, в чем дело?

— Не хотелось бы, чтобы пульс плода серьезно замедлился. Например, процентов на пять или десять ...

— Почему?

— Потому что это может означать угрозу его жизнеспособности.

— Доктор, изъясняйтесь, пожалуйста, проще.

— Замедление пульса может означать, что горло или грудная клетка плода обмотаны пуповиной.

— По-вашему, именно это и происходит?

— Нет. Я всего лишь слежу за пульсом. Ничего более.

— Но вы не исключаете, что могут быть проблемы?

— Хлоя, возможно все. Но именно поэтому я не рассказываю тебе обо всех возможных вариантах осложнений.

— Если это так незначительно, зачем вы мне об этом рассказали?

— Во-первых, ты сама меня попросила. И я хотел подготовить тебя морально, что,

возможно, понадобится подвергнуться некоторым процедурам, если симптомы сохраняются.

— Но вы же сказали, что имеющееся сокращение ничтожно?!

— Да, но процедуры понадобятся, если ситуация ухудшится.

— И какие процедуры?

— Как минимум тебе придется большую часть дня проводить с кислородной маской.

— Я бы хотела встать, — попросила Хлоя.

Она начала подниматься, отец бросился помогать, в то время как доктор остался на месте.

— Я бы попросил, — произнес он, — чтобы ты пока не перенапрягалась, а завтра я выберусь в город и достану баллон с кислородом и маску.

— Мне даже вставать нельзя?

— Только по необходимости. Если ты просто хочешь подвигаться, то лучше не стоит.

— Ладно, мы все здесь взрослые люди, — решительно заявила Хлоя. — Расскажите, каков худший вариант развития событий?

— Я достаточно часто имел дело с беременными, особенно на этой стадии, чтобы избегать обсуждения возможных проблем.

— Я не просто беременная женщина, Док. Я же Хлоя, вы меня знаете достаточно, чтобы понимать, что я заставляю вас все мне выложить.

— Ну что ж, — сдался Флойд, — кислород должен помочь, если нет — буду держать тебя под наблюдением круглые сутки, чтобы отслеживать любые изменения пульса плода. В худшем случае нам придется ускорять роды. А в связи с вероятностью удушения пуповиной, возможно, не исключено, что нам придется делать кесарево.

Хлоя умолкла, беспомощно глядя на отца.

— Тебе бы не хотелось ускорить роды? — спросил тот.

— Конечно, нет. Я всегда говорил, что природа знает лучше. Ребенок появляется на свет тогда, когда готов к этому. Сейчас я знаю, что на все воля Господа. И в то же время он даровал нам разум, а также удивительные лекарства и технологии, чтобы мы могли действовать, если события развиваются не так, как мы хотим.

Похоже, Хлое было не по себе.

— Ответьте мне на один вопрос, доктор. Я в этом виновата? Это из-за того, что сделала что-то, чего не следовало?

Флойд отрицательно покачал головой.

— Я не возражал против твоей поездки в Израиль. Да, тебе не следовало бежать к самолету, но перенапряжение на той стадии беременности проявилось бы иначе.

— Как именно?

— Я не наблюдаю ни одного из симптомов, так что оставим эту тему. У тебя новая паранойя? Ты прошла через полный набор стандартных страхов беременных — что

твой ребенок чудовище, что он умрет до рождения, что родится увечным. Не надо забивать себе голову переживаниями по поводу того, как ты могла бы повредить своему ребенку, но не навредила. Кстати, когда должен объявиться его отец?

— Вроде сегодня, — ответила Хлоя. — Но это все, что мне известно.

* * *

Кажется, Абдулла Смит был рад, что Бизон явился точно в соответствии с их договоренностью.

— Я слышал, что вы человек слова, — пояснил тот. — И хотел показать, что я тоже.

Абдулла, как обычно, ничего не ответил, просто схватил одну из сумок Бизона и стремительно направился к самолету. Уильямс пытался угадать к которому. Они прошли мимо пропеллерных самолетов, на которых, очевидно, не было шансов перелететь через Атлантику. Но затем пилот миновал «леарджет» и новенький «хэйджиман», миниатюрную, но не менее быструю версию «конкорда».

Бизон остановился в недоумении, когда Абдулла откинул кабину египетского реактивного истребителя. Насколько он знал, этот аппарат был способен развивать скорость до двух тысяч миль в час на максимальной высоте, но вроде запас горючего у него был меньше стандартного.

— Это твой самолет? — удивился Бизон.

— Добро пожаловать на борт, — сказал Абдулла. — Модифицированная версия. Баки для горючего увеличены. Оснащен для перевозки малых грузов. Мы остановимся в Греции, в Лондоне, Гренландии и Уиллинге.

Бизон удивился, что пилот прекрасно представлял, куда лететь. И в то же время он осознал, что все свои фантазии на тему расслабиться, почитать и поспать во время полета придется оставить на земле.

— Сначала садятся пассажиры, — заявил Абдулла.

Бизон поднялся на борт. Он хотел блеснуть своими знаниями о подобных самолетах, потому что в свое время написал серию статей о полетах на американских истребителях. Это было еще до прихода к власти Николае Карпати и до того, как подобные самолеты стали продавать в личное пользование.

Бизон уже почти застегнул шлем и кислородную маску, когда Абдулла привычно вздохнул и произнес:

— Ремень.

Оказалось, Бизон благополучно уселся поверх него. Довыпендривался. Пришлось встать настолько, насколько это было возможно в условиях кабины, чтобы Абдулла вытащил из-под него ремень.

Пристегнувшись, он попытался надеть шлем, но снова не справился без помощи пилота. Тот распутал ремешки, развернул

шлем правильно и натянул до упора, чтобы тот сел, как нужно. Бизону немилосердно сдавило щеки и виски. Он начал было прилаживать респиратор, но Абдулла напомнил, что тот понадобится только на высоте.

— Точно, мне же говорили!

Пилот уселся прямо перед Бизоном, так что их головы разделяло всего в несколько сантиметров. Бизону это живо напомнило парный бобслей.

В Штатах на то, чтобы вывести самолет из зоны ожидания на летное поле, а затем на взлетно-посадочную полосу, ушло бы не менее получаса, а в Аммане аэропорт был похож на базар — ни очередей, ни полос. Кто первым попросит, того и обслужат раньше, каждый сам по себе. Выводя самолет на полосу, Абдулла что-то певуче сказал по радиосвязи про самолет, рейс, пассажира, груз и Грецию. Никаких ответных распоряжений из диспетчерской он явно не ждал.

Этот аэропорт совсем недавно заново открыли. Из-за нападения саранчи воздушное сообщение было не слишком насыщенным, и очередь на взлет была совсем небольшой. Впереди всех стояли два широкофюзеляжных пассажирских самолета, затем реактивный, «леарджет» и еще один пассажирский. Абдулла обернулся к Бизону и указал ему на датчик топлива, который был на максимуме.

Бизон поднял указательный палец вверх, одобряя, что у них достаточно горючего. Но,

вероятно, Абдулла истолковал его жест, как желание поскорее подняться в воздух, потому что начал быстро лавировать между самолетами, продвигаясь вперед. Бизон буквально онемел от удивления. Он подумал, что если бы у пилотов были гудки, то они бы вовсю сейчас на них жали, как делают водители, когда кто-нибудь обгоняет столь же бесцеремонно.

Когда они обходили второй из пассажирских самолетов, первый уже пошел на разгон для взлета, и Абдулла встроился вслед за ним. Бизон невольно вытянул шею, ожидая увидеть мчащиеся к ним машины службы безопасности или отчаянно лавирующие самолеты, пытающиеся вернуть исходный порядок, но ничего подобного не происходило. Никакой ругани из центра управления полетами тоже не последовало. Когда пассажирский самолет был уже достаточно далеко, Абдулла пошел на разгон.

— Диспетчерская, это Эдвард Зулу Зулу Два Девять, прошу разрешения на взлет, — передал он по радио.

Бизон ожидал, что сейчас тот услышит что-то вроде: «Да что ты о себе возомнил, приятель?»

Но в ответ пришло:

— Добро, Абдулла.

Никакого разогрева мотора и постепенного набора скорости. Пилот просто вывел самолет к началу взлетной полосы, выровнялся и рванул вперед. Голову Бизона отки-

нуло назад, а желудок сплющило. Он не смог бы наклониться вперед, даже если бы захотел. Очевидно, нарушая все мыслимые международные авиационные законы, Абдулла за несколько сотен ярдов набрал взлетную скорость и взмыл в воздух. Он пролетел прямо над взлетающим впереди самолетом, и у Бизона создалось впечатление, что они летят вертикально вверх.

Его буквально впечатало в спинку кресла, так что перед глазами у него не было ничего, кроме облаков. Ему показалось, что прошло всего пара минут, как Абдулла, достигнув пиковой высоты, начал снижать скорость и спускаться. Как на американских горках стремительный подъем наверх и последующее скольжение вниз. Пилот нажал кнопку внутренней связи, так что Бизон слышал его голос прямо в наушниках.

— Из Аммана в Афины — это еще раз подняться и спуститься, — пояснил он.

— Но ты же помнишь, что Афины — это не конечная цель?

Абдулла похлопал его по шлему:

— Нам в Птолемею, так?

— Именно!

Самолет опять начал подниматься вертикально вверх. Абдулла достал ворох карт и зарылся в них с головой, после чего сказал:

— Нет проблем.

И он оказался прав. Парой минут спустя он уже садился в нужном аэропорту.

— Сколько тебе нужно времени на общение с друзьями? — поинтересовался пилот, направляя самолет к месту заправки.

* * *

Рэйфорду удалось успокоить Хлою. Они решили, что даже лучше, что Флойд рассказал правду вместо спасительной лжи, которая вряд ли спасла бы, если проблемы действительно возникнут. Он принес дочери воды и поднялся наверх к Циону. Раввин очень обрадовался его визиту.

— Почти закончил свою сегодняшнюю проповедь, — признался он. — Где-нибудь через час я ее опубликую. Но для тебя у меня всегда есть время.

Рэйфорд рассказал ему о возможных осложнениях при родах.

— Я буду молиться за нее, — заявил Бен-Иегуда. — А тебя я хочу попросить помолиться за меня.

— Конечно, Цион. Что-то не так?

— Если честно, да. Я чувствую себя ужасно одиноким и подавленным. Ненавижу подобное состояние.

— Мне это вполне понятно.

— Да, но удивительно то, что в то же время меня переполняет искренняя радость от того, что я пребываю в согласии с Господом. Конечно, Он читает в моем сердце, но я был бы рад, если бы кто-нибудь помолился за меня.

— Мы все молимся за тебя, Цион.

— То, что взамен моей потери я обрел такую любящую семью, — просто благословение Божие. Мы все достаточно пострадали. Иногда это повергает меня в отчаяние. Я знал, что случится нападение саранчи, но никогда не думал о его последствиях. Я бы хотел, чтобы мы были лучше к этому подготовлены. В широком смысле. Это на месяцы вывело из строя наших врагов. Но так как мы всё же в значительной степени зависим от них, особенно в таких сферах, как транспорт и коммуникации, это ограничило и наши возможности.

Так странно, — продолжил раввин, поднимаясь и потягиваясь. — Я не ожидал, что еще когда-либо буду счастлив, а сейчас я жду появления младенца, как если бы он был моим собственным. Это просто луч света в темном царстве.

— Мы хотим, чтобы ты стал его крестным, Цион.

— Да, мы будем являть собой полную противоположность.

— Что ты имеешь в виду?

— Юное, невинное дитя, которое не знает, почему Хэтти плачет по ночам. Не знает о наших потерях. Понятия не имеет о том, в каком страхе мы живем, потому что официально мы враги существующего строя. И нам не понадобится рассказывать ему об ужасах нашего прошлого, потому что нет необходимости готовить его к опасностям взрослой жизни. Только представь, к тому

моменту, как этому ребенку исполнится всего пять лет, он будет жить в Царствии Божием на земле.

Цион действительно умел мыслить масштабно и заглядывать вперед. Даже на Рэйфорда его тревога подействовала отрезвляюще. Миллионы по всему миру считали доктора Бен-Иегуду своим духовным наставником. Они были уверены: его следование замыслу Божию — взрослое и продуманное решение, забывая, что сам раввин не так давно обрел истинную веру. Он был прекрасным ученым и теологом, но при этом не переставал быть живым человеком. Он страдал так, как и другие. И были дни, когда он впадал в отчаяние.

Рэйфорд задумался о будущем. У Флойда будет полно забот с новорожденным и Хэтти, которая по-прежнему была нездорова. Бизон признавался, что хочет обрести некое подобие нормальной, стабильной жизни, чтобы заняться своим сетевым журналом и создать достойную конкуренцию средствам массовой информации Мирового Сообщества. Хлоя будет занята младенцем и своим бизнес-проектом. А Хэтти, как только восстановит силы, приложит все усилия, чтобы выбраться из убежища.

И хотя Рэйфорд уже смирился с тем, что его жизнь свелась к тяжелой работе, выживанию и попыткам скрыться от преследователей, перспектива выглядела грустно. А Второе пришествие как будто и не становилось ближе. Как же страстно он жаж-

дал соединиться с Иисусом! И со своей семьей!

Выходило, что единственным спасением от одиночества для него была работа, и он не мог дожидаться момента, когда вновь окажется в кабине самолета.

Ему казалось, что он был пилотом тысячи лет назад. Как будто прошедшие три года заслонили в его сознании то, что каких-то три года назад он был просто отцом семейства и мужем, хотя не слишком преуспел ни в том, ни в другом, и тогда его заботило только то, куда и когда лететь на следующий день.

Сейчас Рэйфорду грех было жаловаться на избыток свободного времени. Но цена, заплаченная за это, была слишком высока! Он глубоко сопереживал Циону. Если у него, рядового верующего, на душе было так тяжело и одиноко, то каково должно быть тому, кто призвал собраться сто сорок четыре тысячи свидетелей и вызвался наставлять миллионы христиан.

Вскоре после полудня Рэйфорду позвонил Ти Дилэнти.

— Я хочу завтра начать копать, — сообщил он. — Ты все еще хочешь участвовать?

— Конечно. Если мой зять прилетит в разумное время, готов присоединиться к тебе, когда пожелаешь.

— Как насчет семи утра?

— К чему такая спешка?

— Я слышал, Эрни стало лучше. Бо, возможно, тоже, хотя он трижды пытался покончить с собой. Поэтому вряд ли он в хорошей форме.

— Предложи ему взятку.

— Пожалуй, это не составит труда в силу сложившихся обстоятельств. Мне всего лишь надо сделать предложение, от которого он не сможет отказаться. Ему, конечно, оставили неплохое наследство, но его доля в аэропорте настолько незначительна, что я смогу заставить его выйти из игры. Эрни беспокоит меня гораздо больше.

— Почему?

— Они с Кеном были близки. Настолько, насколько могут быть друзья. И я знаю, что Кен считал его одним из нас, хотя меня Эрни тоже обманул.

— Да и я не был исключением, — добавил Рэйфорд.

— Вполне возможно, что Кен все ему рассказал.

— Нет. Он доверился только мне по пути в Израиль.

— Ты говоришь, как будто вы дружили много лет. Но ведь он едва тебя знал, Рэйфорд, и все же рассказал, где спрятал свое золото. Я слышал разные слухи, и все же, не считаю, что хорошо знал Ритца. Эрни осознанно добивался его расположения. Я ни секунды не верю, что Кен хоть что-то ему пообещал. Это лишено смысла. И все же уверен, Эрни знает больше, чем говорит.

— Думаешь, как только он почувствует себя лучше, немедленно объявится в аэропорту с лопатой?

— По-моему, он вполне на это способен.

— Мистер Уильямс, зовите меня Ласлос. Это сокращение от моего имени Лукас и фамилии Миклос. Договорились?

Они встретились прямо в здании аэропорта и тепло поприветствовали друг друга.

— Тогда вы называйте меня Бизон.

— Я полагал, что вас зовут Кэмерон.

— Да, но для друзей я Бизон.

— Тогда я буду вас звать именно так. Я бы хотел, чтобы вы встретились с местными братьями по вере.

— Ласлос, простите меня, бога ради, но я никак не могу. Я бы очень хотел и приложу все усилия, чтобы вернуться сюда и познакомиться с ними, но, понимаете, я не видел свою жену несколько месяцев....

Похоже, Ласлоса его слова поразили.

— Правда, но...

— Понимаете, она уже совсем скоро должна родить!

— Так, значит, вы станете отцом! Потрясающе! Это прекрасно, кроме разве что того, что сейчас, пожалуй, худший момент... ну... вы понимаете.

Бизон понимающе кивнул.

— Мой тесть хотел, чтобы я обсудил с вами вашу роль в сотрудничестве верующих.

— Конечно! — воскликнул Ласлос, присаживаясь и указывая Бизону стул напротив. — Я читал наставления доктора Бен-Иегуды на эту тему. Идея прекрасная. Что бы мы

без нее делали? Мы просто умрем, а именно этого и хочет зло, не так ли? Я ведь прилежный ученик, правда?

— Как вы видите свою роль или своей компании?

Ласлос гордо поднял голову.

— Я сделаю все, что могу. Моя компания добывает лигниты¹, которые используются на теплостанциях. Если у верующих есть в этом какая-либо потребность, я буду несказанно рад помочь.

Бизон наклонился к нему поближе.

— Ласлос, вы понимаете, что случится, когда членов Мирового Сообщества заставят носить на руке или на лбу печать зверя?

— Полагаю, да. Без этой печати я не смогу ни купить, ни продать. Но я не считаю себя гражданином Мирового Сообщества, и скорее умру, чем приму печать Антихриста.

— Это достойно, друг мой, — сказал Бизон. — Но ты осознаешь, как это скажется на тебе? Ты ведь не сможешь ничего продать! А твой бизнес целиком зависит от продаж того, что ты производишь!

— Но им совершенно необходимы мои лигниты!

— Значит, они отправят тебя в тюрьму и захватят твои шахты.

— Я буду сражаться до последнего!

¹ Лигниты — бурый уголь, образовавшийся из торфа. Наиболее молодой из ископаемых углей. Используется как местное топливо, а также как химическое сырье.

— Я не сомневаюсь в тебе. Но я предлагаю найти другой товар, более универсальный и необходимый нашим братьям и сестрам во всем мире, особенно после того, как будет введена печать зверя.

Казалось, Ласлос серьезно задумался. Затем он кивнул.

— У меня есть идея получше, — заявил он. — Я продам свое дело по максимальной цене до того, как утрачу возможность торговать.

— Превосходная идея!

— Это обычный сценарий. Ты становишься настолько незаменимым поставщиком, что твоему главному клиенту не остается ничего, кроме как выкупить твой бизнес.

— И кто же ваш главный клиент?

Ласлос откинулся на спинку стула, грустно улыбнулся, но в глазах его загорелся огонек азарта.

— Конечно, Мировое Сообщество.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В холле Рэйфорд столкнулся с доктором. Судя по всему, тот был изрядно взбешен.

— Какую машину можно взять? — бросил Флойд.

— Любую. «Ровер» в полном порядке. Внедорожник Кена я завтра возвращаю Ти. Возможно, он пригодится их церкви, тем более что по праву он принадлежит им.

— Я возьму машину Бизона.

— Куда ты собрался?

— Надо срочно добыть кислород, Рэй. Надо быть готовым к любой ситуации. Не дай бог, Хлоя начнет переживать так же, как я.

— Все настолько плохо? Наверное, мне тоже стоит начать беспокоиться?

— Нет! Сейчас главная проблема не столько Хлоя, сколько Хэтти. Она считает, что чувствует себя лучше, поэтому хочет встать и

выходить на улицу. Конечно, она пока не может этого делать без посторонней помощи, а я не собираюсь ей помогать. Ей и правда лучше, но она чересчур истощена, пусть даже ее основные жизненные показатели пришли в норму. Но, как ты часто говоришь, мы ей не указ.

— Хочешь, я поговорю с ней? Может, мне удастся пристыдить ее, напомнив, что мы сделали для нее, и она согласится следовать твоим указаниям?

— Если ты считаешь, что это подействует — поговори.

— Где ты собираешься брать кислород? В Киноше?

— Там я не рискну показываться. Я позвонил Лие из госпиталя Артура Янга. Она подготовит мне пару баллонов.

— Знаешь, кто там сейчас? Юный поклонник Хэтти — Эрни.

— Серьезно?

— Ти упоминал, что он и Бо проходят там курс лечения.

* * *

Когда они приземлились в Хитроу, Бизон чувствовал себя ужасно. Все тело свело, голова кружилась, он весь был как выжатый лимон. Его поддерживала только мысль о том, что каждый миг приближает его к встрече с любимой.

От того Хитроу, который существовал до Третьей мировой и великого землетрясения, практически ничего не осталось, но Карпати вложил туда достаточно денег, чтобы построить на его месте пусть не такой огромный, но вполне качественный и современный аэропорт. Тем более что численность населения постепенно сокращалась, и в прежнем размахе уже не было нужды.

Диспетчерская Хитроу долго отказывала Абдулле в посадке. Казалось, это огорчало его, но он не возмущался и терпеливо ждал. Бизон невольно задумался о том, чем занимался Абдулла до того, как уверовал в Христа. Не исключено, что он был каким-нибудь террористом.

Очевидно, Абдулла понимал, как Бизону не терпится оказаться дома. Заправив самолет, он влез в кабину с парой сомнительной свежести бутербродов с сыром. Он предложил один Бизону, и тот отказался только потому, что с трудом мог побороть тошноту после перелета. Похоже, пилот воспринял его отказ от еды как намек, что не стоит терять время, потому что, как только неторопливый диспетчер дал им, наконец, разрешение на взлет, они стремительно направились к Гренландии.

Бизон чувствовал себя спринтером, который никак не может добежать до финиша. В душе он надеялся, что привыкнет к маневрам Абдуллы и сможет расслабиться, но все же не мог никак избавиться от ощущения,

что самолет в любой момент рискует взорваться или рухнуть на землю. Внезапно зазвонил его мобильный, и Бизону пришлось совершить массу нелепых телодвижений, чтобы его извлечь.

Абдулла, заметив его ерзанье, забеспокоился и поинтересовался, не надо ли совершить аварийную посадку.

— Нет! — заорал Бизон, которому показалось, что вопрос прозвучал скорее с надеждой. Вряд ли межатлантический перелет был серьезным испытанием для этого пилота, но где, черт побери, он собирался совершать аварийную посадку? По предположениям Бизона, они находились где-то между Лондоном и Гренландией. Вряд ли Абдулла стал бы возвращаться в Лондон, но с него стало бы найти какой-нибудь авианосец посреди Атлантики.

Когда они наконец добрались до Гренландии, где им предстояло заправиться последний раз, Бизон нашел-таки силы вылезти из самолета. Достав телефон, он обнаружил, что звонил доктор Чарльз, и немедленно набрал его номер.

— Не могу сейчас говорить, Бизон, извини. Получаю медикаменты в больнице.

— Ну хоть намекните, зачем звонили. Все в порядке?

— Скажем так, я надеюсь, у вас все пройдет по плану.

— Звучит как-то не слишком обнадеживающе. С Хлоей все хорошо?

— Ты нам всем здесь очень нужен, Бизон.

— Да говорите же уже! Как она?

— Так, подожди секунду, я выйду, и мы поговорим.

— Ради бога!

Уильямс услышал, как доктор перебрался парой слов с кем-то по имени Лия, после чего произнес:

— Теперь все нормально. Ты прилетаешь, как обещал? Никаких изменений?

— Удивлюсь, если мы не окажемся на месте раньше графика, но пока все по плану, должен быть дома в десять вечера.

— Так поздно?

— Док, ты меня пугаешь.

— Понимаешь, Бизон, я сегодня умышленно ввел Хлою и Рэйфорда в заблуждение. Частота сердцебиения плода в течение последних дней упала до критического уровня.

— И что все это значит?

— Как только вернусь в убежище, сразу подключу Хлою к баллону с кислородом. Я планировал это сделать несколько часов назад, но столкнулся с непредвиденными проблемами в больнице. Один пациент... Рэйфорд, похоже, его знает. Мне показалось, его действительно интересуют кары и их значения, так что я потратил на общение с ним неоправданно много времени. Кстати, Хэтти знакома с его другом, которого уже выписали.

Ветер пронизывал Бизона до костей, как бы загоняя его обратно в самолет, в то время как он орал в трубку:

— Доктор, я не понимаю, что вы такое несете. Простите за грубость, но выкладывайте все как есть. Зачем вам рассказывать что-то мне, когда я нахожусь черти где и ничем не могу помочь, и держите в неведении мою жену и Рэя, в то время как они там с вами и могут что-то сделать?!

— Если бы ты видел, как они отреагировали на мой намек, что могут быть какие-то проблемы, ты бы не спорил со мной. Мне необходимо, чтобы Хлоя была уверена, что все хорошо. Если она узнает, насколько все серьезно, это может иметь фатальные последствия.

Абдулла знаком велел Бизону подниматься на борт.

— А я смогу продолжить разговор?

— Да, да!

Во время полета разговаривать было ужасно неудобно из-за шума, им приходилось повторять каждое предложение по нескольку раз, но в итоге Бизону удалось разобраться, что к чему.

— Какова вероятность того, что вам придется стимулировать роды до моего приезда?

— Ничего не могу обещать.

— Делайте то, что будет лучше для моей жены и ребенка.

— Именно это я и хотел услышать.

«Неужели ему действительно было нужно мое разрешение?» — удивился про себя Бизон.

— Доктор, расскажите все Рэйфорду. По моему, так и Хлоя сможет все адекватно вос-

принять, но если вы считаете, что для нее это лишнее, я полагаюсь на ваше мнение. Она ведь сильная, вы же знаете.

— А еще она глубоко беременна, так что благодаря гормонам она не столько женщина, сколько курица-несушка.

— Просто не делайте ничего, за что вам потом придется просить прощения. Хлоя наверняка захочет узнать, почему ее оставили в неведении.

— Рэйфорд тебя встретит, Бизон. Прости. У меня следующий звонок. Бог в помощь.

* * *

Когда доктор ответил на звонок, Рэйфорд испытал необыкновенное облегчение.

— Ты где? Я до тебя никак не могу дозвониться!

Флойд объяснил, как, столкнувшись с Бо, купился на просьбу того поговорить о Христе.

— Кстати, Эрни сегодня утром выписали из больницы. У вас что-то случилось?

— Хлое нехорошо, и она очень нервничает. Можно ей как-нибудь помочь?

— На что жалуется?

— Затруднение дыхания. Слабость.

— Уже еду. Устройте ее так, чтобы она могла дышать всей грудью. Вы сможете управиться с фетальным монитором?

— Если это нужно, то как-нибудь разберемся.

— Тогда сделайте это и сообщите мне о результатах. Жду вашего звонка минут через десять.

* * *

Доктор, скорее, нравился Бизону, тем непривычнее ему было на него сердиться. Настоящий профессионал должен быть более серьезным и не отвлекаться на мелочи. Как мог Флойд сообщить такое ему именно сейчас, когда его собственная жизнь целиком и полностью зависела от Абдуллы, который на сверхзвуковой скорости вел свой самолет, чтобы поскорей доставить его домой к жене. А ему, Бизону, только и оставалось, что молиться. Конечно, он верил в силу молитвы и часто прибегал к этому средству. Теперь из-за доктора тревога буквально сводила его с ума. А ведь по приезду поводов для беспокойства у него будет еще больше.

* * *

Настраивая фетальный монитор, Рэйфорд почувствовал себя полным неумехой, и поначалу ему даже показалось, что он не слышит никакого сердцебиения.

«Боже мой, только не это! — молился он про себя. — Только этого еще не хватало». Сколько бы ни говорили о том, что не стоит заводить ребенка в такой сложный

период истории, для всех в этом доме появление этого младенца имело огромное значение.

— Надо просто посчитать и умножить? — спросил он дочь.

— Не знаю, — тяжело дыша, ответила Хлоя. — Он такой быстрый, как его можно сосчитать?! А что, если нам только кажется и он на самом деле замедляется?

— За пару часов он вряд ли изменится, так что нам нужно хотя бы примерно его измерить.

— Тогда запускай эту машину.

Когда Рэйфорд сообщил доктору цифру, которая высветилась на экране, тот сказал, что больше беспокоиться надо о Хлое, чем о ребенке.

— Заставьте ее глубоко дышать, чтобы она не испытывала нехватки кислорода до самого моего приезда. Рэй, похоже, у меня проблема. За мной следят.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Я петлял, как мог, но никак не могу от него избавиться.

— Что за машина?

— Мотоцикл. Похоже, внедорожный. У меня нет шансов оторваться от него.

— Потяни время, поезди крутами. Может, ему наскучит? Что, если это один из тех, кто просто любит действовать другим на нервы?

— Рэй, он слишком хитрый. Держится достаточно далеко, чтобы не бросаться в глаза, но он едет за мной от самой больницы. Я совсем не хочу, чтобы кто-нибудь узнал

местонахождение нашего убежища, но я везу кислород для Хлои, а он ей жизненно необходим.

— Я о ней позабочусь. Держи меня в курсе.

— У меня заканчивается бензин. А на мотоцикле, похоже, можно ехать целую вечность.

— Ты далеко от Палуоки?

— Совсем рядом.

— Позвоню-ка я Ти. Кто бы это ни был, вряд ли он отважится последовать за тобой на закрытую территорию. Опять же там ты сможешь заправиться.

— Отличная идея.

Рэйфорд позвонил Ти и обрисовал ему в двух словах ситуацию.

— Только не это, — вздохнул тот.

— Что такое?

— У Эрни есть мотоцикл. Вероятно, он преследовал твоего друга, чтобы выяснить, где живет Хэтти. Они много общались последнее время.

— Откуда ты знаешь?

— Секретарша упоминала, что Хэтти звонила и спрашивала Эрни, а та сообщила ей, что парень в больнице. Но если Хэтти так не терпит встретиться с Эрни, почему она просто не скажет ему, где находится?

— Она просто этого не знает. Ей известно, что это где-то в Маунт-Проспект, но это недостаточно, чтобы объяснить дорогу.

— Если Эрни объявится здесь вслед за твоим другом, я ему устрою... Поверь, я не допущу, чтобы он вас нашел. Какая машина у твоего друга и как он выглядит?

— «Ровер». Очень похож на тебя.

— В смысле?

— Он на бизоновском «ровере». И он тоже афроамериканец.

Рэйфорд попытался расположить подушки так, чтобы Хлоя могла лечь, закинув руки за голову без вреда себе и ребенку. Так она смогла глубже дышать и сразу почувствовала облегчение. Обернувшись, Рэйфорд вздрогнул, увидев наверху лестницы, ведущей из подвала, Хэтти. Выглядела она ужасно: неестественно худая, бледная, с запавшими глазами. Она была похожа на привидение или даже на живого мертвеца.

— Хэтти! — произнесла Хлоя, когда та, прихрамывая, направилась к ней. — Так давно тебя не видела.

— Хотела узнать, как там мой крестник.

— Еще рано, Хэтти. Мы позовем тебя, когда он появится на свет.

— А еще я хотела сказать, что не испытываю к тебе ни зависти, ни ненависти.

Рэйфорд внимательно следил за реакцией дочери.

— Правда? Я даже не задумывалась об этом.

— Но это ведь было бы вполне естественно? Я своего ребенка потеряла, а твой вот-вот появится на свет. Тебе в отличие от меня повезло. И так во всем.

Рэйфорду хотелось поговорить с ней наедине, потому что он не хотел, чтобы Хлоя что-либо заподозрила.

— Мы все очень сочувствуем тебе, Хэтти, — произнес он. — И мы признательны,

что ты по-прежнему хочешь быть крестной ребенка Хлои.

— Мы собирались быть крестными детей друг друга, — отозвалась она.

— Наверное, это больно для тебя, — спросила Хлоя.

— Я свое обещание сдержу, — ответила Хэтти.

— Прости, — прервал ее Рэйфорд. — Но у нас тут что-то вроде медицинской консультации по телефону.

Он набрал номер Флойда.

Хэтти молча удалилась.

Доктор сообщил Рэю, что находится примерно в миле от Палуоки.

— Но тот парень по-прежнему висит у меня на хвосте, — добавил он.

Как ни хотел Рэйфорд оставлять дочь одну, беспокоить ее он хотел еще меньше.

— Как ты себя чувствуешь, милая? Если я тебя оставлю ненадолго, ты справишься? Я бы хотел поговорить с Хэтти.

* * *

Бизон обнаружил, что его клонит в сон. Это было совсем неудивительно, так как он был на ногах с самого утра по ближневосточному времени. А еще, несмотря на усталость, шум и недостаток кислорода, ему отчаянно хотелось поговорить с кем-нибудь из друзей в Маунт-Проспект. Жене он позвонить не мог, потому что боялся ее встре-

вожить, а тесть, скорее всего, находился рядом с ней. Хэтти последние месяцы была мало вменяема, а значит, оставался только Цион.

Интересно, который час был в Чикаго? Вечер? Должно быть, раввин как раз заканчивает свое ежедневное наставление. Бизон набрал его номер. Чтобы услышать, друг друга, им приходилось кричать и по нескольку раз переспрашивать, но даже такое общение принесло Бизону некоторое облегчение.

— Кэмерон! Друг мой! Рад тебя слышать! Ты где сейчас?

— Сначала скажи мне, не отвлекаю ли я тебя от работы? Весь мир, затаив дыхание ждет...

— Я уже опубликовал свою проповедь, минут двадцать назад. Так что сейчас очень удачный момент. Мы все здесь с нетерпением ждем появления младенца и твоего возвращения. Так где же ты?

— Я бы и сам хотел это знать. Мы летим на всех скоростях на старом истребителе прямо на закат. Под нами Атлантический океан — это единственное, что я знаю наверняка.

— Мы увидимся всего через несколько часов. У нас осталось не так много поводов для радости, а воссоединение друзей, братьев по вере и супругов — это один из них. Мы непрестанно молились за тебя, и больше всех Хлоя. Думаю, ты окажешься здесь до появления ребенка. Планируется, что роды будут принимать в больнице в Палатине.

Бизона одолели сомнения.

— Цион, ты ничего от меня не скрываешь?

— Нет.

— Ты пытаешься меня подбодрить, потому что не знаешь о возникших осложнениях с ребенком или все-таки знаешь?

— Твой тесть упоминал об этом, но у меня сложилось впечатление, что Флойд контролирует ситуацию. Это Рэйфорд тебе обо всем рассказал?

— Нет, сам доктор. И все гораздо хуже, чем предполагают Рэйфорд и Хлоя.

— Почему же он им ничего не сказал?

— У него есть на то причины. Я просто хотел знать, в курсе ли ты.

— Нет. Пару часов назад я слышал, как кто-то уехал. Полагаю, это был Флойд.

— Он переживал, что, если ему придется стимулировать роды, я не успею вернуться до появления ребенка на свет.

— Стимулировать? Почему он не хочет просто отвезти Хлою в больницу?

— Честно говоря, Цион, я уже измучился, задаваясь разными вопросами с момента его звонка. Понятия не имею, чего он хотел этим добиться.

Бен-Иегуда замолчал.

— Кэмерон, пока ты не добрался сюда, единственное, что тебе остается, — молиться. Предоставь все Господу.

— Я никогда не был в этом силен. Понимаю, вы вряд ли так переживаете, но...

— Кэмерон, Господь снисходителен к нашим страхам и слабостям во времена

Скорби. Позволить себе не беспокоиться могли те, кто жил до начала этих кар. Если бы мы не боялись того, что будет ниспослано нам небесами на следующий день, мы бы не были людьми. Не надо чувствовать себя виноватым за проявление естественных эмоций. Просто есть вещи, которые ты не в силах изменить, и остается уповать только на Бога. Сейчас ты как раз в такой ситуации.

От общения с Ционом у Бизона всегда становилось спокойно на душе. Они через столько всего прошли вместе. Тут он запоздало сообразил, что жалуется на осложнение беременности своей супруги человеку, у которого убили жену и детей. И все равно Циону хватало мудрости и здравомыслия, чтобы успокаивать и утешать. Бизону мучительно не хотелось прекращать этот разговор.

— Можешь поговорить со мной еще немного?

— Конечно. Все заняты, так что я, по сути, оказался в некоторой изоляции.

— Как там Хэтти?

— Вроде получше. Самое страшное позади, но ей потребуется еще немало времени, чтобы прийти в норму.

— Хлоя говорила, что ее отношение к вере неизменно.

— У нее очень сложный случай, Кэмерон. Я всерьез опасаюсь за ее душу. Я надеялся, что ей нужно просто выплеснуть всю ту боль и яд, что накопились в ее душе, а по-

том она обратится к Богу. Но она действительно искренне уверена в том, что говорит. Она верит в Бога, знает, что Он любит ее и что Он сделал для нее, но почему-то осознанно решила отказаться от Его дара, того самого, ради которого мы все обрели веру.

— Она считает себя недостойной.

— С этим сложно спорить, она ведь взрослая женщина, способная самостоятельно принимать решения. Это ее выбор, не наш. Но мучительно видеть, как кто-то дорогой твоему сердцу принимает решение, которое в конечном счете будет стоить ему собственной души.

— Прости, что все еще отнимаю твое время, Цион, но о чем было твое сегодняшнее наставление? Вряд ли я смогу прочесть его в ближайшее время, а поддержка — это как раз то, что мне сейчас необходимо.

— Понимаешь, Кэмерон, коль скоро мы пережили нападение саранчи, пора готовиться как минимум к последующим двум карам.

— Следующим должен вострубить шестой ангел. Чем это нам грозит?

Цион вздохнул.

— По меньшей мере, армией из двухсот миллионов всадников, которые уничтожат треть человечества.

Бизон на мгновение утратил дар речи. Конечно, он читал эту главу Книги Откровений, но никогда не пытался всерьез осмыслить ее значение.

— Какими же словами ты пытался подбодрить людей, обрушив на них подобную новость?

— Я сказал им, что все, что мы испытывали до этого, все ужасы, с которыми мы сталкивались, померкнут в сравнении с этой худшей из кар.

— Но та, что последует за ней, будет еще страшнее?

— Да, хотя в это сложно будет поверить.

— Все мои переживания по поводу ребенка кажутся такими мелочными. Конечно, для меня это очень важно, но перед лицом гибели трети ныне живущих вряд ли это успокоит кого-то еще.

— Кэмерон, до Второго пришествия доживет всего лишь четвертая часть тех, кто оставался после Восхищения Церкви. Смерти я не боюсь, но ежедневно молю Господа, чтобы Он даровал мне возможность лицезреть Его пришествие и становление Его царства на земле. Если Он призовет меня к себе до этого, я воссоединюсь со своей семьей и другими дорогими мне людьми. Но это не сопоставимо с восторгом от лицезрения Его Явления во Славе!

* * *

Рэйфорд нашел Хэтти на улице.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался он.

— Дышу свежим воздухом. Приятно немного прогуляться.

— Доктор считает, что ты еще слишком слаба.

— Ну да, если понадобится, он объявит меня недееспособной, лишь бы удержать здесь. Он же влюблен в меня по уши.

Рэйфорд сделал вид, что внимательно рассматривает окрестности.

— С чего ты взяла?

— Конечно, сам он мне ничего не говорил, — съехидничала она. — Но женщины подобное понимают без слов. Спорю, ты и сам заметил.

Рэйфорд ответил, что нет, испытав при этом некое облегчение. В свое время рассказ доктора о своих чувствах обескуражил его, но гораздо больше его удивило то, что Хэтти обо всем догадалась сама.

— Он сам во всем признался тебе, Рэйфорд?

— Почему ты спрашиваешь?

— Значит, признался. Так я и знала. В любом случае мне это все мало интересно.

— Да, он сильно увлекся тобой, но я уверен, что ты поставила его на место.

Похоже, его слова разочаровали Хэтти.

— Так, значит, он решил, что у него нет шансов?

Рэйфорд пожал плечами.

— Не то чтобы мы об этом говорили...

— Он в курсе, что ты был в меня влюблен?

— Хэтти, ты рассуждаешь как школьница.

— Да ладно, ведь это было!

— Было что? Что у меня было недопустимое увлечение женщиной намного моложе меня? Мы оба знали, что из этого ничего не выйдет и...

— Потому что исчезла толпа людей и у тебя внезапно обострилось чувство вины.

Рэйфорд развернулся, чтобы войти в дом.

— Неужели я по-прежнему действую тебе на нервы?

Он снова взглянул на нее.

— Хорошо, я скажу, что действительно действует мне на нервы. Твой повышенный интерес к тому пареньку из аэропорта.

— Эрни? Я просто хочу с ним встретиться.

— Ты говорила ему, где находишься, как сюда добраться?

— Да я понятия не имею, где нахожусь.

— Ты упоминала, что Флойд сегодня поедет в больницу?

Хэтти отвела взгляд.

— С чего бы?

— Так упоминала или нет?!

— Возможно.

— Это было глупо, Хэтти. Что вы там задумали? Приятель Эрни задержит Флойда в больнице, покуда тот не доберется до своего мотоцикла, так чтобы проследить за доктором от больницы до места, где тебя держат?

Судя по ее реакции, он попал в точку.

— Откуда ты знаешь?!

— Хэтти, твои сообщники — подростки, да и ты ведешь себя не лучше. Если тебе так не терпится с ним увидеться, почему ты про-

сто не попросила кого-нибудь из нас отвезти тебя к нему?

— Потому что Флойд меня к нему ревнует. Он даже возражает против того, чтобы я разговаривала с ним по телефону. А еще убеждает всех, начиная с тебя, что я слишком слаба, чтобы ехать куда-либо, поэтому ты ни за что не согласишься отвезти меня к Эрни.

— Так Эрни пытается попасть сюда просто для того, чтобы познакомиться?

— Ну да.

— Чушь собачья. Ты же знаешь, что он пытался выдавать себя за одного из нас, чтобы втереться в доверие к Кену, и у него получилось бы, если бы не саранча?

Хэтти с трудом подавила улыбку, и это вывело Рэйфорда из себя.

— Так ты была в курсе? — воскликнул он.

— Когда я призналась, что не являюсь членом Отряда Скорби, он рассказал мне о своих планах. Мне это даже понравилось.

— Понравилось? То, что этот авантюрист-охотник за сокровищами может подвергнуть наши жизни опасности?

Она пожала плечами.

— Все остальные мужчины в моей жизни слишком скучны.

Рэйфорд покачал головой.

— Надеюсь, ты действительно будешь с ним счастлива.

— А он приедет?

— Флойд пытается о него избавиться, но вполне возможно, что ему это не удастся.

Нельзя допустить, чтобы Хлоя не получила необходимый ей кислород просто потому, что его преследует какой-то парень на мотоцикле. Можешь порадоваться. Мы не можем ему доверять, поэтому, как только он узнает, где мы находимся, нам придется переехать. Знать бы еще куда. Да и сможем ли мы вообще сделать это... Ведь среди нас женщина, которая вот-вот должна родить! Ты не просто говоришь о том, что недостойна прощения, но, похоже, всеми силами пытаешься это доказать.

Рэйфорд зашел в дом, позволив двери закрыться за собой, и остановился, потому что хотел еще что-то сказать, но никак не мог сформулировать. Хэтти открыла дверь.

— Погоди. У Хлои какие-то проблемы?

— Возможно. Ей необходим кислород.

— У Флойда с собой телефон?

— Да.

— Набери его номер и дай мне с ним поговорить.

Рэйфорд сделал, как она просила.

— Привет, Рэй, — ответил доктор. — Мотоциклист не поехал за мной на территорию аэропорта, и Ти объяснил мне почему. Мы думаем, не поменяться ли машинами, так чтобы повести того парня по ложному пути. Хорошо, что мы с ним так похожи.

— Отличный план! Тут Хэтти хочет сказать тебе пару слов.

— Привет, док. Послушай, Эрни, тот, который едет за тобой, на самом деле ищет

меня. Просто выстави телефон на вытянутой руке из машины и заглуши мотор... Да, я уверена, что он остановится. В любом случае ты ничего не теряешь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Похоже, я слишком быстро летел!

Голос Абдуллы разбудил задремавшего Бизона.

— Что-то случилось? — прокричал он.

— Похоже, я слишком быстро летел!

Бизон пребывал в полном недоумении. Не мог же его остановить воздушный патруль за превышение скорости?

— Значит, мы опережаем план?

— Да, но мы потратили больше горючего, чем я предполагал, поэтому нам придется сделать дозаправку в Нью-Йорке.

Бизон просто хотел оказаться дома как можно скорее.

— Где мы там приземлимся? Нью-Йорк — последний город, который Карпати станет восстанавливать. Думаю, он до сих пор не простил Штаты за неудачную попытку бунта.

— Я знаю одно место. Мы будем в Уиллинге уже через пару часов.

Бизон взглянул на часы: по израильскому времени было семь, значит, если они приземлятся через два часа, уже к десяти он сможет оказаться в убежище. Это придало ему бодрости и сил.

* * *

Хлое был нужен кислород — она была ужасно бледной, даже губы посинели. Рэйфорд, сидя на кровати рядом с ней, поймал себя на странной уверенности в том, что ребенок появится на свет именно сегодня, а значит, он сделает все, чтобы все прошло хорошо.

— Как ты, милая?

— Просто устала, пап.

Она пыталась как-то двигаться, чтобы облегчить себе дыхание, еще не представляя себе, насколько серьезной была проблема. Когда зазвонил телефон, Рэйфорд выхватил его с такой скоростью, что тот выскользнул у него из руки.

— Черт, — выругался он, поднимая его. — Стил слушает.

— Рэй, это Флloyd. Мы загрузили баллон с кислородом в джип Ти, и я уже еду. Как там наша пациентка?

— Ясно.

— Ты рядом с ней?

— Да.

— Как бы ты оценил ее состояние по десятибалльной шкале?

— На пятерку.

— Я бы попросил тебя еще раз замерить пульс у плода, но это бессмысленно, так как я все равно ничего не смогу сделать, пока не приеду.

Рэйфорд встал и направился к окну: там, на улице, Хэтти оживленно разговаривала с кем-то по телефону.

— А как там Ти? — спросил он.

— Думаю, байкер клюнул на приманку, но рано или поздно он опознает своего бывшего босса. Мы надеемся, что у него хватит ума связаться с Хэтти.

— Я не знаю наверняка, но, похоже, именно это он сейчас и делает, так что тебе лучше поторопиться.

— Папа, что происходит? — спросила Хлоя.

— Доктора чуть задержали в больнице, и ему пришлось сделать крюк по дороге обратно. Но он уже едет и везет тебе кислород.

— Отлично. Он говорил, что роды могут случиться только завтра.

— Он на это надеялся.

— Ведь с моим ребенком все будет в порядке?

— Да, если ты продолжишь глубоко дышать, пока доктор не привезет кислород.

Рэйфорду не терпелось переговорить с Хэтти.

— Пойду-ка я подышу свежим воздухом.

— Захвати чуть-чуть для меня, — слабо улыбнулась Хлоя.

— Эрни, просто делай, как я говорю, — Хэтти стояла спиной к двери и не заметила, как вышел Рэйфорд. — Докажи, что ты настоящий мужчина, я серьезно.

Услышав, как хлопнула дверь, она выключила телефон.

— Похоже, мне удалось его успокоить.

— Неужели? Интересно как?

— Просто обрисовала ему ситуацию и дала понять, что просить его сюда приехать было не лучшей моей идеей. Сообщила ему, что ты согласился отвезти меня в Палуоки, если я буду в состоянии.

— Ясно. И что же он собирается делать?

— Полагаю, поедет домой.

— Но он же живет в аэропорту.

— Именно это я и имела в виду.

— Его укусили тогда же, когда и тебя. Как он себя чувствует?

— Он еще слаб, но очень рад, что наконец снова может гонять на мотоцикле.

У Рэйфорда зазвонил телефон. Он извинился и поинтересовался у Хэтти, следует ли ему зайти в дом, или уйдет она. Что она и сделала.

— Стил.

— Это Ти. Эрни аж в лице переменился, когда обнаружил, что за рулем я. Он попытался смыться, но я сказал, что звонит его подружка, и он взял трубку, правда, первое, что он произнес, было: «Нет, не он». Вероятно, она спросила его, кто набрал номер,

и он заверил ее, что это не доктор Флойд. Потом она, похоже, не на шутку его отчитала, потому что он только извинялся и соглашался.

— Она утверждает, что заставила его отвалить под предлогом, что они вскоре увидятся.

— Доктор сейчас уже далеко, так что у Эрни и так не было шансов. Он направился обратно в Палуоки. По крайней мере, заявил, что поступит именно так.

— Ты занят сегодня вечером?

— Я отправил всех домой и собирался принимать самолет с Бизоном на борту. Я получил сообщение из Нью-Йорка, что они дозаправились и прибудут около девяти. Ты в курсе, что он летит на Z-29?

— На египетском истребителе? Быть того не может.

— Тем не менее это так. Он бы мог добраться сюда из Нью-Йорка за час, если бы хотел. Так к чему ты спрашивал про занятость?

— Присмотри за Эрни. Я не доверяю ни ему, ни Хэтти.

— А что он может? Он же не знает, где вы находитесь!

— Например, проследить за мной, когда я буду забирать Бизона, и еще бог знает что.

— Если он окажется поблизости, когда появится Бизон, я присмотрю за ним, договорились?

К тому моменту, когда они достигли воздушного пространства штата Огайо, Бизон испытывал чудовищный приступ клаустрофобии, но его возбуждение было сильнее любых неприятных ощущений. Конечная цель была совсем близка. Он ничего не мог сделать с осложнениями беременности Хлои, только молиться и стремиться к ней. Вместе они сумеют преодолеть любые трудности. И не важно, насколько сложными окажутся последующие годы.

Он наклонился вперед, сжав плечо Абдулле.

— Спасибо, друг.

— Вам спасибо! Расскажите мистеру МакКалламу, какая это была отличная поездка.

Бизон рассмеялся, но так, чтобы Абдулла его не слышал. Никогда в жизни он больше не будет пользоваться истребителем в качестве транспортного средства, но он был крайне благодарен, что его доставили домой.

— Ведь все идет по плану? У нас достаточно горючего?

— Конечно, мистер Уильямс. Мне надо будет найти, где переночевать.

— Думаю, можно остановиться в аэропорту. Я бы пригласил вас к нам, но мы скрываемся и живем в некоторой тесноте.

— Мне немного надо, — признался Абдулла, — Место, где можно лечь, и доступ к Интернету.

— Личная почта?

— Наставление Бен-Иегуды.

Бизон понимающе кивнул. Все было ясно без слов.

* * *

Давно Рэйфорд не испытывал такого облегчения, как в тот момент, когда Флойд, наконец, подъехал к дому. Он немедленно бросился помогать ему перетаскивать баллоны с кислородом.

— Я сам все донесу. Лучше идите посмотрите, как она.

— Оставьте второй баллон пока в машине. Ей срочно нужен кислород, а одного вполне хватит.

Рэйфорд отстал от доктора всего на полминуты, но к тому моменту, как он зашел в комнату с баллонами, тот уже успел настроить фетальный монитор, и, судя по выражению его лица, результаты были неутешительными. Цион и Хэтти внимательно наблюдали за ними, он — спустившись к Хлое, она — поднявшись из подвала.

Хлое буквально на глазах становилось хуже. Флойд выругался.

— Простите, — скороговоркой произнес он. — Сейчас я все сделаю.

— Что-то не так? — спросила Хлоя, тяжело дыша.

— Тихо, — начал Флойд. — Всем внимание, и ты Хлоя тоже! Нам всем предстоит ра-

ботать вместе. Необходимо создать максимально стерильные условия. Хэтти, ты могла бы мне помочь?

Но та, казалось, не слушала. Она бессмысленно пялилась на происходящее, как если бы оно повергло ее в шок. Затем развернулась и нетвердой походкой направилась к себе вниз в подвал.

— Скажите, что нужно делать, — заявил Цион, закатывая рукава и подходя ближе.

— Я рожу сегодня? До того, как приедет Бизон?! — отчаянно воскликнула Хлоя.

— Нет, если у меня все получится, — заявил доктор. — Но ты должна соблюдать спокойствие и молчать. Кроме крайней необходимости.

— Ладно, — поспешно произнесла она. — Но я хочу знать всю правду здесь и сейчас.

Флойд удивленно взглянул на Рэйфорда, но тот только удивленно поднял брови и кивнул.

— Она имеет право знать.

— Как скажешь, Рэй. Обеспечь тогда, чтобы она дышала кислородом из баллона. Хлоя, пульс младенца сильно замедлился. У меня здесь нет оборудования, чтобы выяснить положение пуповины, и в любом случае я не стану здесь делать тебе кесарево. С другой стороны, в больницу сейчас тебя везти тоже медицински нецелесообразно.

Как только Хлоя натянула кислородную маску, ее лицо заметно порозовело.

— Медицински нецелесообразно? — произнесла она. — Вы меня не запутаєте своими

канцеляризмами. Ты имеешь в виду, что эта поездка может стоить мне жизни?

— Не будем строить гипотезы. Ты никуда не едешь. А теперь тебе лучше не разговаривать. Цион, подавай мне то, что я попрошу. Следи, чтобы руки у тебя оставались чистыми. Ты, Рэй, тоже. Принесите те два стула и те лампы. Эту поставьте на стол. Дайте мне пузырек с бетадином.

Как только все было готово, все трое мужчин осторожно перенесли Хлою на импровизированный родильный стол.

— Сколько почтения, — пошутила Хлоя из-под маски.

— Умолкни, — шикнул Флойд, ущипнув ее за большой палец ноги.

— У меня вопрос, — неожиданно заявил Цион. — Как ты узнаешь, что надо делать кесарево?

— Это крайняя мера, если пульс плода критически замедлится или остановится. Тогда у нас не будет другого выбора. Хлоя, если до этого дойдет, ты к тому моменту будешь без сознания, поэтому решение надо принять сейчас. Ты будешь под наркозом, но недостаточно сильным для кесарева. Так что...

— Делайте, — твердо заявила она. — Главное — ребенок, обо мне позаботитесь потом.

— Но если...

— Доктор, даже не пытайтесь меня переубедить.

— Хорошо, в любом случае это просто перестраховка. Я бы предпочел обойтись без

подобных мер. Не факт, что мы можем себе это позволить, но я буду ждать как можно дольше долго в надежде, что состояние ребенка стабилизируется.

— Постарайтесь дождаться Бизона, — попросила Хлоя.

— Ни слова больше! — предупредил Флойд.

— Извини, — пробормотала она.

Рэйфорд взглянул на часы:

— Как же ты будешь справляться, когда я уеду встречать Бизона?

— Если честно, твоя помощь мне будет совсем не лишней. Почему он сам не может доехать? Ведь его машина сейчас в аэропорту.

— Но тогда Ти останется без транспорта.

— Они вместе могут приехать, заодно Ти заберет свою.

— Ти не хочет знать, где мы скрываемся. На случай, если его вдруг станут допрашивать.

— Но ты же ему доверяешь?

— Безусловно.

— Значит, ему придется пойти на этот риск.

* * *

Без нескольких минут девять самолет Абдуллы пересек границу Иллинойса. Бизон сразу позвонил Рэйфорду.

— Значит, план изменился и мне надо взять с собой Ти?

— Да, и убедиться, что за вами нет хвоста. Это долгая история.

— Я всегда за этим слежу. Тут что-то особенное?

— Ти тебе все расскажет. Это парень, который живет в аэропорту.

— Там останется Абдулла. Я попрошу его посторожить.

— Абдулла? Ты летишь с Абдуллой Смитом?!

— Не знал, что вы знакомы.

— Дай ему трубку!

Бизон похлопал Абдуллу по плечу.

— С тобой хочет поговорить мой тесть. Рэйфорд Стил.

Пилот чуть не развернулся в своем кресле на сто восемьдесят градусов:

— Рэйфорд? Ты что, шутишь?!

* * *

Рэйфорд в двух словах обрисовал проблему Абдулле.

— Не беспокойся, я присмотрю, чтобы он никуда не поехал, ты же знаешь, я умею, — подтвердил тот.

— О да. Когда вы прибываете?

— Через четырнадцать минут, но я попробую уложиться в одиннадцать.

Рэйфорд повесил трубку и объявил, что пойдет проведает Хэтти. Спустившись на пару ступенек, он наклонился и увидел ее, свернувшуюся калачиком на старом

кресле, и, покачав головой, вернулся в комнату.

— Как у нас дела, док?

— Роды придется стимулировать, но я буду действовать постепенно, так что у Бизона есть еще время. Всем все ясно? Пульс у плода еще не стал критически медленным, но через час это будет именно так. Я считаю, что пора отводить воды.

Хлоя молча кивнула.

— Значит, так тому и быть, — резюмировал Рэйфорд.

* * *

— Маленький аэропорт, — прокомментировал Абдулла, когда они приземлялись.

— Но ведь для тебя это не проблема?

— Да я и на конверте приземлюсь, не задев марку.

Эта хвастливая реплика настолько рассмешила Бизона, что он хохотал, пока не вылез из самолета. Очевидно, все это от нервов. Он потянулся так, что у него закружилась голова и на секунду показалось, будто еще немного и он переломится на две части, но все пришло в норму.

— Парень, с которым ты разговаривал по радио, — Ти, он должен здесь нас встретить. Он покажет, где ты сможешь переночевать, и, надеюсь, познакомит тебя с Эрни. А дальше ты сам знаешь, что делать.

Абдулла улыбнулся.

Несколько минут спустя он уже распаковывал свои пожитки в комнате по соседству с Эрни. Обменявшись с Абдуллой телефонными номерами, Бизон и Ти уехали.

— Да, весело вам тут.

— Не так, как будет тебе, когда приедешь домой.

— Не могу дождаться. Надо позвонить Хлое.

— Сейчас не стоит этого делать. Как я понял, доктор подключил ее к баллону с кислородом и намеревался стимулировать роды, прождав тебя настолько долго, насколько это возможно.

Бизон молча прибавил скорости. Машина буквально летела, так что им обоим приходилось придерживать за крышу.

— Ты ничего не заметил? — спросил Бизон, уставившись в зеркало заднего вида так, что едва успел увернуться от огромной кучи цемента, о существовании которой почти забыл.

— Ничего не вижу, — сообщил Ти, внимательно посмотрев назад.

Бизон пожал плечами.

— Мне показалось, я видел мотоцикл.

Ти обернулся еще раз.

— Если он там и есть, то явно едет с включенными фарами, а это равносильно самоубийству. Скорее всего, у тебя разыгралось воображение.

Бизон снова взглянул в зеркало. Да, пожалуй, нервы были на пределе. Он бы с удовольствием пустил за руль Ти, если бы тот знал дорогу.

— Хочешь, я позвоню Абдулле? — предложил Ти. — Чтобы убедиться, что Эрни у него под присмотром.

— Отличная идея.

Ти набрал номер.

— Как твои дела, дружище? Все в порядке?.. Да, он потрясающий парень, но ведь ты не позволишь ему запудрить тебе мозги?.. Это выражение такое, надуть, обдурить, обмануть... С ума сойти, Абдулла! Да, ты можешь спокойно ложиться спать. Это займет его до утра.

* * *

Они подъехали к убежищу почти ровно в десять. Бизон выскочил из машины до того, едва успел замолчать двигатель. Увидев его, Хлоя счастливо улыбнулась, несмотря на то что у нее как раз начались схватки. Доктор поприветствовал его жестом в направлении уборной.

— Стерильность прежде всего!

Бизон умылся и сел рядом с женой, взяв ее за руку.

— Спасибо тебе, Господи! Я бы ни за что не простил себе, если бы пропустил этот момент, — воскликнул он.

— Я хочу помолиться, — произнес Цион.

— Я так надеялся, что ты это скажешь, — признался Бизон.

— Доктор, вам, конечно, закрывать глаза не стоит. Господь Всемогуший, мы благо-

дарим Тебя за твою доброту и защиту. Спасибо Тебе за то, что Бизон вернулся к нам и успел как раз вовремя. Мы подчинимся воле Твоей, но молим Тебя, чтобы роды прошли успешно, ребенок родился здоровым и мать была здорова. Нам нужен этот луч света в темном царстве. Подари нам его, о Господи, но более всего мы хотим, чтобы исполнилась Твоя воля.

Рэйфорд вскинул голову, услышав звук заводящегося мотора, доносящийся со двора.

— Это Хэтти, — произнес он, глядя на Ти.

— Остановите ее! Нельзя допустить, чтобы она выдала наше убежище, — закричал Бизон.

Хлоя попыталась сесть.

— Расслабься! — приказал доктор. — Мне вполне хватит помощи Бизона и Циона, так что вы двое вполне можете отправиться за ней. Не заставляйте меня ждать.

Ти и Рэйфорд мгновенно выбежали из комнаты, перескакивая через ступеньки. «Ровера» не было на месте, и еще им показалось, что они слышали мотоцикл. Они сели в джип Ти, но ключей там не было. Рэйфорд бросился обратно в дом.

— Флойд! Где ключи?!!

— Ох... — пробормотал доктор. — Цион, достань их, пожалуйста, из правого кармана моих брюк и помой перед этим руки.

Через пару минут они уже неслись в направлении Палуоки.

— Так, значит, Эрни все-таки удалось проследить за вами?

— Это совершенно исключено, — ответил Ти. — Когда мы разговаривали с Абдуллой, Эрни был рядом с ним, а Бизону только однажды показалось, что за нами кто-то ехал.

— Может, Эрни его спойл и заставил так сказать?

— Звучал он вполне убедительно. Немного словно, но подробно и все такое.

— Это не очень похоже на Абдуллу. Позвони ему.

Пилот ответил после второго гудка.

— Я тебя разбудил?.. Отвечай только «да» или «нет». Эрни по-прежнему с тобой? Он... Что он делает?.. Копает? Дай ему, пожалуйста, трубку.

Рэйфорд замотал головой.

— Говорю тебе, он не...

— Эрни? Как там твои дела? Чем занимаешься? Прибираешься у Кена? Очень мило с твоей стороны. Абдулла упоминал, ты там что-то раскапывал... Ах, просто подметал, ясно... Да, понимаю, это несложно перепутать. Скажи ему, что мы скоро увидимся.

* * *

Бизон даже представить себе не мог, куда направилась Хэтти. Он давно уже оставил попытки ее понять. Куда надо было нестись

сломя голову посреди ночи? А может, у нее действительно проблемы с головой, поэтому она и сбежала? Тогда с нее станется притащить кого-нибудь с собой на хвосте в убежище.

Хлоя схватила мужа за руку, издав полувсхлип-полустон. Бизон посмотрел на доктора. Оказалось, он приладил фетальный монитор через матку прямо к голове плода. Он пояснил, что действовал очень осторожно и что ребенок действительно в ближайшее время появится на свет.

— Все будет в порядке, — ободрил он всех.

Бизон тяжело вздохнул. Возбуждение мешало ему понять, насколько он измотан. Ему хватало здравого смысла, чтобы подобно доктору Чарльзу вести себя жизнерадостнее и увереннее, чем он чувствовал. И все же он был рад, что успел, и не важно, какой ценой. Он бы не хотел, чтобы Хлоя прошла через это одна, безотносительно того, какой будет итог.

* * *

— Так, значит, Эрни действительно ищет золото? — спросил Рэйфорд.

Ти кивнул.

— Готов поспорить, что Бо уже выпустили из больницы. Проверим?

— Давай.

— Странно, — недоуменно воскликнул Ти после звонка. — Он все еще значится в числе пациентов.

— Тогда попроси его к телефону. Или лучше позови Лию и дай мне переговорить с ней.

Ти так и сделал, передав Рэйфорду телефон.

— Лия, это Рэйфорд Стил, друг доктора Чарльза, — сказал тот.

— Что вам надо? — сурово, но не враждебно произнесла она.

— Я просто хотел узнать, мог ли покинуть больницу пациент, которого еще официально не выписывали. Его зовут Бо... минуточку... Я только выясню...

— Боргард Хэнсон, — продолжила она за него. — Это не самое популярное имя. Но он по-прежнему здесь.

— Вы уверены?

— Хотите, чтобы я проверила?

— Сделайте мне одолжение.

— Я для вас и не такое делала.

— И мы любим тебя за это.

— Не вешайте трубку.

* * *

Похоже, Флойда что-то обрадовало, и это обнадежило Бизона.

— Мы все делаем правильно, — пояснил доктор. — Ждать больше нельзя, у плода стабильный пульс, и этим надо пользоваться. Все будет хорошо. Как ты, Хлоя?

Она кивнула, как только может женщина в момент схваток.

* * *

— Он сбежал?

— Похоже на то. Я не вижу его, — сообщила Лия. — Мне он все равно не нравился, ни он, ни парень, который лежал с ним по соседству. Тот улизнул несколько раньше, иначе я бы узнала.

— Я твой должник, Лия, — заявил Рэйфорд.

— Только ли ты?

— Туше. Когда-нибудь мы воздадим тебе сторицей.

— Ну да, — съязвила она. — Лет через пять.

* * *

— Хотела бы я, чтобы мой отец был здесь, — прошептала Хлоя.

— Может, он успеет вернуться до родов? — предположил Бизон. — Док, как потвоему, сколько еще осталось?

— Я не хочу торопиться. Иногда любое действие может стимулировать процесс. Все зависит от матери и ребенка. Но пока у нас все в порядке, и это самое главное.

— Аминь, — сказал Цион.

Бизону показалось, что раввин взволнован не меньше, чем он сам.

* * *

— Ты в это веришь? — с сомнением спросил Рэйфорд.

— Они настолько глупы, что им в голову не придет, что за ними могут следить.

«Ровер» стоял возле жилища Кена, где теперь обретался Эрни, а теперь еще и Абдулла. Ти припарковался в пятидесяти футах от него, заблаговременно выключив свет. Они сидели и наблюдали.

— Абдулла вполне способен позаботиться о себе, — заметил Рэйфорд. — Но их больше.

— Давай выясним, что они задумали, — отозвался Ти.

Когда они подошли к зданию, им стали слышны голоса.

— Двигатель «ровера» выключен, — прошептал Рэй. — Они не подозревают, что мы здесь.

Они подкрались к занавешенному окну и прислушались.

— Давайте все еще раз проясним, — услышали они голос Абдуллы. — Вы мне дадите слиток золота за то, чтобы я отвез вас в Новый Вавилон?

— Именно, — подтвердила Хэтти.

— Это ваше золото?

— Нет, моего жениха.

— Этот юноша ваш жених?

— Да! — воскликнул Эрни. — Берите золото!

— Вы осознаете, — продолжил Абдулла, — что этот слиток стоит в несколько раз дороже, чем я бы запросил с вас в валюте за этот рейс?

— Мы хотим отправиться немедленно, — настаивала Хэтти. — А это тоже стоит денег.

— Если вам надо лететь немедленно, вы выбрали не того пилота. Мне нельзя отправляться в рейс в течение двадцати четырех часов.

— Карпати упразднил международные летные правила, — ответила Хэтти. — Я знаю. Я работала на него.

— Вы делали для него гораздо больше, мэм. Вы ведь вроде были с ним обручены? Так сколько у вас всего женихов?

— Станет на одного меньше, если мы не вылетим, — отрезала Хэтти.

Рэйфорд дал знак Ти следовать за ним, не приближаясь, и позвонил Абдулле.

— Алло?

— Абдулла, это Рэйфорд Стил. Ничего не говори, повторяй за мной, ясно?

— Ясно.

— Служба безопасности Мирового Сообщества? Угнанный автомобиль?.. Золото? Тюрьма? Да, вы можете приехать и допросить меня, но все золото и машина здесь на месте! Да, я останусь здесь до вашего приезда... Нет, я не хочу в тюрьму!

Абдулла вставил:

— Рэйфорд, это работает.

— Рэйфорд?! — В трубке послышался отчаянный крик Хэтти. — Эрни, погоди!!

Но Эрни с Бо уже вовсю уматывали из аэропорта на мотоцикле, оставив за собой только пыль.

Когда они застали Абдуллу и Хэтти, он выглядел усталым, но ужасно довольным собой, а она в отчаянии сидела на полу, опираясь спиной в армейскую кушетку.

— Пойдем, Хэтти, — попросил Рэйфорд. —
Может, успеем вернуться до рождения ребенка.

* * *

Четыре часа спустя Хлоя Стил Уильямс
родила здорового младенца. Она, плача, при-
ложила его к груди и объявила, что его будут
звать Кеннет Брюс.

Плакали все. Даже Хэтти.

ЭПИЛОГ

«Одно горе прошло; вот, идут за ним еще два горя. Шестой Ангел вострубил, и я услышал один голос от четырех рогов золотого жертвенника, стоящего пред Богом, говоривший шестому Ангелу, имевшему трубу: освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрате. И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей». *Откровение, 10: 12—15.*

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арарата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ВОЗМЕЗДИЕ

ШЕСТОЙ РОМАН
ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

В шестой книге серии «LEFT BEHIND®» на человечество обрушивается второе горе Апокалипсиса: трубят шестой ангел, освобождая четырех ангелов, скованных у великой реки Евфрат. Они вывели за землю двести миллионов призрачных всадников на конях с львиными головами, которые, по пророчеству, уничтожат огнем и серой третью часть неверующих.

Тем временем герои саги, исполненные праведного гнева, устремляются в Иерусалим, чтобы убить Антихриста. Каждый из них хочет сохранить свои намерения в тайне от других. И в конце концов одному из них удастся исполнить эту миссию.

**Заказать книгу «ВОЗМЕЗДИЕ» можно
по телефону: (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24**

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

АВАДДОН

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Перевод *Т. Жебынева*
Консультант *А. Коньхова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректоры *Л. Зуева, О. Бубликова*
Компьютерная верстка *О. Борисова*

Подписано в печать 25.05.11 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 16,82.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин турик, 9.
www.terra.su

Отпечатано ООО "Балто принт"
Logotipas Company
www.baltoprint.ru

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобрести наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

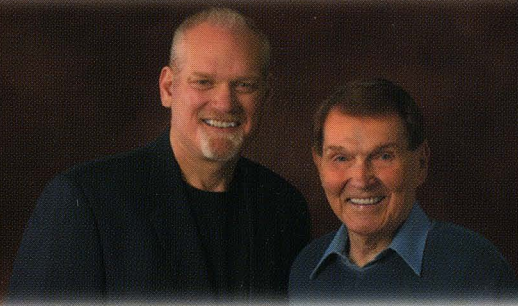
ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ХОЧЕТ
ПОЗНАТЬ
НЕПОЗНАННОЕ

Тайная власть – это власть Света и Тьмы, Белой и Черной магии, власть Космоса, власть невидимых миру сил. Газета рассказывает об этом и о том, как отличить истину от лжи в пророчествах всевозможных колдунов; на ее страницах ведут разговор известные астрологи, биотерапевты, экстрасенсы. Вы узнаете о влиянии звезд на вашу судьбу, получите советы, как быть здоровым без лекарств, как отвести беду, как выбрать спутника жизни.

Реклама: (495) 780-5757
Продажа: (495) 780-5353
www.privatelife.ru

АВАДДОН — пятый роман серии «LEFT BEHIND®» по свидетельству New York Times стал самой шокирующей книгой серии. Из бездны выходит демон-губитель Аваддон, который ведет за собой полчища саранчи с человеческими лицами и жалами скорпионов. Такого испытания человечество еще не знало.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Безумно популярно и чрезвычайно противоречиво».

USA TODAY

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли».

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Не просто художественный вымысел. Дженкинс... создал роман, представив конец света захватывающей историей, от которой — страница за страницей — невозможно оторваться до рассвета».

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0331-8

9 785422 403318

www.Leftbehind.ru